

Индекс П8643

4
2022

РОССИЯ XXI 2022 4

РОССИЯ XXI

4. 2022 июль-август

Геоглобалистика

*Левон Сафарян,
Екатерина Сушилова*

«От любви до ненависти»: к истории отношений между США и «Братьями-мусульманами» _____ 6

Страницы истории

*Валерий Журавлев,
Петр Савельев*

Российская социал-демократия и исторический выбор России _____ 28

Георгий Хмуркин

Статистика жертв среди православного духовенства южнороссийских регионов в 1918–1919 гг. _____ 62

Олег Волобуев

Алупка. Учитель истории. 1954–1959 _____ 88

Россия в мире

Михаил Ковалев

«Аудитория в Сорбонне была забита до отказа»: парижские лекции академика М. Н. Тихомирова 1957 года _____ 130

Актуальный архив

Игорь Татаринов

История одного предательства.
К вопросу о природе украинского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны _____ 160

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Петрова И.Н.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

В политике ради известной цели можно заключить союз даже с самим чертом – нужно только быть уверенным, что ты проведешь черта, а не черт тебя.

Карл Маркс

Одинаково опасно
и безумному вручать меч,
и бесчестному – власть.

Пифагор Самосский

**Левон Сафарян,
Екатерина Сушилова**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

**«ОТ ЛЮБВИ
ДО НЕНАВИСТИ»:**

**К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ США И «БРАТЬЯМИ-
МУСУЛЬМАНАМИ»**

УДК
94(5)

В статье рассматриваются основополагающие этапы укрепления роли «Братьев-мусульман» в Египте и взаимодействия между Соединенными Штатами Америки и данной исламистской организацией. Анализируются ключевые аспекты политики Вашингтона в отношении Каира во время Арабской весны и после свержения Хосни Мубарака. Авторы отдельно рассматривают особенности внутривнутриполитического развития Египта при Мухаммеде Мурси, а также американской стратегии. Делаются выводы о прагматичности фактического сотрудничества Вашингтона с организацией «Братья-мусульмане».

This article examines the milestones in the consolidation of the role of the Muslim Brotherhood in Egypt and the interaction between the United States and the Islamist organisation. The paper analyses key aspects of Washington's policy towards Cairo during the Arab Spring and after Hosni Mubarak's ouster. The authors consider the specifics of Egypt's domestic politics under Mohamed Morsi and American strategy. The article concludes pragmatic nature of Washington's actual cooperation with the Muslim Brotherhood.

Ключевые слова: Братья-мусульмане; Хосни Мубарак; Мохамед Мурси; Египет; Египетская революция; Арабская весна.

Key words: Muslim Brotherhood; Hosni Mubarak; Mohamed Morsi; Egypt; Egyptian revolution; Arab Spring.

E-mail: s-levon99@mail.ru, katerina_sushilova@mail.ru

«Братья-мусульмане»: от подпольной деятельности до «крупнейшей внесистемной оппозиции»

«Братья-мусульмане» («аль-Ихван аль-Муслимун») на протяжении десятилетий играли значительную роль в политической жизни Египта.

Эта организация, окончательно оформившаяся в 1920-е годы под руководством проповедника Хасана аль-Банни, справедливо считается самой «старой и влиятельной» среди «исламистских группировок» [12, с.256].

Базовой теоретической установкой «Братьев» выступает необходимость построения «халифата» в масштабах всей исламской уммы. Основным законом государства должен стать шариат, регулирующий все аспекты повседневной жизни правоверных. Идеальным примером общественного устройства, по аль-Банне, выступала ранняя мусульманская община времен пророка Мухаммада.

Примечательно, что «ихваны» активно поддержали антимоноархическую революцию 1952 г., де-факто выступив на стороне «Свободных офицеров». Однако дальнейшие притязания «Братьев» на активное участие в политическом процессе встретили сопротивление со стороны Гамала Абдель Насера, и с 1954 г. организация находилась на нелегальном, подпольном положении.

Опыт многолетней подпольной борьбы превратил «Братьев» в одного из наиболее консолидированных и гибких акторов на политической сцене Египта. А.Садат, придя к власти, прекратил преследования «Братьев» и выпустил их из тюрем с тем, чтобы оказать сопротивление оппозиционным по отношению к этой организации националистическим, коммунистическим и насеристским течениям и организациям. Тогда «Братья» снова начали набирать вес в стране. В условиях ухудшения социально-экономической ситуации в стране после провозглашенной А.Садатом политики «открытых дверей» гуманитарная и благотворительная деятельность «ихванов» позволила им укрепить популярность в широких слоях египетского общества: среди сельских жителей, малообразованных и бедных крестьян, безработной молодежи и представителей среднего класса [14, с.11].

Успех «Братьев» на фоне обнищания значительной части населения объясняется простотой и понятностью их лозунгов: «ислам – вот решение». Организация грамотно и эффективно отвечала на запросы наиболее уязвимых с социально-экономической точки зрения классов [15, с.195], что обеспечивало «Братьям» внушительную поддержку, несмотря на нелегальный статус.

Ряд авторов рассматривает идеологию и деятельность «Братьев-мусульман» сквозь призму «неофундаментализма», пришедшего на смену традиционному исламскому фундаментализму [15, с. 13]. «Братья» сумели эффективно использовать ухудшение социально-экономического положения широких слоев населения в собственных политических целях, став фактически «голосом ущемленных».

Первым «звездным часом» «ихванов» стала политика умеренной исламизации при А. Садате. Он стремился провести «денасеризацию» общества, консолидировать элиты вокруг собственной фигуры. В этом контексте он предпринял попытку опереться именно на религиозные круги, наиболее влиятельными из которых являлись «Братья-мусульмане». Однако подобная политика стала роковой для самого А. Садата: «Братья» безапелляционно охарактеризовали подписанные мирные соглашения с Израилем как предательство исламской уммы и вынесли египетскому лидеру смертный приговор. В 1981 г. во время проведения военного парада в честь годовщины арабо-израильской войны 1973 г. члены террористических групп исламских фундаменталистов «Аль-Гамаа аль-исламийя» и «Египетский исламский джихад» организовали успешное покушение на президента. Х. Мубарак, возглавивший страну, ввел чрезвычайное положение и начал преследования «ихванов», вновь загнав их в глубокое подполье.

Хосни Мубарак – президент Египта (1981–2011 гг.)

Мубарак мотивировал сохранение чрезвычайного положения, которое позволяло ему укреплять собственный авторитарный режим, необходимостью борьбы с исламистами. Египетский лидер на долгие годы стал близким партнером Вашингтона, выступая в качестве посредника в многочисленных конфликтах на Ближнем Востоке, в первую очередь, в арабо-израильском урегулировании. Однако Х.Мубарак с течением времени начал проводить более независимый политический курс, что отчетливо проявилось в 2005 г., когда Египет с первым визитом на Ближний Восток посетил президент РФ В.В.Путин [7, с. 462]. Расхождения между Каиром и Вашингтоном начались еще раньше по ряду ключевых проблем: Ираку, палестино-израильскому урегулированию, нераспространению ядерного оружия в регионе (Египет призывал к созданию ЗСЯО на Ближнем Востоке) и борьбе с терроризмом.

Не менее важным моментом, повлиявшим на дальнейшую политику США по отношению к Мубараку и «Братьям», стали парламентские выборы 2005 г., когда по итогам первого тура «ихваны» сумели получить более 20% голосов избирателей. Несмотря на все репрессивные меры властей, «Братья» получили 88 мандатов. Более того, впервые США подвергли резкой критике проведение выборов в Египте: в Конгрессе была принята резолюция, фактически обвинявшая Мубарака в нарушении демократических норм. Ошеломительный для того периода времени успех «ихванов» на парламентских выборах 2005 г. продемонстрировал администрации Дж.Буша-младшего необходимость поиска каналов взаимодействия с движением, пользующимся значительной популярностью в стране и способным выступить инструментом политического «шантажа» в отношении Х.Мубарака. Именно тогда началась активная, хоть и скрытая, фаза сотрудничества Вашингтона с «Братьями-мусульманами». Американское правительство выделяло финансовые средства «на продвижение демократии» египетским НПО, в числе которых, несомненно, были и «Братья».

Вашингтон начал проводить прагматичную политику в отношении «Братьев». С одной стороны, в США ценили авторитет и статус Х.Мубарака в регионе, но, с другой стороны, поощряли развитие «демократических» институтов. Соединенные Штаты не могли не учитывать укрепление позиций «Братьев» в профсоюзах, неправительственных организациях, коллегиях адвокатов, инженеров, врачей, преподавателей на протяжении 1990-х–2000-х гг. [8, с. 95]. Подобные НПО и ассоциации начинали выступать как прообраз политических партий, завоеывая

симпатии населения активной социальной деятельностью и благотворительностью, что вызывало опасения у правящих элит.

За годы подполья вплоть до начала «Арабской весны» «ихваны» трансформировались из радикальной организации в «крупнейшую внесистемную оппозицию» [5, с. 66]. Четким сигналом обеспокоенности властей в отношении ассоциаций и НПО, фактических подконтрольных «Братьям», стало принятие египетским правительством в феврале 1993 г. Закона № 100 «Об обеспечении демократии внутри профессиональных ассоциаций» [26], направленного на усиление контроля над ними. Подобные шаги стали критиковать в США, которые справедливо усматривали в сотрудничестве с «ихванами» эффективный метод давления на Мубарака и влияния на настроения египетского общества.

Арабский исследователь С.Клейб отмечает, что демократическая администрация фактически «стелила красный ковер» под ноги прямого взаимодействия между Вашингтоном и «Братьями» еще с 2009 г. [16, с. 247].

«Программой» в данном контексте стала речь Б.Обамы в Каирском университете от 4 июня 2009 г., в которой американский лидер подчеркнул, что Америка и ислам разделяют общие ценности – «принципы справедливости и прогресса, толерантность и достоинство всех людей» [27]. Ключевой посыл выступления Обамы в Каире состоял в «перезагрузке» американо-исламских отношений, преодолении наследства афганской и иракской войн и выстраивании нового диалога, который требовал новых партнеров.

Каирская речь Барака Обамы (4 июня 2009 года)

В связи с этим «Братья» становились одними из очевидных политических кандидатов, на которых впоследствии можно будет сделать ставку. Было бы значительным преувеличением сказать, что Вашингтон был заинтересован в смене режима Х.Мубарака: «последний фараон» Египта был удобным партнером как для самих США, так и для Израиля, так как выступал гарантом сохранения мирного договора с Тель-Авивом. Этот тезис оставался актуальным вплоть до 2011 г., несмотря на упомянутые выше разногласия и даже открытую критику Мубараком действий США, которых он обвинял в политике двойных стандартов [6, с. 239].

В то же время для администрации Б.Обамы революция в Египте во многом стала неожиданностью, о чем можно судить по отсутствию первоначальной консолидированной позиции американских властей. В самом начале «папирусной революции» государственный секретарь США Х.Клинтон заявляла об «устойчивости» правительства Мубарака и его стремлении «найти ответы» на требования египетского народа. Более того, специальный посланник США в Египте Ф.Визнер отмечал необходимость сохранения власти египетского лидера [6, с. 239]. Однако впоследствии в Вашингтоне, очевидно, решили «принести в жертву» политическую фигуру Х.Мубарака, и президент США 2 февраля 2011 г. публично призвал «фараона» уйти в отставку. В своем официальном заявлении от 10 февраля 2011 г. Обама подтвердил, что «египетский народ ясно дал понять, что пути назад больше нет... Египет изменился, и его будущее находится в руках народа» [30].

Ставка Вашингтона на «Братьев» после свержения Мубарака

США было критически важно сохранить влияние в Египте, который рассматривался в качестве крупнейшего и наиболее мощного в военно-политическом отношении государства арабского мира. Первоначальная ставка Вашингтона на «ихванов» и тот факт, что Соединенные Штаты «протянули руку "Братьям-мусульманам"», свидетельствовали о попытке адаптироваться к новым политическим реалиям в Египте и регионе в целом. Благоклонное отношение Вашингтона к египетским «Братьям» также объяснялось стремлением США продемонстрировать готовность к сближению с исламскими умеренными движениями, постепенно завоевывавшими популярность в государствах, охваченных потрясениями «Арабской весны». При этом в самих Соединенных Штатах не было консенсуса относительно того, в каком качестве рассматривать «ихванов»: как представителей движения «обновления» в регионе или как

исламистов, чьи интересы полностью контрастируют с интересами Вашингтона.

Однако в момент, когда «Братья-мусульмане» стали наиболее организованной политической силой в Египте на фоне падения Мубарака, администрации Обамы было необходимо не допустить того, чтобы он «вошел в историю, как президент, который потерял Египет» [23]. Гипотетическая потеря Египта стала бы серьезнейшим ударом по геостратегическим позициям Вашингтона на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Так, глава египетской «Социально-демократической партии» доктор Мохаммед Абу аль-Гар прямо заявлял о том, что «Америка теряет Египет... существует предположение, что они поддерживают "Братьев-мусульман" и выступают против других партий» [24]. Политика администрации Б.Обамы подвергалась особенно жесткой критике со стороны консервативного политического лагеря США и израильских аналитических центров, например, Вашингтонского института ближневосточной политики (WINEP). Обаму обвиняли в том, что начавшееся в 2011 г. очевидное сближение между США и «Братьями-мусульманами» привело к тому, что образ Америки как бастиона демократических свобод и ценностей начал рушиться в сердцах сторонников демократии и мира на Ближнем Востоке. С другой стороны, в арабской прессе начались поиски глубинных мотивов поддержки Вашингтоном «ихванов». Так, высказывались предположения о том, что истинной долгосрочной целью США в регионе является «борьба с арабским единством... и противодействие единению арабов» посредством содействия «исламистскому политическому проекту» [33] в лице «Братьев».

Так или иначе, по некоторым источникам, в период между сентябрем 2010 г. и февралем 2011 г. Совет национальной безопасности и Государственный департамент подготовили секретный доклад, в котором обращалось значительное внимание на перспективы сотрудничества с «ихванами». В документе отмечались преимущества, которые может получить Вашингтон от сотрудничества с «Братьями-мусульманами», в первую очередь, в Египте [34]. Более того, после «революции 25 января» начался поистине новый этап отношений между «ихванами» и США: отныне «Братья» считались «опытной организацией», способной «объединить египетский народ». Однако и сами «Братья-мусульмане» не могли не быть заинтересованы в сотрудничестве с Вашингтоном, доминирующим игроком в регионе. Так, «ихваны» де-факто отказались от одного из своих требований, выдвинутых накануне революции 2011 г. – «освобождении Египта от иностранного засилья» [12, с.258].

Таким образом, постепенно формировалась зона общих американо-ихванских интересов. Если, к примеру, США смогли бы прожить без Туниса, то в отношении Египта все было намного сложнее. Вашингтон избрал тактику действовать согласно ситуации непосредственно «на земле», с учетом того, что «Братья» действительно сумели оседлать протестную волну в рамках «Арабской весны». В связи с этим характерной чертой «политического лексикона» администрации Б.Обамы при описании «Братьев» стало выражение «умеренные исламисты», что должно было придать большую привлекательность взаимодействию с «ихванами».

Демонстрации сторонников «Братьев-мусульман» в Египте

Американо-египетские отношения на начальном этапе президентства Мухаммеда Мурси

Впервые на высшем уровне о необходимости сотрудничества с «Братьями» заявила государственный секретарь Х.Клинтон. В ходе визита в Будапешт 30 июня 2011 г. Клинтон недвусмысленно отметила, что на фоне «меняющегося политического ландшафта в Египте» Соединенные Штаты будут стремиться к диалогу со всеми «мирными и приверженными ненасильственным методам борьбы партиями», в числе которых назвала «Братьев-мусульман». Именно на июнь – июль 2011 г. приходится первые прямые «ограниченные контакты» с организацией.

Уже в начале ноября 2011 г. во Франкфурте состоялся ряд встреч между представителями ЦРУ и «Братьями», где поднимались вопросы по поводу политической обстановки в Иране, Сирии и Ливане и координации общих целей и задач в отношении этих государств. Несмотря на взаимный и обоюдовыгодный интерес друг к другу между США и «Братьями», последние нуждались в некотором «ребрендинге» или модификации для облегчения сотрудничества с американской администрацией. Подобные шаги должны были добавить «политические очки» организации в глазах демократической администрации, которая и так рассматривала их как «более умеренных» по сравнению с другими исламистскими египетскими движениями, например, радикальным «Аль-Гамаа аль-Исламия».

В этом контексте «ихваны» пошли на создание коалиции «Демократический альянс за Египет» во главе с «Партией свободы и справедливости» (ПСС), которая на деле являлась политической организацией «Братьев», сформированной после революции 2011 г. для облегчения их участия в политической жизни. В декабре 2011 г. по итогам выборов в Народное собрание (нижняя палата) ПСС получила 36% [13] по партийным спискам (по другим данным – 38% [2]).

Свой успех, хотя и при намного более низкой явке избирателей, «Братья» повторили в ходе выборов в верхнюю палату парламента, Совет Шура, которые проходили с января по февраль 2012 г. Им удалось получить 105 из 264 мест, что стало абсолютным большинством среди выборных кандидатов. Однако еще 90 депутатов назначались главой «Верховного военного совета», созданного после событий «Арабской весны», фельдмаршалом Мухаммедом Хусейном Тантауи, который де-факто выполнял роль руководителя страны на переходный период.

Триумфом «Братьев» стали итоги президентских выборов, в результате которых в июне 2012 г. новым президентом страны стал Мухаммед Мурси. В официальном микроблоге в Twitter Партии свободы и справедливости отмечалось, что это «первый египетский президент, выбранный народом» [1]. А уже в августе Мурси совершил «антивоенный переворот», отправив в отставку фельдмаршала М.Х. Тантауи, и сконцентрировал всю полноту власти в своих руках. Примечательно, что никакой негативной реакции из США в адрес Каира не последовало.

Как отмечает отечественный исследователь Б.В. Долгов, на тот момент кандидатура М. Мурси, своего рода технократа, инженера по образованию, обучавшегося в аспирантуре в США и работавшего некоторое время в авиакосмической промышленности, была «приемлемой для политического курса США» [11, с. 56]. Во многом поэтому Вашингтон

Мухаммед Хусейн Тантауи – Министр обороны и военной промышленности Египта (1991–2012 гг.), исполняющий обязанности президента Египта (февраль 2011–июнь 2012 гг.)

не выступил против отказа Мурси от «Конституционной декларации», выпущенной «Верховным военным советом» в марте 2012 г. и значительно урезавшей полномочия президента. Символом продолжения стратегических отношений между Египтом и США стало подтверждение американо-египетской сделки по поставкам египетским ВВС 20 истребителей F-16, заключенной при Мубараке. В декабре 2012 г., невзирая на политическую нестабильность в Египте, Вашингтон заявил, что выполнит данный контракт [20].

Американо-египетские отношения улучшились благодаря прекращению огня между ХАМАС и Израилем в ноябре 2012 г. В этом особую роль сыграл М.Мурси, который наладил контакты между Каиром и «хамасовцами». Более того, Мурси пытался выступить в качестве посредника между палестинскими противоборствующими сторонами, ФАТХ и ХАМАС [8, с. 159]. Не менее важным сигналом со стороны правительства М.Мурси Вашингтону стала позиция Египта по отношению к сирийскому режиму Б.Асада. Еще в августе 2012 г. на саммите Движения неприсоединения Мурси охарактеризовал Асада как «деспота» и вновь повторил критику в адрес сирийского лидера в декабре того же года. Особенно важно, что саммит Движения неприсоединения проходил в Иране – стране, выступавшей ближайшим союзником Асада.

Казалось, что интересы США в Египте при М.Мурси оставались неизменными. Правительство Мурси стремилось к сближению с Соединенными Штатами и монархиями Персидского залива, в первую очередь, Катаром, долгие годы спонсировавшим «Братьев-мусульман», а также Турцией, во главе которой стояла идейно близкая «братьям» «Партия справедливости и развития». Именно американско-египетские отношения являлись для М.Мурси приоритетными [11, с. 59]. Однако постепенно Мурси стал предпринимать шаги, которые вызывали, как минимум, раздражение в Вашингтоне и не могли не повлиять на характер двустороннего взаимодействия в дальнейшем и позицию Штатов по отношению к самому египетскому лидеру.

Мухаммед Мурси – президент Египта (2012–2013 гг.)

Ухудшение американско-египетских отношений при М.Мурси

о юридическом иммунитете президента, Совета Шуры и конституционной ассамблеи, которая занималась разработкой новой конституции, Мурси сосредоточил в своих руках как исполнительную, так и законода-

В ноябре 2012 г. М.Мурси пошел на дальнейшее укрепление собственной власти. Распустив нижнюю палату парламента и объявив

тельную власть. Новая конституция, как было объявлено, должна была базироваться на нормах исламского права.

Для «Братьев» было крайне важно узаконить фактическую исламизацию страны. В связи с этим в проекте новой конституции 2012 г. отдельно констатировалось, что Арабская Республика Египет «является частью арабской и исламской нации» [35].

Ряд «демократических или псевдodemократических» положений основного закона страны был введен ради закрепления выигрышной позиции действующих властей во главе с М.Мурси [10, с. 72]. Подобные тенденции лишь усиливали напряженность в обществе и настораживали политические элиты в Соединенных Штатах. Озвученные ранее египетским президентом тезисы о «демократическом переходе» или «демократической трансформации» Египта не имели ничего общего с реальностью.

В Вашингтонском институте ближневосточной политики вновь прозвучала резкая критика политики Б.Обамы: «окончательный транзит Египта к гражданскому управлению» [31], наконец, завершился, однако Египет не стал ни либеральным, ни демократичным. В политических кругах, а именно в кругах республиканской партии США, которые считали американскую политику неоправданно уступчивой и выступали за проведение более жесткого курса, начали раздаваться голоса о том, что Вашингтон потворствовал Мурси, который сосредоточил всю полноту власти в своих руках.

Принятие в конце декабря 2012 г. новой конституции привело к новым акциям протеста. Первым сигналом изменения позиции администрации Обамы стал звонок американского президента своему египетскому коллеге на фоне нарастания противоречий в стране. Так Обама выразил свою «крайнюю озабоченность» по поводу гибели 6 и ранения 700 человек в ходе протестных акций [25]. Другой причиной недовольства США развитием событий в Египте стало ухудшение положения меньшинств, в первую очередь, коптов-христиан. Несмотря на то, что новая конституция «на бумаге» гарантировала защиту как христианам, так и иудеям, на деле этнические меньшинства оказались чрезвычайно уязвимыми перед лицом притеснений со стороны исламистов. Примечательно, что и в последние годы правления Х.Мубарака, чье правительство не предпринимало каких-либо шагов по улучшению положения коптов, этот вопрос стал одной из точек напряжения в отношениях между Каиром и Вашингтоном. Даже с учетом того, что в египетском законодатель-

стве содержались положения о «неконфликтности христианства с шариатом», они носили чисто декларативный характер [17, с.87].

В среде «Братьев-мусульман» существовала почти открытая ненависть к христианам-коптам. Так, в районах страны с наибольшим влиянием «ихванов» копты сталкивались с различными угрозами. Во многом подобное отношение «Братьев» к коптам исходило из убежденности в том, что копты являлись пособниками израильских спецслужб и предателями [18].

Копты в Египте

Не менее важным фактором ухудшения американо-египетских отношений при Мурси стал вопрос о мирном соглашении с Израилем. Следует отметить, что «сохранение Кэмп-Дэвидского договора» является «принципиальной составляющей» политики Вашингтона в отношении Каира [22, с.288]. Изменение отношения «Братьев» к договоренностям с Израилем вкпе с интенсификацией контактов с ХАМАС закономерно приводили к нарастанию противоречий в двусторонних отношениях между Египтом и США. С одной стороны, Вашингтон и Тель-Авив, равно как и официальная администрация ПНА, были недовольны излишним сближением Каира с группировкой ХАМАС. С другой стороны, в рядах самих «Братьев» началась активная критика египетско-израильского

мирного договора. Так, советник ПСС Ахмед Субей заявил о том, что Кэмп-Дэвидское соглашение является «позором для египетского народа» и должно быть пересмотрено [32].

Согласно некоторым израильским источникам, М.Мурси призывал собственное правительство выступить с инициативой о пересмотре некоторых особенно болезненных или невыгодных египетской стороне положений Кэмп-Дэвидского договора [36]. Имелись в виду ограничения на свободу передвижения египетской армии в зоне Синайского полуострова, недалеко от Сектора Газы и северо-востока Египта. Вашингтон, традиционно рассматривавший Тель-Авив в качестве «бастиона» или «опоры» собственной политики на Ближнем Востоке, был вынужден учитывать фактор недовольства израильской стороны. Примечательно, что израильский журналист и политический аналитик И.Коэн отмечал, что правительство М.Мурси «представляло опасность национальной безопасности Израиля» [37]. Следуя логике и характеру американо-израильских отношений, можно предположить, что при таком раскладе режим Мурси автоматически представлял бы опасность и для национальной безопасности США. Важным сигналом в отношении Мурси со стороны Вашингтона стало официальное заявление Белого дома и Госдепартамента США по израильскому вопросу в начале января 2013 г. Так, американская сторона решительно осудила антисемитские и оскорбительные высказывания М.Мурси 2010 г., когда в интервью ливанскому телеканалу «Аль-Кудс» он назвал евреев «...кровопийцами, разжигателями войны...» и призвал воспитывать молодое поколение в духе борьбы и ненависти к евреям [4].

Дополнительным поводом для недовольства Вашингтона политикой М.Мурси стали его отношения с Ираном. Как известно, Тегеран разорвал официальные дипломатические отношения с Каиром после Кэмп-Дэвидских договоренностей, обвинив Египет в предательстве. Примечательно, что М.Мурси еще в статусе кандидата в президенты заявил иранскому информационному агентству “Fars” о намерении пересмотреть отношения с Тель-Авивом. Подобный тезис наряду с тем фактом, что он был адресован в первую очередь иранской аудитории, также вносил новые противоречия между Каиром и Вашингтоном. Более того, М.Мурси, посетив в августе 2012 г. саммит Движения неприсоединения в Тегеране, стал первым египетским лидером, посетившим Иран за 30 лет. Не менее важно, что после визита в Иран следующим пунктом зарубежного турне Мурси стал Китай. Подобные шаги египетского президента начинали вызывать все большую обеспокоенность в США.

Спикер иранского парламента Али Лариджани подчеркнул важность визита Мурси в Тегеран, заявив, что отношения между Египтом и Ираном, «как двумя большими мусульманскими странами», должны базироваться на «крепких связях», а сами страны обязаны «играть ключевую роль в исламской цивилизации» [28]. В условиях попыток администрации Б.Обамы максимально изолировать Иран для сдерживания его ядерной программы подобная политика египетского партнера не могла найти поддержки в Белом доме. Таким образом, несмотря на первоначальные внешнеполитические успехи М.Мурси, которые фактически свелись к посреднической роли в прекращении огня между ХАМАС и Израилем в 2012 г., его дальнейшие шаги приводили к постепенному недовольству США. С учетом роста недовольства населения и почти открытым пренебрежением демократическими нормами ситуация становилась для М.Мурси и его отношений с США по-настоящему угрожающей. Заметным показателем недовольства США стали широкие дискуссии в политических кругах страны о целесообразности оказания финансовой помощи Каиру в размере 1,5 млрд долларов. В начале февраля 2013 г. ряд членов как демократической, так и республиканской партий во главе с П.Лехи и Ф.Вульфом выступил с резкой критикой политики администрации в отношении Мурси. Египетского президента прямо обвинили в принадлежности к исламистам из «Братьев-мусульман», которые не поддерживают демократические реформы. Очевидно, что Мурси терял всякую возможность поддержки со стороны США.

Дестабилизация обстановки в Египте весной–летом 2013 г. на фоне ухудшения социально-экономического положения и нарастания межэтнических и межконфессиональных противоречий привела к новой волне насилия. 2 июля, в ходе очередного телефонного разговора с М.Мурси, американский лидер озвучил ряд тезисов, которые, на наш взгляд, демонстрируют полный отход администрации Обамы от какой-либо поддержки египетских властей. Президент США подчеркнул необходимость удовлетворения требований протестующих и решения сложившегося кризиса при помощи политического процесса. Более того, Обама заявил Мурси о том, что «демократия – это нечто большее, чем только выборы», подтвердив приверженность Вашингтона демократическому процессу в Египте [29]. Подобная риторика, носящая несколько «поучительный» характер, отчетливо показывает крайнее недовольство американского лидера.

Также стоит отметить, что режим М.Мурси, поддерживаемый Анкарой и Дохой, вызывал неприязнь со стороны Саудовской Аравии и Из-

раиля. Фактически Эр-Рияд и Тель-Авив «выступили единым фронтом» против ставленника «Братьев» и пролоббировали максимально возможный нейтралитет администрации Обамы в отношении случившегося уже 3 июля 2013 г. военного переворота во главе с Абдель Фаттахом ас-Сиси [19, с.38].

Встреча Мухаммеда Мурси с Реджепом Тайипом Эрдоганом

Несмотря на то, что США временно заморозили предоставление военной помощи Египту, а сам Обама призвал военных в кратчайшие сроки вернуть власть «гражданскому правительству» и отказаться от судебного преследования в отношении М.Мурси, уже 10 июля 2013 г. в Госдепартаменте заявили о том, что более не рассматривают Мурси в качестве «действующего руководителя» [9]. На следующий день, 11 июля, в МИД Египта заявили о высокой оценке позиции Вашингтона, а также охарактеризовали период правления М.Мурси как «недемократический». Уже в августе 2013 г. Б.Обама, несмотря на осуждение насилия и кровопролития в Египте в ходе подавления выступлений «Братьев» в поддержку Мурси, когда военными было убито 525, а ранено 3717 человек, все же отчетливо раскритиковал правительство Мурси, которое, по его словам, «не было инклюзивным и не уважало точку зрения всех египтян».

В то же время «Братья-мусульмане» начали открыто угрожать американским дипломатам. В конце июля 2013 г. один из лидеров «ихванов» Исам аль-Урьян в ходе митинга перед сторонниками М.Мурси потребо-

вал от посла США покинуть Египет, «не дожидаясь, пока мы выдворим вас завтра» [3].

Таким образом, тактическое сотрудничество между Вашингтоном и египетскими «Братьями-мусульманами» оказалось недолгим. В США стремились к сохранению влияния в Египте, что требовало прагматизма и принятия политических реалий на момент активной фазы «Арабской весны». Подобный курс Вашингтона в отношении Каира диктуется интересами самих Соединенных Штатов: стабильность в самой густонаселенной, стратегически важной и мощнейшей в военном отношении ближневосточной стране рассматривается как ключ к региональной стабильности в целом. При этом недовольство режимом «Братьев-мусульман» высказывали два ближайших стратегических союзника США в регионе, Израиль и Саудовская Аравия. Без их внешней поддержки маловероятно, что военный переворот 3 июля 2013 г. был бы осуществлен. В совокупности же с возникшими противоречиями в отношении палестино-израильского вопроса, притеснениями меньшинств и укреплением авторитаризма режима М.Мурси разрыв между Египтом с «Братьями-мусульманами» во главе и США был неизбежен. Так, внешнеполитические шаги М.Мурси, внутренняя нестабильность и недовольство его режимом большинства населения в Египте стали главной причиной охлаждения отношений между двумя государствами.

Впоследствии М.Мурси был заключен под стражу и приговорен к двадцати годам тюрьмы строгого режима, 17 июня 2019 г. он скончался от сердечного приступа в заключении. Своего рода показателем отношения Вашингтона к периоду взаимодействия с египетскими «ихванами» стала реакция Белого дома на смерть М.Мурси в 2019 г. Безусловно, стоит учитывать тот факт, что администрация президента Д. Трампа заметно отличалась от администрации Б.Обамы. Однако в Белом доме лишь шаблонно ответили, что «...в курсе сообщений... и отслеживаем ситуацию» [21].

Библиографический список

1. «Братья-мусульмане»: Мохаммед Мурси выиграл президентские выборы в Египте // Росбалт. URL: <https://www.rosbalt.ru/main/2012/06/18/993707.html> (дата обращения: 25.06.2022).

2. «Братья-мусульмане» одержали победу в парламентских выборах в Египте // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/news/78588-bratya-musalmane-oderzhali-pobedu-v-parlamentskih-vyborah-v-egipte> (дата обращения: 25.06.2022).

3. «Братья-мусульмане» угрожают послу США в Египте // 7 Kanal. URL: <https://www.7kanal.co.il/News/News.aspx/161807> (дата обращения: 25.06.2022).
4. Белый дом осудил слова президента Египта о ненависти к евреям // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2013/570402349a7947fcb444947> (дата обращения: 25.06.2022).
5. Ближний Восток: Политика и идентичность / Под ред. И.Д.Звягельской. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 336 с.
6. Вавилов А.И. Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран. Опыт критического анализа. М.: Библос консалтинг, 2009. С.333–349.
7. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018. 670 с.
8. Видясова М.Ф. Египет: от Насера до наших дней. М.: ООО «Садра», 2020. 248 с.
9. Госдепартамент не рассматривает события в Египте как переворот // ТАСС. URL: <https://tass.ru/glavnie-novosti/632357> (дата обращения: 25.06.2022).
10. Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2015. 384 с.
11. Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир / Отв. ред. И.Д.Звягельская. М.: ЛЕНАНД, 2017. 200 с.
12. Ислам в мировой политике в начале XXI века. Под ред. Л.М.Ефимовой, М.А.Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2016. 345 с.
13. Исламисты победили в большинстве одномандатных округов в Египте // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20111207/509171227.html> (дата обращения: 25.06.2022).
14. Исламские партии и движения в политическом процессе стран Востока. Под ред. Л.М.Ефимовой, М.А.Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2020. 247 с.
15. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Отв. ред. А.Д.Саватеев, Э.Ф.Кисриев. М.: ЛЕНАНД, 2015. 424 с.
16. Клейб С. Разрушение Сирии или уход Асада: М.: Библос консалтинг, 2018. 456 с.
17. Кривец Е.А. Коптская община Египта и политика дискриминации // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №3–1. С.86–92.
18. Минц М.В. Положение коптов в современном Египте // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=6410> (дата обращения: 25.02.2022).
19. Схватка за Ближний Восток: Региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта / Отв. ред. А.М.Васильев, А.В.Коротаев, Л.М.Исаев. М.: ЛЕНАНД, 2019. 256 с.
20. США поставят египетским исламистам истребители F-16 // Jewish.Ru. URL: <https://jewish.ru/ru/news/articles/157933/> (дата обращения: 25.06.2022).

21. США проигнорировали смерть Мурси // Агентство Anadolu. URL: <https://1-co.ru/QWvx2> (дата обращения: 25.06.2022).
22. Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны». М.: Международные отношения, 2015. 336 с.
23. Benn A. Obama Will Go Down in History as the President Who Lost Egypt // Haaretz. URL: <https://www.haaretz.com/1.5114927> (дата обращения: 25.06.2022).
24. Does Obama Support the Muslim Brotherhood in Egypt? // TIME. URL: <https://swamp-land.time.com/2013/08/23/does-obama-support-the-muslim-brotherhood-in-egypt/> (дата обращения: 25.06.2022).
25. Egypt: 'Concerned' Obama Calls Morsi // Sky News. URL: <https://news.sky.com/story/egypt-concerned-obama-calls-morsi-10461561> (дата обращения: 25.06.2022).
26. Egypt: Law No. 100 of 1993 to Provide Democratic Safeguards for Professional Associations, 17 February 1993. URL: <https://www.refworld.org/docid/3f8282871.html> (дата обращения: 25.06.2022).
27. Full text: Barack Obama's Cairo speech // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/jun/04/barack-obama-keynote-speech-egypt> (дата обращения: 25.06.2022).
28. Londono E. Visit by Egypt's Morsi to Iran reflects foreign policy shift // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/visit-by-egypts-morsi-to-iran-reflects-foreign-policy-shift/2012/08/27/4baf4b3a-f060-11e1-b74c-84ed55e0300b_story.html (дата обращения: 25.06.2022).
29. Obama to Morsi: Democracy is more than elections // USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/theoval/2013/07/02/obama-morsi-egypt-proetsts/2481861/> (дата обращения: 25.06.2022).
30. Statement of President Barack Obama on Egypt // The White House. President Barack Obama. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/02/10/statement-president-barack-obama-egypt> (дата обращения: 25.06.2022).
31. Trager E. Egypt's New President Moves Against Democracy // TWI. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/egypts-new-president-moves-against-democracy> (дата обращения: 25.06.2022).
32. Treaty with Israel has brought cancer, hepatitis to Egypt, and must be changed, says adviser to Morsi's party // The Times of Israel. URL: <https://www.timesofisrael.com/cairo-must-amend-shameful-treaty-with-israel-says-egyptian-official/> (дата обращения: 25.06.2022).
33. Аль-Афифи М. Лимаза тадаму Амрия аль-Ихвана? [Почему Америка поддерживает «Братьев»?]. Бавабату ль-Ахрам. 14 августус 2013 [14 августа 2013]. URL: <https://gate.ahram.org.eg/daily/News/226427.aspx> (дата обращения: 25.06.2022).
34. Васанк амрикийя джадида такшифу да'ма идарати Убама ли ль-Ирхаб фи аш-Шарк аль-Аусат [Новые документы раскрывают поддержку администрацией Обамы терроризма на Ближнем Востоке]. Эль-Могаз. 24 янаир 2014 [24 января 2014]. URL: <https://www.elmogaz.com/166817> (дата обращения: 25.06.2022).

35. Дустур Мыср ас-Садыр ам 2012 [Конституция Египта 2012 г.]. Constitute. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Egypt_2012.pdf?lang=ar (дата обращения: 25.06.2022).

36. Сахифатун ыбрийятун такшифу хаькыката ль-Алякат бейна Мыср ва Исраиль фи ахд ар-Раис Мурси [Израильская газета раскрыла правду об отношениях между Египтом и Израилем при президенте Мурси]. Yeni Safak аль-арабийя [Yeni Safak на арабском языке]. 15 шавваль 1440 [18 июня 2019 г.]. URL: <https://www.yenisafak.com/ar/world/3422695> (дата обращения: 25.06.2022).

37. Сухуфий исраилий: Мурси кяда ан якуна кярисатан аля Исраиль ляв ла инкыляб ас-Сиси [Израильский журналист: Мурси почти стал катастрофой для Израйля, если бы не переворот ас-Сиси]. Аль-Джазира мубашир [Аль-Джазира в прямом эфире]. 19 юнию 2020 [19 июня 2020]. URL: <https://mubasher.aljazeera.net/news/politics/2020/6/19/%D8%B5%D8%AD%D9%81%D9%8A-%D8%A5%D8%B3%D8%B1%D8%A7%D8%A6%D9%8A%D9%84%D9%8A-%D9%85%D8%B1%D8%B3%D9%8A-%D9%83%D8%A7%D8%AF-%D8%A3D9%86-%D9%8A%D9%83%D9%88%D9%86-%D9%83%D8%A7%D8%B1%D8%AB%D8%A9> (дата обращения: 25.06.2022).

У нас могут быть только две партии: одна у власти, другая в тюрьме.

Н. И. Бухарин

Милости хочу,
а не жертвы.

*Евангелие
от Матфея 9:12*

Можно закрыть глаза
на действительность,
но не на воспоминания.

Станислав Ежи Лец

Мало кто меняет убеждения –
меняют идеологии.

Станислав Ежи Лец

И маленький вопиющий факт,
который звучит во всей истории:
репрессии работают только
для того, чтобы укреплять
и объединять репрессированных.

Джон Стейнбек

Музыка жизни умолкнет, если
оборвать струны воспоминаний.

Джером К. Джером

**Валерий Журавлев,
Петр Савельев**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ*

II. ОТ СОЦИАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

УДК

94(47).084.2-3

В статье продолжается анализ трансформации левого фланга партийной системы России осенью 1917 г. В то время прежние лидеры политического процесса – меньшевики и эсеры – постепенно теряли свои позиции, а в октябре были вовсе отстранены от власти, а им на смену пришли большевики и левые эсеры. Попытки создать более широкую правительственную коалицию завершились неудачей переговоров при ВИКЖЕЛе, а разгон Учредительного собрания еще более углубил раскол между социалистами.

The article continues the analysis of the transformation of the left flank of the Russian party system in the autumn of 1917. At that time, the former leaders of the political process – the Mensheviks and Social Revolutionaries – gradually lost their positions, and in October they were completely removed from power, and they were replaced by the Bolsheviks and left Social Revolutionaries. Attempts to create a broader government coalition ended in the failure of negotiations under Vikzhel, and the dispersal of the Constituent Assembly further deepened the split between the Socialists.

Ключевые слова: Российская революция 1917 г.; политические партии; социал-демократы; большевики и меньшевики; Учредительное собрание.

Key words: The Russian Revolution of 1917; political parties; Social Democrats; Bolsheviks and Mensheviks; Constituent Assembly.

E-mail: kaf-nnir@mgou.ru; savelev57@bk.ru

*Статья подготовлена в рамках реализации поддержанного РФФИ проекта №20-09-00105 «Политические партии России начала XX в.». Продолжение. Начало см.: Россия XXI. №3-2022.

Большевики приходят к власти. Сентябрь – октябрь 1917 г.

Сокрушительный удар по идее широкой коалиции с ценовыми элементами был нанесен вооруженным выступлением генерала Л.Г.Корнилова.

Ценовики были явно на стороне мятежного генерала. Перепуганный Керенский, спровоцировавший мятеж, требовал санкции Советов на формирование Директории из пяти лиц с чрезвычайными полномочиями. Единственной силой, принявшей реальные и эффективные меры по пресечению мятежа, стали Советы. В ночь с 27 на 28 августа на совместном заседании Исполкомов Советов сторонники и критики коалиции сошлись на том, что насущной задачей является сплочение масс в борьбе с контрреволюцией. А.И.Вайнштейн изложил разработанную накануне ЦК РСДРП(о) идею создания Комитета обороны от контрреволюции на межпартийной основе. Она была принята Исполкомами и с середины дня 28 августа Комитет уже работал. Первоначально в него вошли от РСДРП(о) Дан, Либер и Абрамович, от РСДРП(б) Каменев, Д.Б.Рязанов и В.И.Невский, от эсеров Б.С.Синани, П.Е.Лазимир и В.Г.Заварзин, от Исполкомов Чхеидзе, В.М.Чернов, Церетели, Мартов, В.Г.Архангельский, П.А.Сорокин и Н.Я.Быховский. Затем он пополнялся представителями профсоюзов и Петроградского Совета [24, т.3, ч.1, с.72, 109–110]. Предложение Керенского о создании Директории было отвергнуто. Правда, публично это было сделано только меньшевиками-интернационалистами, большевиками и левыми эсерами. Дан предложил конкретные меры выхода из кризиса, поддержанные и крайне левыми фракциями. Они предполагали ответственность членов партий, «входящих в демократические органы», перед своей партией; немедленный созыв нового Государственного (демократического) совещания, но с исключением из него всех контрреволюционеров; осуществление этим совещанием функций представительного учреждения впредь до созыва Учредительного собрания; ответственность Временного правительства перед Демократическим совещанием [24, т.3, ч.1, с.111–112]. ПК РСДРП(б) первоначально занял сепаратную позицию по отношению к другим социалистическим партиям. Но в конечном итоге, осознавая различия между собственными и их целями, проявляя осторожность в вопросе о сотрудничестве, все же пошел на объединение усилий всех левых групп в борьбе с корниловщиной [31, с.404–427]. 29 августа ЦК РСДРП(б) направил на места директиву «во имя отражения контрреволюции» работать в техническом сотрудничестве с Советом, «при полной самостоятельности политической линии» [30, т.1, с.31]. К 30 августа при городских и сельских советах было создано более 240 Комитетов обороны, проделана огромная работа по организа-

ции и вооружению рабочей милиции («Красной гвардии») [38, с.498–499]. В ЦК РСДРП(б) имели место известные колебания по вопросу о сотрудничестве. Так, на заседании 30 августа ставился вопрос о выходе большевиков из Комитета обороны. Но большинство отклонило это предложение [36, с.32]. Предпринятые социалистами разных толков совместные усилия привели к быстрому подавлению мятежа и, показав эффективность и возможность таких действий, способствовали популяризации идеи «однородного социалистического правительства». ЦК РСДРП(б) потребовал от министра юстиции освобождения из тюрем большевиков, обвинения против которых не доказаны, и решил, что недопустимо участие во Временном правительстве лиц, как-либо причастных к контрреволюционному движению [24, т.3, ч.1, с.76]. На совместном заседании Исполкомов Советов 31 августа Каменев предложил депутатам декларацию «О власти», одобренную ЦК РСДРП(б) [36, с.37–38]. Умеренная по содержанию и тону, она требовала отстранения от власти не только кадетов, но и всех представителей буржуазии, провозглашения демократической республики с правительством, составленным из представителей рабочих и крестьян. До представления Исполкомам декларация уже была принята Петроградским советом. В жаркой дискуссии декларацию большевиков поддержали объединенные социал-демократы – интернационалисты (Ю.М.Стеклов) и меньшевики-интернационалисты (Мартов). Центристы (Дан и Богданов) были близки к ее одобрению, толкуя о создании однородного демократического правительства. Лишь Церетели продолжал отстаивать коалицию [24, т.3, ч.1, с.132]. Вечером 1 сентября Керенский объявил о провозглашении России республикой, созыве Демократического совещания на условиях Советов, освобождения из тюрем большевиков¹ и создании Директории под своим руководством и без кадетов. Это усилило позиции центристов, и утром 2 сентября заседание Исполкомов закончилось принятием резолюции, откладывавшей принятие решения о власти до Демократического совещания.

Тем временем Ленин обратился в ЦК с письмом, зачитанным на заседании 3 сентября, в котором рекомендовал, во-первых, не оказывать правительству Керенского поддержки, но и не стремиться к его свержению, а, во-вторых, координировать свои действия с левыми социалистами [36, с.42, 43–46; 9]. Вслед за тем он пишет статью «О компромиссах», в которой заявлялось о готовности отказаться от вооруженной борьбы при условии формирования меньшевиками и эсерами советского правительства [16; 39, т.2, с.313–317]. Статью первоначально не хотели даже пуб-

¹ 4 сентября были освобождены Л.Д.Троцкий, В.А.Антонов-Овсеенко, П.Е.Дыбенко, Н.В.Крыленко и ряд других большевиков.

ликовать. Она появилась в «Рабочем пути» лишь 6 сентября. А ПК пришлось убеждать в правильности предложенной тактики [31, с. 429–431].

5 сентября прошли совещания всех фракций ВЦИК, посвященные обсуждению роли предстоящего Демократического совещания. Большевики без прений приняли решение, что оно должно передать власть Советам. Меньшевики последовательно отвергли резолюции Потресова (отрицавшего саму идею Совещания) и Дана (видевшего задачу Совещания в сплочении демократии в борьбе с максималистскими настроениями). Была принята резолюция Мартова, считавшего, что Совещание – источник «власти, опирающейся на широкие слои народа» [24, т. 3, ч. 1, с. 152–153].

В первую декаду сентября большевики сосредоточились на достижении компромисса между социалистами и обеспечении условий по мирному переходу власти к Советам. 9 сентября большевики добились принятия решения о реорганизации Президиума исполкома Петроградского совета на пропорциональной основе. К 25 сентября реорганизация завершилась. Из 7 членов нового Президиума четверо (Каменев, Рыков, Г. Ф. Федоров и Троцкий) были большевиками. Троцкий стал его председателем [24, т. 3, ч. 1, с. 161–162; 7].

По существу, возникло советское двоецентрие – меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов и Петроградский Совет, поддерживавший большевиков. Последние утвердились во мнении, что возможен мирный переход власти к Советам через Демократическое совещание. На заседании ЦК 13 сентября была избрана комиссия в составе Троцкого, Каменева, Сталина, Милютина и Рыкова, которой было поручено разработать декларацию для Демократического совещания [36, с. 49]. В согласии с позицией Ленина она исходила из того, что мирное развитие революции еще возможно и Демократическое совещание может и должно создать революционное правительство. Вместе с тем в декларации не исключалась возможность участия и большевиков в этом правительстве [36, с. 49–54]. В таком духе была выстроена речь Каменева в день открытия Совещания 14 сентября. Однако надежды большевиков на поддержку делегатов оказались тщетны. И дело было не только в том, что среди делегатов преобладали умеренные социалисты – 532 эсера (из них только 71 левые), 172 меньшевика (из них только 56 интернационалисты), 55 народных социалистов и множество еще более правых, – а большевики имели только 134 мандата, но и в том, что левые социалисты изменили свое отношение к большевикам. Их волновала радикализация Советов, проходившая под влиянием большевиков. Резолюции о переходе власти к Советам к этому времени приняли, вслед за Петросоветом, Московский (председатель В. П. Ногин), Бакинский

(С.Г.Шаумян), Самарский (В.В.Куйбышев) и другие Советы. Большевики превратились в крупнейшую партию страны, насчитывавшую в своих рядах уже не менее 350 тыс. членов [26, с. 112–113].

В стане меньшевистской фракции Демократического совещания по вопросу о власти согласия не было. Дан завуалированно защищал идею коалиции, напирая на то, что важны не дебаты о ее допустимости, а выработка программы, открывающей путь к соглашению. Мартов заявлял, что никакая коалиция с кадетами недопустима, а созыв Предпарламента – попытка цензовиков отсрочить Учредительное собрание [28; 24, т.3, ч.1, с. 189]. Демократическое совещание утонуло в словопрениях. 8 дней бесплодных споров и столкновений показали взаимоисключающую непримиримость разных фракций советской демократии, ставившую тем самым крест на ее стремлении сплотить вокруг себя все демократические слои общества.

15 сентября лидеры большевиков получили от Ленина два письма, в которых он полностью отказывался от тактики, изложенной в статье «О компромиссах», и настаивал на немедленной подготовке восстания [8; 15]. Первое письмо, названное им «Большевики должны взять власть», было адресовано ЦК, ПК и МК РСДРП(б), второе (только для ЦК), озаглавленное «Марксизм и восстание», содержало конкретные рекомендации организационного и тактического характера. Вечером того же дня собрались члены ЦК РСДРП(б). Было решено в ближайшее же время специально обсудить тактические вопросы. Предложение Сталина разослать письма в крупнейшие организации для обсуждения было отклонено. Напротив, было решено сохранить только по одному экземпляру каждого письма, а все копии уничтожить и принять меры к недопущению распространения сведений об их содержании [36, с. 55].

Тем временем Демократическое совещание все еще рещало вопрос о власти. По этому вопросу 19 сентября состоялось голосование, но по сути вопрос не был решен. 20 сентября Президиум совещания провел консультации с руководителями фракций, в результате чего незначительным большинством было принято решение о необходимости формирования однородного демократического правительства, ответственного перед «Всероссийским демократическим Советом Республики» (Предпарламентом), которому Церетели предложил передать окончательное решение вопроса [24, т.3, ч.1, с. 258–261].

Все это полностью поддержали и большевики, которым были обещаны министерские портфели. 21 сентября заседал ЦК РСДРП(б). Призывы Ленина к вооруженному восстанию даже не рассматривались. С перевесом в один голос была принята резолюция о неучастии в Предпарламенте.

Но вечером того же дня объединенное собрание ЦК и большевистской фракции Демократического совещания 77 голосами против 50 проголосовало прямо противоположное, и ЦК утвердил это решение [36, с.468–470].

В это время руководители Исполкомов вели переговоры с Керенским о формировании правительства, пользующегося доверием Предпарламента, а в последнем «продавливали» вотум доверия формирующемуся правительству [24, т.3, ч.1, с.353, 356]. Тем самым были нарушены все установки решений 20 сентября и к 25 сентября сформировано правительство, не ответственное перед Предпарламентом и включающее кадетов. 23 сентября состоялась встреча членов ВЦИК с делегатами Демократического совещания от областных Советов, на которой было решено провести Всероссийский съезд Советов в Петрограде 20 октября. 24 сентября на объединенном заседании ЦК, ПК РСДРП(б) и фракции большевиков в Предпарламенте была принята резолюция о том, что деятельность большевиков в Предпарламенте должна служить задаче передачи власти Советам на приближающемся съезде [36, с.69–71; 30, с.468–470]. Эта установка определила всю политику большевиков на ближайшее время. Именно теперь Ленин принял решение немедленно вернуться в Петроград. Без ведома ЦК 23 или 24 сентября он прибыл в Выборг и уже оттуда известил Н.К.Крупскую и Свердлова, но не ЦК о своем непреклонном решении вернуться в Петроград [1, с.358]. Он пишет ряд статей и писем в ЦК, в которых требует решительных действий, направленных на свержение Временного правительства: 22–24 сентября – «Из дневника публициста», 27 – письмо Смилге, 29 – «Кризис назрел», 1 октября – «Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы – большевикам» [12; 14, с.279–283; 18; 20]. Он считал, что партия сделала ошибку, войдя в Предпарламент, его нужно бойкотировать. Мир на пороге мировой революции, в России созрели все предпосылки для перехода власти в руки пролетариата и крестьянства, но в «верхах партии» господствует тактика ожидания съезда Советов. Ленин считал, что эта тактика приведет партию к краху и к торжеству контрреволюции. В том, что его письма остаются без ответа, а статьи либо не публикуются, либо публикуются с купюрами, он видел нежелание ЦК даже обсуждать этот вопрос. Поэтому Ленин заявлял о своем намерении выйти из ЦК и начать агитацию в низах партии.

Тем временем некоторые ленинские письма дошли до членов ПК РСДРП(б). Они были возмущены тем, что ЦК выступил в роли цензора Ленина и потребовали от ЦК немедленного созыва совещания с представителями Питера и Москвы. Впрочем, сама резолюция ПК переносила вопрос о захвате власти на 3-ю общегородскую конференцию петроградской ор-

ганизации [31, с.481–497]. Все же требование ПК подействовало на членов ЦК, которые в тот же день принимают решение об уходе из Предпарламента и принимают текст соответствующей декларации, оглашенной Троцким на первом официальном заседании этого органа 7 октября [36, с. 77–79; 24, т.3, ч.1, с.394]. Демонстративный уход большевиков из Предпарламента породил целую волну слухов о готовящемся ими восстании. Между тем внутри большевистского руководства отношение к восстанию было далеко не однозначным. 10 октября на квартире Суханова, жена которого была большевичкой, состоялось заседание ЦК РСДРП(б), в котором после долгого перерыва участвовал Ленин². В центре дебатов был его доклад о текущем моменте. По докладу была принята (10 голосами против 2) резолюция, констатирующая, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне созрело», и поручавшая партийным организациям перестроить в связи с этим всю свою работу. Каменев и Зиновьев остались при своем мнении, зафиксированном в заявлении в ЦК и письме к партийным организациям. Они считали, что «Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип учреждения, к которому мы идем», а вооруженное восстание лишь способно разрушить это конструктивное движение [36, с.84–92]. Уже на следующий день Петроградским советом были сделаны первые шаги на этом пути. Начал формироваться Военно-революционный комитет (ВРК) на межпартийной основе. Однако дело шло неспешно. 15 октября ПК еще обсуждал вопрос в принципе. Основной докладчик Бубнов лишь констатировал, что «мы накануне выступления». Один из руководителей «Военки», всегда столь радикальный Невский, заявлял, что с технической стороны «мы не вполне готовы». Никто еще не говорил о ВРК как руководящем центре [31, с.500–504]. Разногласия особенно ярко проявились 16 октября на расширенном совещании при ЦК с участием представителей ПК, «Военки», Петроградского совета, профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Доклад о решении ЦК от 10 октября сделал Ленин. В докладах представителей с мест преобладал пессимизм: «боевого настроения нет», «настроение выжидательное», «дело плохо». Н.В.Крыленко от «Военки» заявил, что, исходя из настроения гарнизона Петрограда, «не нужно заострять вопрос практически». Разгорелась дискуссия. В самом ее начале Милютин и А.В.Шотман заявляют, что «мы не можем выступать, но должны готовиться». С ними полемизирует Ленин. Крыленко заявляет о своей несогласии с Лениным в вопросах непосредственной технической подготовки восстания и назначения его срока. Ленина поддерживает Э.А.Рахья, утверждающий, что «массы ждут лозунга

² Он тайно прибыл в Петроград вопреки запрету ЦК между 4 и 9 октября и скрывался на квартире М.В. Фофановой на Выборгской стороне. – См.: [1, с.373].

и оружия». Тут в бой вступает «тяжелая артиллерия». Зиновьев заявляет, что партийная тактика должна быть «оборонительно-выжидательной», что нельзя себя политически изолировать, и требует пересмотра резолюции ЦК. Каменев доказывает, что нужно готовиться не к восстанию, а к Учредительному собранию. Он считает, что в партии противостоят два тактических подхода: заговор и «вера в движущие силы революции». Ленина поддерживают Сталин, Свердлов, Н.А.Скрышник, Дзержинский, М.И.Лазис. Колеблются Володарский, Сокольников, А.А.Иоффе. Позицию колеблющихся очень четко суммировал в письме к жене от 10 октября А.В.Луначарский. Он отмечал, с одной стороны, колоссальный рост озлобления против большевиков «на правом полюсе». С другой стороны, его пугало озлобление «слева»: «серая масса» теперь стала «багрово-красной», в ней много «пугачевщинского», она «может наделать много жестокостей». Итог его размышлений сводился к выводу, что «вряд ли мы при зашедшей так далеко разрухе сможем... наладить сколь-нибудь жизнь страны... мы, вероятно будем смыты той же волной отчаяния, которая вознесет нашу партию к власти» [37, с.275]. Голосуются две резолюции: Ленина (о «всесторонней и усиленной подготовке восстания» и «поддержке создаваемого для этого... центра») и Зиновьева – об отмене решения 10 октября. Резолюция Ленина собирает 19 голосов при 2 – «против» и 4 воздержавшихся, резолюция Зиновьева – 6 «за», 15 «против» и 3 воздержалось. Каменев и Зиновьев подали письменное заявление с требованием созыва пленума ЦК, Каменев – о сложении с себя полномочий члена ЦК [36, с.93–105]. Воздержались при голосовании ленинской резолюции, вероятно, Ногин, Милютин, Рыков и Я.Г.Фенигштейн. После совещания ЦК избрал Военно-революционный центр в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского, который должен войти в ВРК [36, с. 104].

20 октября ВРК, обосновавшийся в Смольном, провел свое первое организационное совещание. Было избрано бюро из 5 человек: 3 большевика (В.А.Антонов-Овсеенко, Н.И.Подвойский, А.Д.Садовский) и 2 левых эсера (П.Е.Лазимир, Г.Н.Сухарьков). Председателем бюро был избран П.Е.Лазимир [32, с.55–56]. ВРК начал посылать своих комиссаров во все части гарнизона, на склады оружия и боеприпасов. Он получил полную поддержку солдат, возбужденных известиями о намерении Временного правительства отправить их на фронт. 21 октября состоялись переговоры представителей ВРК со штабом Петроградского военного округа. ВРК требовал, чтобы все приказы командующего скреплялись подписью комиссара комитета. Получив отказ, он объявил все распоряжения штаба недействительными [32, с.63]. Фактически гарнизон Петрограда был переподчинен ВРК. В знак про-

теста ВЦИК заявил, что покидает Смольный. С 22 октября последний фактически превратился в большевистский штаб восстания.

Что же касается РСДРП(о), и благодаря своему политическому курсу, и, в немалой степени, в результате переноса центра тяжести всей партийной работы из ячеек на заводах и в казармах на представительные органы и избирательные округа, она стремительно теряла свое прежнее влияние. Этому способствовала и постоянная внутривнутрипартийная борьба. В начале октября в отпуск на Кавказ уехали Церетели и Чхеидзе. Официальным партийным и советским лидером был Дан. Он же возглавлял бюро фракции РСДРП(о) в Предпарламенте. Его политика была всецело подчинена задаче подготовки и проведения Учредительного собрания. Через Предпарламент он пытался обеспечить влияние на непосредственное государственное управление и разработку демократического законодательства [24, т.3, ч.2, с. 122]. Меньшевики-интернационалисты, не получившие представительства в бюро, создали свою собственную фракцию, занявшую позицию крайне левой [24, т.2, ч.2, с. 132]³. Правые меньшевики были представлены в бюро, но вступили в конфликт с интернационалистами при выдвижении кандидатур на выборы в Учредительное собрание. Мартовцы отказались включить в партийный список Чхеидзе и Церетели, потресовцы образовали свое Временное бюро избирательного комитета меньшевиков-оборонцев [24, т.2, ч.2, с.200–201]. Разваливался и избранный съездом ЦК⁴. Партийный раскол приобретал все более определенные формы. Соответственно и обсуждение любого вопроса выливалось в форму бесконечной болтовни, писанины статей, мании принятия резолюций, не имевших никаких практических последствий. На создание ВРК РСДРП(о) отреагировала рядом осуждающих резолюций и отказом участвовать в этом органе, на заявление Каменева в «Новой жизни» от 18 октября о его несогласии с планами подготовки восстания⁵ – осуждением авантюризма большевиков и т.д.

Между тем и большевиками с 10 октября сделано было немного. Каменев и его сторонники в ЦК явно саботировали подготовку восстания⁶. Ленин был возмущен и немедленно обратился с двумя письмами к ЦК [17; 19], которые рассматривались на заседании 20 октября. Ленин оце-

³ В Петросовете они уже месяц как выступали самостоятельной фракцией.

⁴ См. подробнее: [33].

⁵ Текст см.: [36, с. 115–116].

⁶ 18 октября Луначарский писал жене: «Мы образовали нечто вроде блока правых большевиков: Каменев, Зиновьев, я, Рязанов и др. Во главе левых стоят Ленин и Троцкий. У них – ЦК, а у нас все руководители отдельных работ: муниципальной, профсоюзной, фабрично-заводских комитетов, военной, советской». – См.: [37, с. 281].

нил Зиновьева и Каменева как штрейкбрехеров, их поступки назвал «тяжелой изменой», считая, что они выдали решение партии о восстании противнику. Он требовал их исключения из партии. ЦК принял отставку Каменева и запретил ему и Зиновьеву выступать с какими-либо публичными заявлениями [36, с. 107]. Но в воскресенье 22 октября, несмотря на запрет, Каменев выступал с обоснованием своей позиции на митингах. С другой стороны, Троцкий, лидеры петроградской организации и ВРК, согласные с Лениным в том, что наступил этап социалистической революции, из прагматических соображений все же не форсировали событий, занимая оборонительную позицию и ожидая съезда Советов⁷.

Тем временем Керенский решился на активные действия. В ночь на 24 октября правительство принимает решения о начале уголовного преследования членов ВРК, аресте лидеров большевиков, закрытии газет «Рабочий и солдат» (ЦО РСДРП(б)) и «Солдат» (орган «Военки»), о мобилизации в экстренном порядке юнкеров, школы прапорщиков, женских ударных батальонов, вызове с фронта верных частей. На рассвете 24 октября отряд юнкеров разгромил типографию «Труд», где печатался очередной номер «Рабочего и солдата». К 9 часам утра рота саперного батальона по приказу ВРК взяла типографию под свой контроль, и печатание номера возобновилось. В это время в Смольном собралось экстренное заседание ЦК РСДРП(б). На заседании отсутствовал Ленин, который по распоряжению ЦК продолжал скрываться, но присутствовал Каменев, об исключении которого из своего состава ЦК почему-то забыл. По предложению Каменева постановлено всем членам ЦК без особого разрешения не покидать Смольный, по предложению Троцкого – создать запасной штаб в Петропавловской крепости. Но вопрос о восстании на заседании даже не обсуждался [36, с. 119–121]. И это при том, что на немедленном «выступлении» тогда уже настаивали ВРК и ПК РСДРП(б) [31, с. 522]. Большевицкое руководство продолжало проводить тактику оттягивания решения вопроса о власти до открытия съезда Советов, делегаты которого уже съезжались в Петроград. Вооруженные силы, подчинявшиеся ВРК, продолжали оборонительные действия. В течение всего дня 24 октября красногвардейцы и солдаты освобождали от юнкерских и офицерских отрядов и брали под свой контроль мосты, вокзалы, телеграф, телефонную станцию, электростанцию. Ленин считал

⁷ 24 октября Луначарский писал жене: «Ситуация грозная. Революционный комитет и генеральный штаб ждут, кто начнет... Хватит ли у Советов силы взять власть? – Очень возможно, что да. Хватит ли у Советов силы спасти Россию и революцию? – Вероятно, нет... Чем меньше крайне левая была бы изолирована, тем больше шансов на спасение... Шансы эти невелики, будем готовы к самому худшему». – См.: [37, с. 285–286].

тактику большевистского руководства неверной. Вечером он направил в ЦК очередное письмо, в котором характеризовал сложившееся положение как «донельзя критическое». Кризис не могут разрешить заседания, совещания и даже съезды Советов, он может быть разрешен только «борьбой вооруженных масс». «Промедление в наступлении смерти подобно!» – завершал он письмо [21]. Прождав несколько часов ответа, он тайно (опять без разрешения ЦК) отправился в Смольный, оставив Фофановой записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил».

А меньшевики все еще вели дебаты, на этот раз обсуждая обращение Керенского о безусловной поддержке военных усилий правительства. 24 октября в позициях разных фракций меньшевиков произошло сближение со сдвигом влево. Они сходились, исключая потресовцев, на необходимости полной реконструкции власти в однородную демократическую, осуждении выступления большевиков, но одновременно и правительства, провоцирующего их на него, дружном осуждении попыток правительства применить силу [24, т.2, ч.2, с.227]. Стало очевидным, что тактика меньшевиков-интернационалистов находит все большую поддержку в партии, а Мартов теснит Дана с места ее лидера. Поздней ночью с 24 на 25 октября на совместном заседании Исполкомов была принята резолюция, зачитанная Мартовым, о создании для борьбы с дезорганизаторами и котрреволюционерами Комитета общественной безопасности [24, т.2, ч.2, с.226]. В это же время в Смольном появился Ленин. Со свойственной ему энергией, настойчивостью и целеустремленностью он сразу же начал оказывать давление на «верхи» своей партии. Состоялось экстренное заседание ЦК, протокол которого не сохранился или не велся сознательно. На нем заслушивались сообщения о вооруженном противостоянии в городе, обсуждались название и состав нового правительства. Его предлагалось назвать Совет народных комиссаров (СНК), а состав виделся как коалиция большевиков и левых эсеров. Практический же итог обсуждения первого вопроса выразился в резком изменении тактики ВРК. От оборонительных действий с рассветом 25 октября он перешел к перехвату инициативы у правительственных войск. К середине дня все стратегически важные объекты оказались в руках ВРК, в том числе из Мариинского дворца были изгнаны члены Предпарламента, а Зимний дворец был полностью блокирован. Но еще в 10 часов утра Лениным от имени ВРК было написано, сразу отпечатано в виде листовок и разослано по телеграфу по адресу «Всем! Всем! Всем!» обращение «К гражданам России», в котором заявлялось о низложении Временного правительства и переходе власти в Петрограде в руки органа Петросовета ВРК [13].

В 22 часа 40 минут открылось первое заседание II Всероссийского съезда Советов. Из 670 делегатов съезда 300 мандатов имели большевики, 193 – эсеры (более половины – левые), 68 – меньшевики, 14 – меньшевики-интернационалисты, 16 – объединенные социал-демократы-интернационалисты, остальные 69 делегатов представляли национальные социалистические партии или были беспартийными [4, с. 144–153]. Дан, открывший съезд от имени старого Исполкома, заявил, что его члены, меньшевики и эсеры, отказываются от участия в президиуме съезда. Был избран президиум, состоящий только из большевиков и левых эсеров под председательством Каменева. Первым по порядку дня слово взял Мартов, призвавший съезд сделать все для мирного разрешения конфликта и сформировать демократическое правительство. Его предложения были встречены овацией и дружно поддержаны всеми левыми, включая большевиков [4, с. 4, 34, 35]⁸. Прежде чем съезд успел предпринять хоть какие-то практические шаги в соответствии с единодушно принятой резолюцией Мартова, с заявлениями об уходе со съез-

Отряд красногвардейцев направляется к Зимнему дворцу. Петроград. 25 октября 1917 г.

⁸ От большевиков выступал Луначарский, за несколько часов до этого так формулировавший свою позицию: «Чисто демократическая коалиция, т. е. фронт: Ленин – Мартов – Чернов – Дан – Верховский. Но для этого нужно со всех сторон столько доброй воли и политической мудрости, что это, по-видимому, утопия». – См.: [37, с. 287].

Л.Д.Троцкий

да фракций меньшевиков, эсеров и фронтовой группы выступили меньшевики Г.Д.Кучин и Л.М.Хинчук, поддержанные эсерами [4, с.4–7, 35–38]. Ситуация на съезде коренным образом изменилась, атмосфера накалилась. Комментируя уход трех фракций, Троцкий заявил, что меньшевики и эсеры отправились «в сорную корзину истории». Мартов обиделся и заявил об уходе со съезда меньшевиков-интернационалистов [4, с.41–44; 40, т.3, с.337]. Эти демонстрации лишь усилили позиции большевиков на съезде. Впрочем, заявившие об уходе частично продолжали присутствовать в зале. Между тем ВРК после ряда безуспешных попыток склонить защитников Зимнего дворца к добровольной сдаче начал его штурм. Сразу после прерыва, около 4 часов утра, Каменев информировал съезд о взятии Зимнего и аресте министров [4, с.47–50]. Вслед за ним Луначарский огласил текст воззвания «Рабочим, солдатам и крестьянам!», написанного Лениным и констатирующего переход власти в руки Советов. После внесения в текст незначительных поправок, в 5 часов утра 26 октября, воззвание было принято подавляющим большинством голосов [4, с.53–54; 22].

Весь день, пока делегаты съезда отсыпались, ВРК осуществлял «зачистку» города от «контрреволюционеров» – происходили аресты, закрывались оппозиционные газеты. Каменев и Берзин по поручению ЦК РСДРП(б) вели переговоры с левыми эсерами о составе правительства, начавшиеся еще 24 октября. Соглашение не было достигнуто [36, с. 120; 4, с. 26, 83].

В 9 часов вечера открылось второе заседание съезда Советов. Единодушно был принят Декрет о мире, подавляющим большинством голов – Декрет о земле. Документы были написаны и оглашены Лениным. В 3-м часу ночи Каменев представил на утверждение съезду список чисто большевистского правительства. Его открывали Ленин и Троцкий, бросалось в глаза отсутствие фамилии Зиновьева. Предложение объединенных социал-демократов не голосовать список, а создать согласительную комиссию, не было принято. Большевистский список был съездом утвержден при 150 голосовавших против [4, с. 25, 80–82, 83–89]. Почти $\frac{2}{3}$ мест (62) получили большевики и в новом ВЦИК. Им противостояли 29 левых эсеров, 6 объединенных социал-демократов, 3 украинских социалиста и 1 эсер-максималист [4, с. 90–92].

Политический переворот, возглавляемый большевиками, свершился.

Большевистское или «однородное социалистическое» правительство? Октябрь – ноябрь 1917 г.

События 24–26 октября в Петрограде привели к кардинальному перераспределению ролей в среде российской социал-демократии. РСДРП(о)

утратила не только позицию одной из партий, входящих в правительственную коалицию, но и место руководящей советской партии. Причем последняя потеря была в значительной мере виной самих лидеров меньшевиков, избравших далеко не самую разумную тактику демонстративного ухода с занимаемых выборных постов и бойкота съезда Советов. Внутри РСДРП(о) значительно усилились позиции и «левых», и «правых», в равной мере активно критиковавших руководящий «центр». Все более заметной силой становились объединенные социал-демократы-интернационалисты. Большевики же из преследуемой властями крайне левой оппозиции превратились в правящую партию и партию советского большинства. Правда, это положение им нужно было еще сохранить.

Весь предшествующий опыт революции строился на коалиционной власти, основанной на соглашении самых влиятельных партий, ни одна из которых не желала брать на себя всю ответственность за принимаемые решения. Новый партийный расклад не устраивал ранее причастных к власти и порождал неуверенность и колебания в большевистском ру-

ководстве. А.В.Луначарского переворот поразил своей неожиданностью и легкостью, с которой он был произведен, и пугал «бешеной злобой» сопротивления всех отстраненных от власти. «Я всегда рисовал себе отчетливо все подавляющие трудности, с которыми встретится советская власть, – писал он жене. – Но они в 1000 раз превосходили все мои ожидания... Социалисты-революционеры и меньшевики, даже интернационалисты нас начисто бойкотируют. Дума городская озлоблена против нас. Обыватели, интеллигенция – все, все, все, кроме солдат и рабочих, быть может, некоторых крестьян против нас...» [37, с.289].

В ночь с 25 на 26 октября сторонники вооруженной борьбы с большевиками сплотились в Комитете спасения родины и революции, созданном Петроградской городской думой. Они организовали саботаж чиновников и готовили восстание. Керенскому удалось добраться до фронта и организовать верные Временному правительству части, которые под командованием генерала П.Н.Краснова двинулись на Петроград.

26 октября ЦК РСДРП(о) принял резолюцию, объявляющую «захват власти большевиками путем военного заговора насильем над волей демократии и узурпацией прав народа». В качестве основной задачи момента выдвигалась «сплоченность всех пролетарских и демократических сил для предотвращения погрома революции или полного торжества анархии и противодействия натиску контрреволюции». Органами такого сплочения, по мнению меньшевистского руководства, должны были выступать Комитеты общественного спасения для защиты республики, которые еще предстояло сформировать из представителей городских дум, Советов и прочих демократических организаций как политических, так и профессиональных и армейских. Комитеты должны были обеспечить созыв Учредительного собрания и немедленное начало переговоров о заключении всеобщего мира [24, т.3, ч.2, с.252].

Меньшевики-оборонцы отмежевались от такой пассивной тактики. Единственно законным до Учредительного собрания они признавали правительство Керенского, а путь возвращения его к власти – силовой [24, т.3, ч.2, с.255].

В совместном заявлении «левых» – фракции меньшевиков-интернационалистов Второго съезда Советов и Комитета петроградской организации от 27 октября констатировалось: «Большевики, произведя накануне съезда, по заранее разработанному плану, государственный переворот, захватили власть именем Советов, лишив их тем даже возможности обсудить самостоятельно вопросы о переходе к ним власти и мирной или насильственной формах этого перехода». Они требова-

ли немедленных переговоров со всеми революционными организациями и социалистическими партиями о выходе из кризиса посредством образования общедемократического правительства и о прекращении военных действий на время этих переговоров [24, т. 3, ч. 2, с. 259].

28 октября ЦК РСДРП(о) принимает решение о недопустимости каких-либо соглашений с большевиками относительно совместной с ними организации власти, сплочении вокруг Комитета спасения и скорейшей ликвидации большевистской авантюры [24, т. 3, ч. 2, с. 261–262].

29 октября в Питере начался юнкерский мятеж, на Пулковских высотах с Красновым сражались матросы и красногвардейцы, в Москве шли кровопролитные бои с юнкерами. Меньшевики-интернационалисты еще более настойчиво стали требовать формирования однородного демократического правительства и скорейшего созыва Учредительного собрания. Меньшевики-оборонцы, совершенно игнорируя прочие течения внутри меньшевизма, провели первое заседание собственного Бюро избирательного комитета в Учредительное собрание [24, т. 3, ч. 2, с. 265]. Большевики оказались в отчаянном положении. Ни о какой их массовой поддержке речи не шло, наоборот, наблюдатели с разных сторон констатировали политическую апатию масс и их нежелание проливать кровь на чьей бы то ни было стороне.

В этот день один из самых влиятельных и организованных в стране профессиональных союзов – Всероссийский союз железнодорожников в лице своего исполнительного комитета (Викжель), в котором ведущие позиции занимали меньшевики, ультимативно выдвинул требование создания однородного социалистического правительства и пригрозил, в случае неприятия этого требования, забастовкой во всероссийском масштабе. Причем попытки практически реализовать эту альтернативу шли с двух сторон: требования сил социалистической оппозиции находили понимание и позитивную ответную реакцию со стороны умеренного крыла в большевистском руководстве. Его лидером в первые дни пребывания большевиков у власти с полным основанием можно считать члена ЦК РСДРП(б) Л. Б. Каменева, избранного 27 октября председателем ВЦИК Советов.

На заседании ЦК РСДРП(б), проходившем в отсутствие Ленина и Троцкого, было признано возможным расширить политическую базу советского правительства и изменить его состав, но отвергнуто предложение «правых» о включении в него представителей всех советских партий. Вести переговоры были уполномочены Каменев и Г. Я. Сокольников. Ленин не оспорил решения ЦК, рассматривая переговоры как «дипломатическое прикрытие ведущихся военных действий» [36, с. 122–123, 127, 269–270]. Вечером 29 октября, когда с улиц Петрограда убирали трупы погибших

в боях и расстрелянных юнкеров, начались переговоры при Викжеле. В совещании участвовали представители восьми партий и девяти организаций: Викжеля, Комитета спасения, городского самоуправления, почтово-телеграфного союза, союза служащих государственных учреждений, СНК, ВЦИК, ЦК РСДРП(о), ЦК РСДРП(б), ЦК ПСР, а также меньшевики-интернационалисты, объединенные социал-демократы-интернационалисты, левые эсеры и др. Каменев от имени ВЦИК заявил, что «соглашение возможно и необходимо», а его условиями могут быть признание вступающими в коалицию партиями платформы Второго съезда Советов и распространение соглашения на все советские партии до народных социалистов включительно. «Для ВЦИК, – добавил его председатель, – на первом месте стоит программа правительства и его ответственность, а отнюдь не личный его состав». Руководствуясь этим, Каменев не возражал, когда на второй день переговоров эсеры на пост главы правительства взамен Ленина выдвинули кандидатуру В.М.Чернова⁹. Он поддержал также предложение пополнить ВЦИК представителями от исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, от профсоюзов, а также от петроградской и московской городских дум, превратив его во «Временный народный совет» [24, т.3, ч.2, с.600–604]. Мартов констатировал наличие тупика: с одной стороны, «власть, созданная методом вооруженного солдатского восстания, власть одной партии, которая не может быть признана страной и демократией», а с другой – «если большевики будут побеждены силой оружия, то победитель явится третьей силой, которая раздавит всех нас». Осознание этого, сказал он, должно было лечь в основу начавшихся переговоров. Если Комитет спасения и СНК согласятся на разоружение и перемирие на базе признания демократической власти (т.е. вне коалиции с представителями буржуазии), вопрос о личном и партийном ее составе станет второстепенным [24, т.3, ч.2, с.604–605]. Дан, указывая на антидемократический характер переворота, счел нужным подчеркнуть, что только этим может быть объяснено одно, на первый взгляд, парадоксальное обстоятельство: большевистский террор еще не коснулся буржуазии, а из присутствующих уже мало кто мог быть уверенным, что не сегодня–завтра этот террор не будет обращен на него. Условиями любого соглашения с большевиками, по его мнению, могли быть только ликвидация последствий заговора, роспуск ВРК, признание Второго съезда советов не состоявшимся. Дану претила мысль о вхождении в правительство большевиков, тем паче что, по его саркастическому замечанию, найти желаю-

---

⁹ На наркомовских постах участники совещания готовы были видеть из числа большевиков Луначарского, Красина, Шляпникова, Покровского и Рыкова.

щих сотрудничать с теми, кто несет ответственность за события последних дней, будет крайне трудно [24, т.3, ч.2, с.605–606].

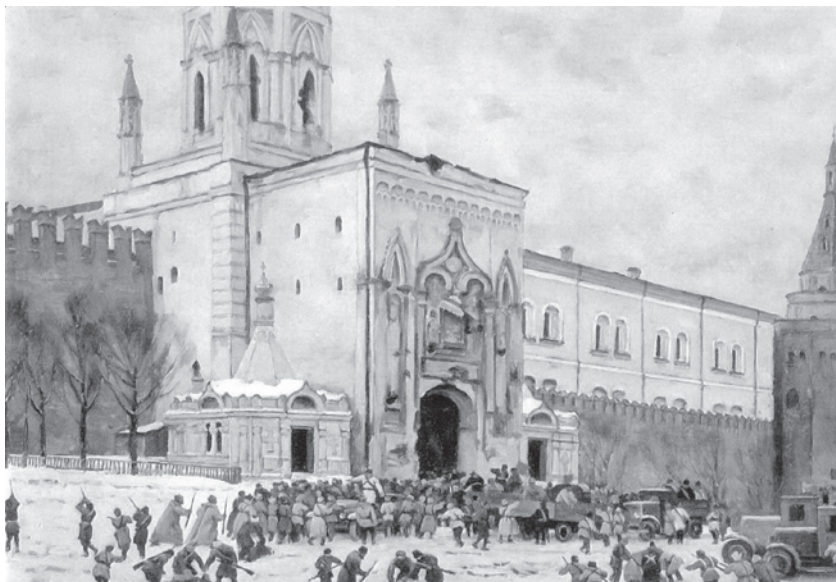
30 октября ЦК РСДРП(о) принимает резолюцию «Об организации власти», фиксирующую позицию Дана на переговорах [24, т.3, ч.2, с.270]. Тональность продолжившихся под патронажем Викжеля переговоров определили вновь вспыхнувшие бои в Москве и под Царским Селом, обыски¹⁰, аресты и расстрелы в Петрограде, закрытие либеральных газет и журналов¹¹. «Это не война, а безумие», – заявил Мартов. Он призвал всех присутствующих заявить, что, даже «признавая вооруженную политическую борьбу», они «никогда не признают для себя допустимым террор и гарантируют неприкосновенность всех участвующих в переговорах». Единогласно приняв резолюцию о прекращении террора, совещание высказалось и относительно позиции меньшевистского ЦК. Его мотивы отказа от вхождения в социалистический кабинет с большевиками были охарактеризованы как не соответствующие реальному соотношению сил в стране [24, т.3, ч.2, с.614, 616, 617, 619]. Дан неохотно отступил. Он заявил, что меньшевистская партия, выступая против правительства с участием большевиков, согласна поддерживать правительство с большевистским представительством лишь «постольку, поскольку оно не будет прибегать к агрессивным мерам». Однако это заявление не нашло понимания собравшихся. Тогда Дан согласился обсуждать персональный состав правительства, не исключая кандидатур большевиков, и предложил партнерам по переговорам составить особую комиссию для конструирования власти. Предложение было принято без возражений [24, т.3, ч.2, с.620].

Признав, что в создавшемся положении «все другие соображения должны отступить на задний план перед необходимостью во что бы то ни стало не допустить продолжения кровопролития, междуусобия в рабочей среде и разгрома рабочего движения», ЦК РСДРП(о) 31 октября постановил «принять участие в попытке организовать однородную власть, включающую в себя социалистические партии от народных социалистов до большевиков» [24, т.3, ч.2, с.272]. Правые меньшевики выступили категорически против такого решения и потребовали созыва Пленума ЦК. 1 ноября на пленарном заседании они не добились изменения постановления ЦК и в составе 13 человек подали в отставку. На следующий день

---

¹⁰ По злой иронии судьбы, одним из первых социалистов, подвергшихся домашнему обыску, был основоположник российской социал-демократии Г.В. Плеханов. Произошло это 31 октября в Царском селе. – См.: [41, с.353].

¹¹ Начал реализовываться написанный В.И. Лениным Декрет СНК «О печати» от 27 октября. – См.: [6, с.24–25].

Юон К.Ф. Штурм Кремля в ноябре 1917 г.

они опубликовали письмо «Ко всем членам РСДРП(о)» с мотивировкой своего выхода из ЦК. В ближайшие дни к этому протесту присоединился еще ряд видных партийцев [24, т.3, ч.2, с.273, 276–278].

Идея формирования однородного социалистического правительства, способного подвести широкую социальную и политическую базу под уже провозглашенную советскую власть, обрела реальные контуры. Это было особенно важно для Каменева и его сторонников и небезразлично для Ленина в обстановке, когда на Петроград двигались войска Керенского–Краснова, а возможная забастовка железнодорожников могла помешать организации отпора этим антисоветским силам. Подавление к 31 октября выступлений юнкеров в Петрограде, войск Краснова и перелом в вооруженной борьбе в Москве в пользу большевиков привели к изменению соотношения сил в руководстве РСДРП(б). Выступая на заседании ЦК 1 ноября, Ленин подверг критике «капитулянтскую» линию Каменева и с обезоруживающей откровенностью добавил: «Разговаривать с Викжелем теперь не приходится... Переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий». Тем не менее добиться немедленного прекращения переговоров главе советского правительства не удалось. Десятью голосами против трех ЦК партии высказался за их продолжение, но на более жестких

условиях [36, с. 124–130]. От имени РСДРП(б) Сталин на совещании потребовал не менее половины наркомовских портфелей и безусловного участия Ленина и Троцкого¹² в будущем кабинете. Переговоры зашли в тупик.

2 ноября ЦК РСДРП(б) с участием Ленина обсуждал вопрос об оппозиции внутри ЦК. 10 голосами против 5 (Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, В. П. Ногин, А. И. Рыков, В. П. Милютин) была принята резолюция Ленина, в которой констатировался отход оппозиции от всех основных позиций большевизма и решений II Всероссийского съезда Советов. В то же время она приглашала всех социалистов в правительственную коалицию на основе признания этих позиций [36, с. 131–132]. Оставшиеся в меньшинстве опубликовали 4 ноября в газете «Известия» заявление о своем выходе из ЦК. Основываясь на убеждении, что создание «социалистического советского правительства» необходимо «для предотвращения кровопролития», они мотивировали свое решение резко и определенно: «Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки громадной части пролетариата и солдат...» [36, с. 135–136]. Так десятый день пребывания большевиков у власти обернулся серьезным расколом в руководстве партии, приведшим к первому кризису новой власти. На состоявшемся в тот же день заседании ЦК был оглашен написанный Лениным «Ультиматум большинства ЦК РСДРП(б) меньшинству» с требованием подчинения партийной дисциплине [36, с. 133–134]. В ответ последовало заявление группы народных комиссаров и заведующих отделами (Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Рязанов, Дербышев, Арбузов, Юренев, Федоров, Ларин) об отставке и требованием образования правительства из всех советских партий. К этому требованию присоединились Луначарский и А. Г. Шляпников, не сложившие своих наркомовских полномочий [36, с. 136–137]. На двух заседаниях в ночь на 5 и 6 ноября ЦК продолжал заниматься партийным кризисом. Были заменены подавшие в отставку наркомы и принят второй ультиматум Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину. От них требовалось либо прекратить пропаганду идеи одностороннего социалистического правительства, либо покинуть все ответственные советские и профсоюзные посты [36, с. 137]. Поскольку отставки из ЦК и СНК вызвали недоумение и колебания в местных организациях¹³, 7 ноября «Правда» опубликовала написанное Лениным

¹² Не случайно в тот же день 1 ноября на заседании Петроградского комитета партии Ленин заявил, что после того, как Троцкий убедился в невозможности единства с меньшевиками, «не было лучшего большевика».

¹³ См.: [30, с. 27; 31, с. 535–556].

Г.Е.Зиновьев и Л.Б.Каменев

обращение «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам», где отставники квалифицировались как «дезертиры».

8 ноября ЦК постановил снять Каменева с поста председателя ВЦИК и рекомендовать на это место Я.М.Свердлова – талантливого организатора и безупречного исполнителя воли вождя партии. Ленин вышел из кризиса, укрепив свои позиции. СНК, вопреки всем уставам, определял теперь партийную линию большевиков, а ВЦИК лишь *post factum* утверждал принятые им декреты. Просьбы «отставников» о возвращении на занимаемые должности были отклонены. Попытки «дезертиров» содействовать созданию однородного социалистического правительства Ленин называл теперь не иначе как «викжеланием».

В РСДРП(о) внутренний кризис в связи с провалом переговоров с большевиками не был разрешен так скоро и решительно. ЦК решил ускорить экстренный съезд партии, а меньшевики-оборонцы сделали шаг к организационному оформлению раскола: не отказавшись от участия в съезде, они в то же время намеревались провести собственную конференцию [24, т.3, ч.2, с.284, 285].

К внутривнутрипартийным дебатам подключился и вернувшийся с Кавказа И.Г.Церетели. Отвергнув большевистский террор и большевистские декреты, он вместе с тем заявил, что «отказ от соглашения лишил бы демократию многих элементов, которые могут быть чрезвычайно полезны». Он выдвинул формулу, которая могла бы, по его мнению, сплотить партию: «Власть однородная, демократическая, с включением социалистических партий... Не будем говорить, что большевики не войдут, будем говорить – соглашение во что бы то ни стало» [24, т.3, ч.2, с.295–298]. 11 ноября под прямым натиском со стороны Церетели 8 бывших членов ЦК из вышедших подали заявления о возвращении при сохранении особой позиции. Не вернулись П.Н.Колокольников и Б.О.Богданов. Но в партии была лишь видимость единства, наряду с «отставниками» ее в разные стороны тянули Мартов и Потресов. Самым печальным образом это сказалось на результатах, с которыми РСДРП(о) выступила на выборах в Учредительное собрание.

Межпартийные переговоры по инициативе Викжеля стали важным, но все-таки эпизодом в развитии послеоктябрьской политической ситуации в стране. Судьбоносным для России событием стал созыв и почти синхронный разгон большевиками Учредительного собрания.

Рубикон Учредительного собрания.

Ноябрь 1917 – январь 1918 г.

Провозглашение Вторым съездом Советов нового строя как «власти трудящихся», рабочих, крестьян и солдат, – власти, базировавшейся

на демократии «униженных и оскорбленных», – на первых порах формально не противопоставлялось демократии общенародной, воплощавшейся в идее Учредительного собрания. Более того, в соответствии с решением съезда Совнарком учреждался как «Временное рабочее и крестьянское правительство» для управления страной «впредь до созыва Учредительного собрания».

Что это было – политическое лавирование? Безусловно, нет.

Во-первых, с давних времен лозунг Учредительного собрания, призванного оформить в России Демократическую республику, был одним из центральных для социалистов России. Особым пунктом он был включен и в программу РСДРП, принятую в 1903 г. [5, с.424]. И хотя Ленин уже выдвинул тезис о потере актуальности этой программы, он еще не получил по этому вопросу безусловной поддержки в партии. Для «старых большевиков» лозунг Учредительного собрания не был пустым звуком.

Во-вторых, на волне эйфории, вызванной мгновенной и почти бескровной победой октябрьского вооруженного восстания, большевики надеялись

закрепить свой успех, получить (если не единолично, то с поддерживавшими их левыми эсерами, а также социал-демократами-интернационалистами) большинство мест в Учредительном собрании и тем самым мандат доверия и законности непосредственно из рук народа.

Уже 27 октября СНК подтвердил дату проведения выборов – 12–14 ноября [6, с.25–26]. Но при этом не забывалось и о разработке путей отступления. Так, за четыре дня до выборов на расширенном заседании Петроградского комитета РСДРП(б) открыто обсуждалась возможность разгона «Учредилки», если «массы ошибутся с избирательными бюллетенями» [31, с.561–566].

Выборы состоялись в срок по пропорциональной системе, сочетавшей выдвижение кандидатов от территориальных округов (68 тыловых и 7 фронтовых) и голосование по партийным спискам. Они стали действительно всеобщими, прямыми, равными, а голосование – тайным. В массе же своей избиратели вручили свою судьбу и судьбу страны тем политикам, которые звали их к социализму. В его национально окрашенной как крестьянской, так и пролетарской интерпретации: 19,1 млн человек (39,5%) проголосовали за эсеров; 10,9 млн (22,5%) за большевиков; 1,5 млн (3,2%) за меньшевиков; 439 тыс. (0,9%) – за народных социалистов. Еще 7 млн голосов (14,5%) собрали разнородные национальные партии неонароднического и социалистического толка¹⁴.

Для РСДРП(о) это было сокрушительное поражение. В качестве важнейших причин катастрофы Дан назвал партийный раскол, приведший партию в состояние полной дезорганизации [24, т.3, ч.2, с.318–320].

Итоги выборов не обрадовали и большевиков. И не только количеством голосов, собранных ими, но и минимальным представительством среди депутатского корпуса меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров. Последние шли на выборы по общепартийным спискам, составленным еще в сентябре, в те времена, когда в их партиях господствовали оборонцы. Нельзя сказать, что такой итог был сюрпризом для большевиков: многие в партии прогнозировали победу эсеро-меньшевицкого блока. Но и настроения разочарования были налицо. Предложения вообще не назначать даты созыва Учредительного собрания не прошли, в чем Ленин позднее усматривал большую ошибку.

Ситуацию пытались исправить по двум направлениям. Во-первых, согласно декрету ВЦИК путем отзыва уже избранных депутатов местными Советами [6, с.139]. Но до открытия собрания оставалось так мало времени, что особой роли это сыграть не могло. Второй путь – взять в свои руки все

¹⁴ См.: [34, с.164; 35, с.108; 3].

дело организации «Учредилки» и одновременно создать общественное мнение против нее. 16 ноября по декрету СНК¹⁵ была распущена Петроградская городская дума – национальный центр поддержки и организации Учредительного собрания. После некоторого периода сопротивления к 28 ноября (день, первоначально назначенный для открытия собрания) дума была разогнана силой, а наиболее активные гласные арестованы. Также силой были разогнаны многочисленные демонстрации в поддержку Учредительного собрания, организованные подпольным Союзом защиты Учредительного собрания. 29 ноября на заседании ЦК РСДРП(б) Н.И. Бухарин выдвинул предложение созвать Собрание, учитывая силу конституционных иллюзий, но выдворить кадетов, а из левых организовать «революционный конвент». Его предложение не поставили на голосование, но большинство членов ЦК было не прочь отложить «Учредилку» до лучших времен. Базовым принципом было признано, что она ни в коем случае не заменяет собой Советскую власть. Приняли решение: отложить созыв Учредительного собрания до того момента, когда в Петрограде соберется кворум в 400 депутатов [6, с.159; 36, с.149–151]. Оставалась еще надежда как-то уравновесить силы за счет неприбытия части депутатов с мест. ЦК одобрил также декрет СНК (опубликованный в тот же день) о запрете партии кадетов (названы «врагами народа») и аресте ее лидеров¹⁶. Причем, аресты начались еще 28 ноября утром.

Синхронно большевики добивались поддержки со стороны левых эсеров, крайне недовольных результатами выборов и быстро идущих к разрыву с ПСР¹⁷. 11–25 ноября большевики активно работают на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов, где имели свою партийную фракцию. На съезде неоднократно выступал Ленин, добившись одобрения всех шагов СНК, включая его политику по отношению к Учредительному собранию. Избранный съездом исполнительный комитет в составе 108 человек объединился с действующим ЦИК, избранным II съездом Советов (с включением 100 представителей солдатских и матросских комитетов и 50 – от профсоюзов), в единый ВЦИК Советов. Тем самым большевики обеспечили себе поддержку крестьянства при сохранении большинства голосов во ВЦИК. С 15 ноября возобновились переговоры большевиков и левых эсеров о вхождении последних в СНК и увеличении их представительства во ВЦИК. Со 2 по 7 декабря они велись уже вполне предметно и завершились включением в состав СНК в качестве наркомов И.З.Штейн-

¹⁵ См.: [6, с.141].

¹⁶ См.: [6, с.161–162, 165–166].

¹⁷ Учредительный съезд Партии левых социалистов-революционеров состоялся в 20-х числах ноября.

Совет народных комиссаров. Декабрь 1917 г.

Слева-направо: И.З.Штейнберг, И.И.Скворцов-Степанов, Б.Д.Камков, В.Д.Бонч-Бруевич, В.Е.Трубовский, А.Г.Шляпников, П.П.Прошьян, В.И.Ленин, И.В.Сталин, А.М.Коллонтай, П.Е.Дыбенко, Е.К.Кокшарова, Н.И.Подвойский, Н.П.Горбунов, В.И.Невский, А.В.Шотман, Г.В.Чичерин

берга, П.П.Прошьяна, В.Е. Трутовского, А.А. Измайлович, В.А.Карелина и В.А.Агласова. Левые эсеры были введены в коллегии всех наркоматов ($\frac{1}{4}$ всех мест) и получили гарантированные $\frac{1}{3}$ мест во ВЦИК. Чтобы уравновесить назначение Штейнберга наркомом юстиции, 7 декабря был распущен ВРК, в состав которого входили левые эсеры, и создана чисто большевистская по составу ВЧК по борьбе с контрреволюцией и саботажем во главе с Дзержинским. Таким образом, оформилась двухпартийная конструкция власти с доминирующей партией в лице большевиков.

Это был решительный шаг к однопартийной диктатуре. Часть большевистских лидеров во главе с Лениным были к этому внутренне готовы. Напомним читателю, что еще в июне на I Всероссийском съезде Советов Ленин заявил, что большевики готовы взять на себя всю полноту ответственности за власть. А накануне Октябрьского переворота в книге «Государство и революция» он так формулировал задачи своей партии после прихода к власти: «Вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной

жизни без буржуазии и против буржуазии» [10, с.26]. Это была новация, подобной которой мировая история политических партий еще не знала. В цитированных ленинских словах объективно содержалась установка на строительство партии-государства с приданием этому двуликую Янусу всеобъемлющих функций и конфронтационной направленности по отношению к инакомыслящим и желающим жить по другим нормам.

Тем временем меньшевики собрались на Чрезвычайный съезд РСДРП(о) (30 ноября – 7 декабря). Несмотря на то, что открытие съезда дважды откладывалось, дабы дать возможность собраться как можно большему числу партийцев, в нем участвовало около 120 делегатов, что было вдвое меньше, чем на августовском съезде. Они представляли около 100 тыс. членов партии [27, с.287–288]. Это была лишь половина партии. За второе полугодие численность меньшевиков не изменилась. В декабре их было, как и летом, около 200 тыс., включая 46 тыс. социал-демократов Закавказья, которые не смогли прислать своих делегатов на съезд. Правда, за этой внешней стабильностью стояли неоднозначные процессы: уход от меньшевиков значительной части рабочих и приход к ним представителей средних городских слоев и солдат [26, с.114].

По всем вопросам, включенным в повестку дня (о текущем моменте и задачах партии в Учредительном собрании, мире и перемирии, единстве партии, рабочем контроле, об отношении к Советам, органам местного самоуправления и общественным организациям, об областной автономии), каждое из течений представило свою точку зрения. Разногласия носили характер тактический. Центристы к этому времени стали меньшинством. Чаще всего проходили – иногда большинством в один голос – резолюции по проектам интернационалистов.

Считая потенциал революции далеко не исчерпанным, а ее основные задачи нереализованными, их лидер Мартов так обозначил направление новой партийной политики: «Не назад от большевистского переворота к коалиции, а вперед к осуществлению намеченных, но неосуществленных задач путем восстановления единства пролетарского движения и координации сил пролетарской и мелкобуржуазной демократии». Этим он обосновывал и требование построить всю тактику партии «как длительную борьбу вокруг идеи суверенности Учредительного собрания по мере роста конфликтов внутри большевиков» [24, т.3, ч.2, с.388].

Съезд объявил единство политических выступлений представителей партии, равно как и единство организаций, необходимыми условиями выполнения партией ее задач. Съезд счел абсолютно недопустимым и наказуемым любые «самостоятельные политические выступления

против решений соответствующих правомочных партийных организаций» [24, т. 3, ч. 2, с. 489–490]. Столь суровых дисциплинарных ограничений меньшевики никогда ранее не выдвигали.

Оживленная дискуссия развернулась по вопросу «Об отношении партии к Советам, органам самоуправления и общественным организациям». Для интернационалистов Советы продолжали оставаться «центрами революционных сил демократии» и основной ареной борьбы за реализацию их политического курса. Они доказывали необходимость участия в Советах «в целях воздействия на массы, противодействия большевистской диктатуре и проведения политики соглашения». Утверждалась недопустимость участия в боевых организациях (независимо от их политической окраски), поскольку они «стоят на почве применения военной силы и отрицательно относятся к политике соглашения внутри демократии». Что же касается ВЦИК, то интернационалисты считали участие в нем нежелательным, хотя и не исключали наступления такого момента, когда оно станет единственным «средством предупреждения катастрофического разрешения большевистского кризиса». Все эти идеи четко резюмировал Мартов: «Наша политика соглашения дает возможность безболезненного перехода от революционного периода к нормальному демократическому строю. Эта политика содействует превращению Советов в органы нормального политического давления» [24, т. 3, ч. 2, с. 510].

Поскольку Советы становятся властью, – полагали меньшевики, – постольку участие в них недопустимо. Вот почему в качестве основной задачи выдвигалось «сплочение сил демократии около органов самоуправления и Учредительного собрания». В то же время членов партии призвали оставаться в Советах, запретив вступать в советские административные учреждения там, «где они стали органами большевистской власти». Одновременно им разрешалось участвовать в органах местного самоуправления, дабы предотвратить превращение их в инструмент большевиков или контрреволюции. Во всех случаях исключалось любое сотрудничество в военно-революционных комитетах и комитетах спасения, «не принимающих соглашения всей демократии» [24, т. 3, ч. 2, с. 514].

Принятие этих решений обеспечило в конечном счете объединение интернационалистов, центристов и части революционных оборонцев в новое партийное большинство, возглавляемое Мартовым и Даном.

Разумеется, некоторые элементы этой новой политической линии были далеко не новы. В то же время в новом самоопределении партии сохранилось много того, что с трудом принималось не только ее правым крылом, но и центристами. Это, прежде всего, непреклонная решимость

нового большинства не быть вовлеченным в губительную братоубийственную войну против рабочего класса; готовность признать захват власти большевиками выражением настроений пролетариата (пусть и чреватых самыми серьезными последствиями); безбоязненный разрыв с теми, чье бездействие породило октябрьский взрыв.

Для многих подобная смена курса казалась абсолютно неприемлемой. 22 человека, среди них – Потресов, Батурский, Богданов, Гарви, Гвоздев, Гольдман, Ермолаев, Зарецкая, Левицкий и Юдин, воздержались от голосования при выборах в ЦК, объяснив, что делают это «ввиду того, что основные резолюции, принятые съездом, находятся в резком противоречии со всей меньшевистской тактикой» [24, т. 3, ч. 2, с. 515]. 28 ноября – 6 декабря все они приняли участие в происходящем параллельно общепартийному съезду совещании оборонцев, которое определяло их позицию по обсуждаемым на съезде проблемам. В последний день своей работы совещание избрало Временное бюро оборонцев, в него вошли: Потресов, Маслов, Левицкий, Богданов, Юдин, Колокольников, Дементьев, Либбер, Гвоздев, Батурский и др. [24, т. 3, ч. 2, с. 517–523].

Фактически Временное бюро стало альтернативным центром избранному 7 декабря (после многочисленных фракционных совещаний и межфракционных переговоров) новому составу ЦК РСДРП(о) из 19 человек. В него вошли Аксельрод и Войтинский (избраны заочно), Абрамович, Мартов, Дан, Ежов, Мартынов, Майский, Семковский, Череванин и др. Среди избранных не было Церетели, а Чхеидзе был избран только кандидатом в члены ЦК [24, т. 3, ч. 2, с. 323–324].

Между тем оборонцы поспешили довести до партии свою альтернативную точку зрения. Нарушая решения съезда, они делегировали своих представителей во Всероссийский союз защиты Учредительного собрания. Вошедшие в него Богданов, Ермолаев, Левицкий и другие были арестованы и помещены в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где пробыли до конца января 1918 г.

ЦК РСДРП(о) предпринял ряд мер, направленных на преодоление раскола. Представители всех течений, в том числе и оборонческого, вовлекаются в работу различных комиссий, разрабатывавших документы для социал-демократической фракции Учредительного собрания и готовивших материалы для бюро печати. Резолюция ЦК «О защите Учредительного собрания» призвала все партийные организации инициировать созыв беспартийных рабочих конференций для образования рабочих союзов или комитетов [24, т. 3, ч. 2, с. 574]. Вслед за этим Ежов, по поручению ЦК, ставит на заседании Петроградского комитета обо-

ронцев вопрос о воссоздании в столице единой организации и укреплении партийных рядов. 31 декабря совещание представителей ЦК и Бюро оборонцев принимает «план ликвидации параллельных организаций и воссоздания партийного единства в Петрограде» [24, т. 3, ч. 2, с. 595].

В конце декабря – первых числах января состоялись заседания специальной комиссии, разрабатывавшей декларацию фракции Учредительного собрания. Верховенство его власти не подвергалось ни малейшему сомнению, при этом всячески подчеркивалась важность местного самоуправления. Предусматривалось создание органов, укрепляющих федерацию, равно как и представительство федеративных частей республики в составе центральной исполнительной власти. Учредительная власть за отдельными самоопределившимися народами признавалась лишь с теми ограничениями, которые устанавливались всероссийской. В их число входили: запрет на восстановление монархии, на какие-либо ограничения всеобщего избирательного права, публичных прав граждан и прав национальных меньшинств, на несоответствие регионального законодательства общероссийскому. Все государственные, монастырские и частновладельческие, выше удвоенной трудовой нормы, земли переходили в собственность государства. Подлежащая национализации земельная площадь ограничивалась правом мелких собственников продавать свои участки органам самоуправления. Последними же определялись формы и способы землепользования. Главным в области внешней политики признавалось заключение справедливого мира [25, с. 83–86]. В случае разгона Собрания (такого исхода никто не исключал) рекомендовалось не призывать к восстанию, но объявить все, что исходило и исходит от СНК, незаконным.

Большевики тоже готовились к Учредительному собранию.

Только что созданная ВЧК пыталась подавить волю инакомыслящих. Преследование органов печати распространилось и на социалистические газеты: 4 ноября был закрыт петровский «День», 17 ноября – ЦО РСДРП(о) «Рабочая газета», 17 декабря – плехановское «Единство». Эти газеты возрождались под новыми названиями и вновь закрывались многократно. 31 декабря ЦО «Новый луч» и плехановское «Наше единство» были закрыты надолго. 18 декабря по распоряжению Ленина были арестованы Церетели, Дан и Скобелев, но вскоре освобождены [6, с. 459; 29, с. 21].

В начале декабря образовалось Временное бюро большевистской фракции Учредительного собрания в составе «правых» Каменева, Ногина, Рыкова, Милютина, Рязанова и Ларина. Игнорируя решение ЦК от 29 ноября, и рассматривая Учредительное собрание как источник власти, они вызвали в Петроград всех членов фракции и потребовали от ЦК созыва чрез-

высшего партийного съезда для обсуждения линии партии на собрании [36, с.160–161, 279–280]. Сложившееся положение обсуждалось 11 декабря на заседании ЦК. Предложения вносят Ленин, Свердлов и Зиновьев, к тому времени вполне реабилитировавшийся. Решено съезд не созывать, провести совещание с фракцией, надзор за ней поручить Бухарину и Сокольникову, подготовить тезисы ЦК об Учредительном собрании. 12 декабря такое заседание состоялось. Было избрано новое бюро фракции (без представительства «правых») во главе со Шляпниковым. Оппозиционеры выведены из состава большевистской фракции ВЦИК. Совещание приняло написанные Лениным «Тезисы по вопросам Учредительного собрания», в которых заявлялось, что интересы революции «стоят выше формальных прав» вновь избранного органа законодательной власти и что «единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса» может стать «безоговорочное заявление» Учредительного собрания о признании им советской власти и принятых ею Декретов о мире и земле [36, с.160–161, 279–280; 23]. В качестве содержательного документа Лениным для оглашения на Собрании была написана «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Ее обсуждали и утвердили на совместном заседании ЦК большевиков и левых эсеров (2 января) и во ВЦИКе (3 января). Согласованная тактика большевиков и левых эсеров свелась к ультиматуму: либо «Учредилка» при-

Демонстрация в поддержку Учредительного собрания. Петроград. 5 января 1918 г.

знает Советскую власть и все ее законы, либо разгоняется силой. На основе этого ультиматума Декретом СНК открытие собрания намечалось на 5 января 1918 г. по достижении кворума прибывающих в столицу депутатов, а ВЦИК назначил на 8 и 12 января съезды Советов.

5 января 1918 г. в 1 час дня открылось первое и единственное заседание Учредительного собрания. Таврический дворец, где заседали депутаты, походил на осажденную крепость: на прилегающих улицах баррикады, охраняемые красногвардейцами и матросами, в самом здании многочисленная охрана, в окнах первого этажа устроены пулеметные гнезда. Перед открытием собрания в разных районах города были расстреляны демонстрации в его поддержку. Настроение депутатов было нервное и агрессивное. С большим трудом Свердлову удалось зачитать «Декларацию прав», но большинство собравшихся отказались ее обсуждать. Приступили к выборам Председателя. Эсеры выдвинули кандидатуру Чернова, большевики – М. А. Спиридоновой, явно рассчитывая на часть эсеровских голосов. Голосование показало реальное соотношение сил: за Чернова было подано 244 голоса (избран председателем); за Спиридонову – 153 [2, с.4–5, 9]. После пространных и взаимоисключающих речей Чернова и Бухарина выступил

Заседание Учредительного собрания. Петроград. 5 января 1918 г.

Церетели. Его речь и зачитанная им Декларация РСДРП(о) стали самым ярким событием этого единственного заседания Учредительного собрания. Вопреки обструкции, устроенной левыми, площадной ругани, крикам, свисту и даже направленным на него винтовкам и револьверам, он заставил себя слушать [25, с.108]. Церетели отверг требование большевиков без всяких оговорок санкционировать их власть и «те опыты, которые делаются Советом народных комиссаров», потому что не видит их положительных результатов и даже не слышит убедительных аргументов в пользу того, что они будут [25, с.72]. Звучавшие обвинения в свой адрес, что причиной всех бед являются защитники широкой политической коалиции, он отверг следующим образом: «Быть может, мы ошибались, быть может, наши шаги были чем-то худшим, чем ошибки... Но мы... умели бесстрашно на каждый запрос отвечать и обосновывать свои действия» [25, с.73,76]. В настоящий момент к ответу нужно требовать тех, кто у власти. В случае разгона Собрания Церетели предрекал наступление «длительной анархии гражданской войны», а затем и утверждение у власти «самых максимальных цензовых буржуазных устремлений» [25, с.82]. Церетели открыто заявил о неприятии основных положений «Декларации», бросив вызов Советской власти. Большинством в 237 голоса против 146 была принята резолюция, признающая верховной политической властью Учредительное собрание [2, с.64]. Это был переломный момент. Ленин потребовал немедленного ухода большевистской фракции с заседания. Раскольникову было поручено зачитать написанное Лениным заявление об уходе [2, с.88–90; 11]. Вслед затем покинули Собрание и немногочисленные левые эсеры.

На следующее утро 6 января депутаты не смогли попасть в Таврический дворец, двери которого были заперты, а выступления в поддержку Учредительного собрания были силой подавлены. Тем самым была пройдена «точка невозврата», Россия начала фатальное движение к масштабной гражданской войне.

(Окончание следует.)

Библиографический список

1. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника: 1870–1924 гг. В 12 т. Т.4: Март–октябрь 1917 г. М.: Политиздат, 1973. 460 с.
2. Всероссийское Учредительное собрание / Под. ред. М.Н.Покровского, Я.А.Яковлевой. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 217 с.

3. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор–составитель Л.Г.Протасов. М.: РОССПЭН, 2014. 553 с.
4. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л.: Госиздат, 1928. 179 с.
5. Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. 850 с.
6. Декреты Советской власти. В 18 т. Т.1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / подготовил к печати С.Н.Валк и др. М.: Госполитиздат, 1957. 625 с.
7. Известия. 1917. 26 сентября. №181.
8. Ленин В.И. Большевики должны взять власть. Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т.34. Июль–октябрь 1917. М.: Политиздат, 1969. С.239–241.
9. Ленин В.И. В Центральный комитет РСДРП // Там же. С.119–121.
10. Ленин В.И. Государство и революция // Там же. Т.33. М.: Политиздат, 1969. С.1–120.
11. Ленин В.И. Декларация фракции РСДРП (большевиков), оглашенная на заседании Учредительного собрания 5 (18) января 1918 г. // Там же. Т.35. Октябрь 1917 – март 1918. М.: Политиздат, 1974. С.227–228.
12. Ленин В.И. Из дневника публициста. Ошибки нашей партии // Там же. Т.34. С.257–263.
13. Ленин В.И. К гражданам России // Там же. Т.35. С.1.
14. Ленин В.И. Кризис назрел // Там же. Т.34. С.272–283.
15. Ленин В.И. Марксизм и восстание. Письмо Центральному Комитету РСДРП(б) // Там же. С.242–247.
16. Ленин В.И. О компромиссах // Там же. С.133–139.
17. Ленин В.И. Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б) // Там же. С.423–427.
18. Ленин В.И. Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы – большевикам // Там же. С.340–341.
19. Ленин В.И. Письмо к членам партии большевиков // Там же. С.419–422.
20. Ленин В.И. Письмо председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И.Т.Смилге // Там же. С.264–268.
21. Ленин В.И. Письмо членам ЦК // Там же. С.435–436.
22. Ленин В.И. Рабочим, солдатам и крестьянам! // Там же. Т.35. С.11–12.
23. Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании // Там же. С.162–166.
24. Меньшевики в 1917 году. В 3 т. / Под общ. ред. З.Галили, А.Ненарокова, Д.Хеймсона. М.: Прогресс-академия, 1997.
25. Меньшевики в большевистской России, 1918–1924. В 3 т. / Отв. ред. А.П.Ненароков. Т.1: Меньшевики в 1918 году / Отв. сост. Д.Б.Павлов. М.: РОССПЭН, 1999. 797 с.
26. Миллер В.И. Осторожно: история! М.: ЭТЦ, 1997. 222 с.

27. Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М.: Новый хронограф, 2012. 599 с.
28. Новая жизнь. 1917. 15 сентября. №128.
29. Павлов Д.Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
30. Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями. В 8 т. / Ред.: Г.Д.Обичкин и др. М.: Госполитиздат, 1957.
31. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб.: Бельведер, 2003. 684 с.
32. Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. Т.1. М.: Наука, 1966. 584 с.
33. Письмо С.О.Цедербаума (Ежова) в МК РСДРП (о). Октябрь 1917 г. / Публ. А.П.Ненарокова и П.Ю.Савельева // Исторический архив. 2017. №6. С.35–43.
34. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 362 с.
35. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. 460 с.
36. Протоколы Центрального комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918 г. / Ред. М.Д.Стучебникова, И.Шатагин. М.: Госполитиздат, 1958. 307 с.
37. Революционная Россия. 1917 год в письмах А.Луначарского и Ю.Мартова / Под ред. Г.А.Бордюгова и Е.А.Котеленец, сост. Н.С.Антонова и Л.А.Роговая. М.: АИРО–XXI, 2007. 352 с.
38. Революционное движение в России в августе 1917 г.; Разгром корниловского мятежа. Документы и материалы / Под ред. Д.А.Чугаева. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 696 с.
39. Революция 1917 года глазами современников. В 3 т. / Ред.-сост. В.В.Журавлев, А.П.Ненароков, В.В.Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2017. 351 с.
40. Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3 т. Т.3. М.: Республика, 1992. 413 с.
41. Тютюкин С.В. Г.В.Плеханов: судьба русского марксиста. М.: РОССПЭН, 1997. 375 с.

Георгий Хмуркин

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**СТАТИСТИКА ЖЕРТВ
СРЕДИ ПРАВОСЛАВНОГО
ДУХОВЕНСТВА
ЮЖНОРОССИЙСКИХ
РЕГИОНОВ В 1918–1919 гг.**

**(ПО МАТЕРИАЛАМ «ЦЕРКОВНЫХ» ДЕЛ
ОСОБОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ БОЛЬШЕВИКОВ)**

УДК
281.93

Из фонда Особой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоявшей при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России, который хранится в Государственном архиве Российской Федерации, автором статьи были отобраны дела, посвященные положению религии и церкви в регионах, где некоторое время в 1917–1919 гг. до прихода белогвардейцев держалась советская власть. Эти дела были изучены на предмет наличия информации об убийствах представителей православного духовенства: священнослужителей, церковнослужителей, монашествующих, послушников и послушниц. Показано, что, согласно документам Комиссии, насильственной смертью в названных регионах погиб относительно небольшой процент духовных лиц, что не позволяет говорить ни о массовости красного террора в отношении церковных деятелей, ни тем более о «церковном геноциде».

From the fund of the Special Commission to investigate the atrocities of the bolsheviks under the Commander-in-Chief of the Armed Forces in the South of Russia, stored in the State Archive of the Russian Federation, the author selected folders devoted to the situation of religion and the Orthodox Church in the regions where Soviet power was held for some time in 1917–1919 before the arrival of the White Guards. These folders were examined for information about the murders of representatives of the Orthodox clergy: clergymen, psalmists, monks and novices. It is shown that according to the documents of the Commission a relatively small percentage of clergy died by violent death in these regions, which does not allow us to speak about the mass nature of the red terror against the clergy, much less about the «church genocide».

Ключевые слова: Православная Российская Церковь; духовенство; репрессии; красный террор; статистика; гражданская война в России; Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков.

Key words: Russian Orthodox Church; clergy; repressions; red terror; statistics; civil war in Russia; Special Commission to investigate the atrocities of the Bolsheviks.

E-mail: hmurkin@mail.ru

Введение

Ни одна работа, посвященная истории Православной Российской Церкви (далее – Церковь) в годы гражданской войны 1918–1921 гг., не обходит тему террора в отношении духовенства. Природа этого явления, его реальные масштабы и последствия еще не стали предметом серьезного, всестороннего исследования. В научных и публицистических работах, а также в исследованиях околоцерковных авторов все еще преобладают упрощенные модели. Советская историография, почти не занимавшаяся этой проблематикой и тем более не интересовавшаяся статистикой жертв, видела в Церкви один из главных «оплотов контрреволюции», вследствие чего гибель духовенства не могла рассматриваться иначе, нежели явление сугубо политического свойства¹. Другой, более распространенный в настоящее время взгляд состоит в том, что чуть ли не с первых минут после взятия власти большевиками на Церковь и ее служителей повсеместно обрушились жестокие «гонения»; в итоге за короткий срок будто бы многие тысячи духовных лиц стали жертвами кровавых расправ, причинами которых были исключительно религиозные убеждения погибших («за веру») и/или сам факт их принадлежности к Церкви («за то, что поп»). На наш взгляд, обе позиции представляют собою некие «идеальные крайности», далекие от действительного положения вещей – сложного переплетения социально-психологических, военно-политических и экономических процессов, которое еще предстоит аккуратно «распутать» исследователям.

Описываемые в литературе многочисленные случаи казней духовных лиц, главным образом относящиеся к середине 1918 г. – концу 1919 г., на неподготовленного читателя могут произвести впечатление «массовости» террора против духовенства, его чуть ли не поголовного характера; отдельные авторы даже говорят о «церковном геноциде» [10]. Тем временем, реальное число погибших представителей Церкви до сих пор не установлено. Называемые в литературе цифры слишком разнятся между собой², чтобы отдать предпочтение какой-либо одной. К тому же по-прежнему абсолютно неясным остается происхождение (источнико-

¹ См., напр., [12; 22; 31–33].

² Это видно уже на примере статистики жертв по наиболее пострадавшей группе духовенства – священнослужителям. Одни авторы говорят о сотнях погибших за период с июня 1918 г. по март 1921 г. (см., напр., [34, с.324]); другие – о сотнях тысяч погибших только за 1918–1919 гг. (см., напр., [18, с.20]).

вая база, методика подсчета и т. д.) подавляющего большинства таких цифр³.

Время для широких и убедительных обобщений в данном вопросе еще не пришло. Не все архивные документы доступны, не по всем регионам проведены соответствующие исследования. В этих условиях одной из важных задач становится тщательная проверка «расхожих» цифр, традиционно связываемых с конкретными историческими эпизодами. Такая проверка порою существенно корректирует сложившиеся представления о размахе террора в отношении духовенства в те или иные периоды, на тех или иных территориях⁴.

В центре внимания настоящей публикации – документы так называемой Особой Комиссии⁵ по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР) (далее – Комиссия). Собранные ею материалы, помимо прочего, рассказывают о гибели ряда представителей православного духовенства в южнороссийских регионах в 1918–1919 гг. По утверждению некоторых авторов, эти сведения послужили основанием для обобщающих статистических выкладок.

Так, с одной стороны, утверждается, что, согласно подсчетам Комиссии, в первые послереволюционные годы жертвами красного террора стали 28 епископов и 1215 (в ряде источников – 1219) священников⁶. Названная статистика циркулирует в печатных источниках, как минимум с конца 1921 г.⁷

С другой стороны, встречается и другая оценка: якобы в годы гражданской войны были убиты в общей сложности 320 000 православных священнослужителей, т. е. архиереев, а также носителей священнического и диаконского санов [16, с.402; 17, с.188; 21; 23, с.308; 40, с.175; 41, с.163; 45, с.22]. С результатами работы Комиссии озвученную статисти-

³ Обзор существующих цифр см.: [24].

⁴ См., напр., [43].

⁵ В некоторых публикациях встречается название «Особая следственная комиссия...» (см., напр., [20; 44]). Однако ни в каких документах Комиссии слово «следственная» не зафиксировано.

⁶ Об этом сообщают издания самого разного характера – от чисто академических до художественно-публицистических. См., напр., [4, с.89; 5, с.85; 13, с.84; 19, с.192; 27, с.194; 39, с.21; 41, с.163].

⁷ Наиболее ранняя из известных нам публикаций с озвученной статистикой была напечатана в ежедневной русскоязычной газете «Общее дело», издававшейся в Париже В.Л.Бурцевым: [3, с.1].

ку впервые связал исследователь церковно-государственных отношений М.Ю.Крапивин в работе 1993 г. [18, с.20, 75].

Как в первом, так и во втором случае авторы не уточняют территориальные рамки статистики и не описывают методику подсчета. Однако именно эти, обычно опускаемые, «детали» имеют принципиальное значение для оценки достоверности декларируемых цифр. Тем более, что последние, как видно из двух приведенных выше примеров, могут отличаться между собою в сотни раз.

Соответствует ли содержание документов Комиссии озвучиваемым в литературе цифрам? Каким образом могли производиться подобные подсчеты? Были ли убийства представителей православного духовенства на юге России повсеместными и массовыми? Что говорят документы Комиссии о реальных масштабах этого насилия? Таковы общие вопросы, побудившие нас заняться данной темой.

Историческая справка

В течение нескольких месяцев после Октябрьского восстания в Петрограде на значительной части территории бывшей Российской империи установилась советская власть. Вскоре в ряде регионов она была свергнута и местами, после многочисленных переходов из рук в руки, на более или менее продолжительное время закрепились за антибольшевистскими правительствами.

Значительная часть южных регионов страны, освобожденных от красных, в 1919 г. оказалась под контролем ВСЮР, во главе которых стоял генерал-лейтенант А.И.Деникин. Здесь укрепление белого режима сопровождалось активной пропагандистской работой. Во многом именно с этими целями, «по просьбе англичан» [2, д. 1, л. 7], была учреждена упоминавшаяся выше Комиссия. В ее задачи входил сбор сведений о деятельности большевистской власти, которые, по задумке создателей Комиссии, должны были выявить «перед лицом всего культурного мира разрушительную деятельность организованного большевизма» [2, д. 1, л. 1] и тем самым обосновать необходимость продолжения «белой» борьбы.

Члены Комиссии производили эксгумацию казненных большевиками людей с последующим медицинским освидетельствованием; допрашивали местное население – свидетелей расправ, арестов, пыток, обысков, конфискации и др.; собирали и описывали документы организаций, развернувших свою деятельность с приходом красных властей в регион;

осматривали помещения, в которых располагались советские учреждения, партийные органы и красноармейские части и т. п.

Работа Комиссии охватила обширные территории, включавшие – с различной степенью полноты – Воронежскую, Екатеринославскую, Киевскую, Курскую, Полтавскую, Саратовскую, Ставропольскую, Таврическую (куда входил Крымский полуостров), Харьковскую, Херсонскую (в том числе г. Одесса) и Черноморскую губ.; а также Донскую, Кубанскую и Терскую обл.⁸. Кроме того, в материалах Комиссии можно встретить отрывочные сведения, проникавшие с неподконтрольных ей территорий – Урала, Петрограда, Московской губернии и др.

Информация, фиксирувавшаяся в документах Комиссии, должна была в дальнейшем послужить основой для печатных изданий, которые предполагалось распространять как внутри страны, так и за ее пределами. Частично эти планы были реализованы в период гражданской войны⁹. Однако доля опубликованного тогда и в последующие годы (вплоть до настоящего времени) материала вряд ли превышает и несколько процентов от всего сохранившегося массива документов Комиссии¹⁰. Об их систематической публикации речи никто не ведет.

Образованная в конце 1918 г. Комиссия фактически работала до осени 1919 г. – момента, когда Красная Армия стала теснить ВСЮР. За это время членам Комиссии удалось собрать обширный материал, который в марте 1920 г. был вывезен за границу [6, с.56]. Детали эвакуации, последующего перемещения материалов за границу и их передачи в СССР остаются малоизученными¹¹. Сегодня российские исследователи имеют возможность работать со всеми известными документами Комиссии в ГАРФ, фонд Р-470 «Особая Комиссия при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России по расследованию действий большевиков. Кисловодск. [1918–1920]».

⁸ Список составлен по: [2, д. 1, л. 11–26; 2, д. 229, л. 314–321].

⁹ В «Памятной записке» Комиссии, датированной 14 (27) января 1920 г. говорилось, что «все по этим материалам было опубликовано до 40 расследований» [2, д. 1, л. 4].

¹⁰ Наиболее значительной является серия публикаций Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского в журналах «Вопросы истории» за 2001 г., № №7–10, под общим заголовком «Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии». Эта серия составила основу неоднократно издававшегося в России и за рубежом одноименного сборника.

¹¹ Скупые сведения об этом см., напр., [37, с.141–142; 44].

Религия и Церковь в материалах Комиссии

Одним из важных направлений работы Комиссии было изучение деятельности большевиков в области религии и Церкви, вопросу «широкого освещения» этой темы придавалось «исключительное значение» [2, д. 6а, л. 1]. Из 12-ти пунктов «Программы деятельности Особой Комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России» 4-й пункт был полностью посвящен следующим сюжетам: «Провозглашение принципа свободы совести и наряду с этим гонение против церкви и ее служителей (Поругание храмов, глумление над мощами, иконами, священными предметами, разгон и расстрел крестных ходов, массовое уничтожение духовенства и пр.)» [1, д. 6, л. 1; 2, д. 1, л. 2].

Не следует однако думать, что отношение нарождающейся власти к Церкви и ее служителям было повсеместно враждебным. В документах Комиссии, в целом ориентированной на сбор именно такого рода сведений, зафиксировано множество эпизодов вполне благожелательного отношения красноармейцев, советских и партийных служащих к церковной жизни; их непосредственного участия в православных обрядах и таинствах: крещении, венчании, исповеди и причащении; торжественного отпевания большевиков с последующим захоронением их в пределах церковной ограды и т. п. Можно встретить и упоминания о духовных лицах, сочувствующих идеям социалистического строительства, сотрудничающих с большевиками, устраивающих молебны по случаю революционных праздников и т. п.

Но все же главным содержанием документов были примеры обратного свойства: описание обысков в квартирах священнослужителей, актов глумления над святынями, стихийных грабежей храмов и т. п. – всего того комплекса акций, который был характерен для периода максимального накала гражданского противостояния в России (середина 1918 – конец 1919 гг.)

Среди прочего, материалы Комиссии рассказывают об убийствах представителей православного духовенства. В условиях гражданской войны и в послевоенный период никакие советские органы, не говоря уже о научно-исследовательских учреждениях, не вели систематического учета человеческих потерь среди православных священно-церковнослужителей и монашествующих. Часть архивов региональных ЧК, в документах которых откладывались сведения о казненном в 1918–1919 гг. духовенстве, была утрачена. По этой причине материалы Комиссии обретают совершенно особый статус. Многочисленные свидетельства самых разных очевидцев

о недавних событиях гражданской войны, участие профессиональных экспертов (медиков, юристов и т. д.) в документообразовании [6], высокая степень сохранности материалов, подчеркнуто антибольшевистская (а значит, не испытывавшая влияния по крайней мере советских пропагандистских штампов) направленность основного массива свидетельств – вот что привлекает исследователя церковно-государственных отношений к этой, вероятно, не имеющей аналогов архивной коллекции.

Научное изучение насильственной смертности среди духовных лиц с использованием материалов Комиссии началось сравнительно недавно. Немногочисленные исследователи, работающие в этом направлении, обычно пересказывают и уточняют конкретные трагические эпизоды, рассуждают о причинах убийств, называют суммарное число жертв в отдельных регионах (порой без уточнения сана, даты смерти и т. п.)¹². При этом не указывается общая численность духовенства в рассматриваемых регионах, которая позволила бы читателю оценить *долю* пострадавших, не ставится вопрос о степени «затронутости» террором различных категорий духовенства, не анализируются количественно важные свидетельства (к примеру, обширные комплекты анкет, в которых члены сотен южнороссийских причтов рассказывают о своей недавней жизни при советской власти). Соответственно, ни к каким обобщающим статистическим выкладкам, основанным на комплексном изучении крупных партий документов Комиссии, авторы не прибегают и циркулирующие в различных печатных источниках гипотетические цифры жертв, связываемые с ее работой, не комментируют. В частности, никто из исследователей, опирающихся в своих работах на обсуждаемые архивные материалы, не высказывал в публикациях своего отношения к тезисам о якобы убитых 28 епископах и 1215 священниках, а также о предполагаемой гибели 320 000 священнослужителей.

Таким образом, вопрос о *масштабах* насильственной смертности православного духовенства, которые *могут быть выведены из документов Комиссии*, по сей день остается открытым.

Постановка задачи и план исследования

Наше внимание было приковано к упоминавшемуся выше фонду ГАРФ за номером Р-470. Он состоит из двух описей: в описи №1 собрано 11 дел, в описи №2 собрано 271 дело¹³. Общий объем этих 282

¹² См., напр., [8; 15; 25; 29].

¹³ В ряде публикаций ошибочно указывается число 269. См., напр., [6, с.58; 37, с.143].

дел – около 25 тыс. л. Ввиду обширности фонда нами были отобраны и изучены только те дела, в названии которых присутствует церковная тематика, для краткости мы будем называть их «церковными». Таковых оказалось 19 дел; все они относятся к описи 2. Дабы не загромождать текст, мы не приводим названия этих «церковных» дел, однако укажем, к каким регионам они относятся: Донская обл. (д. 6, 6а, 45, 75), Екатеринославская губ. (д. 5, 114а), Кубанская обл. (д. 10, 25, 26), г. Киев (д. 202), г. Курск (д. 170), г. Одесса (д. 158), Ставропольская губ. (д. 25), Троице-Сергиева лавра (д. 7), Харьковская губ. (д. 118, 120, 127, 136), без указания территории (д. 4, 248). Таким образом, «церковные» дела, хранящиеся в ГАРФ, собраны примерно по половине регионов, где разворачивала свою работу Комиссия; нет специальных дел о положении религии и духовенства в Воронежской, Полтавской, Саратовской, Таврической и Черноморской губерниях, а также Терской области. Отчасти это можно объяснить кратковременностью пребывания денкинских войск в некоторых из перечисленных регионов.

Можно ли надеяться, что выделенные нами «церковные» дела повествуют обо *всех* случаях расправ над служителями Церкви в соответствующих регионах? Разумеется, нет. Расстроенные почтовое и телеграфное сообщения, нарушения в работе транспорта, оторванность части территорий внутри одного региона линией фронта от «информационного центра» Комиссии и другие обстоятельства военного времени приводили к тому, что до ее членов могла не доходить часть сведений о трагических инцидентах.

Тем не менее мы уверены, что изучение выделенных «церковных» дел позволит в первом приближении установить *объем сведений, которые стали достоянием Комиссии в 1919–1920 гг.* (вне зависимости от того, насколько они были полны и достоверны) по соответствующим регионам.

В результате сквозного чтения всех 19-ти «церковных» дел (суммарный объем 1763 листа) нами была составлена картотека всех упоминавшихся в материалах погибших представителей православного духовенства: священнослужителей, церковнослужителей, монашествующих и послушников. В настоящей статье систематизирована и обобщена вся информация из «церковных» дел, касающаяся *статистики* убийств. Эти сведения позволили установить: а) насколько адекватно циркулирующие в литературе оценки числа жертв, связываемые с результатами деятельности Комиссии, отражают реальное содержание ее материалов; б) насколько массовыми были убийства представителей Церкви в регионах,

где работала Комиссия; в) в какой степени красный террор затронул различные слои православного духовенства, т.е. был ли он с разной «силой» направлен на различные группы духовенства.

Подчеркнем: статья посвящена выяснению *количественных характеристик* террора и не касается его «содержательной» стороны – причин казней, их социально-психологических предпосылок и т.п. Кроме того, мы сознательно дистанцируемся от вопроса достоверности сведений, содержащихся в материалах Комиссии, нас интересуют цифры, *как они есть в документах*, а также вопрос их формального соответствия встречающимся в литературе оценкам.

Итак, приступим.

Списки погибшего духовенства по епархиям

Жертвы революционного насилия среди представителей православного духовенства имели место еще при Временном правительстве. «То и дело слышим об ограблениях церквей, монастырей, землевладельцев, а нередко об убийствах служителей Божиих...» – говорилось на заседаниях Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. еще до большевистского восстания в Петрограде [11, с.412].

После Октябрьских событий в столице, с появлением целого ряда декретов, касающихся положения Церкви в нарождающемся советском государстве, число жертв стало расти. И уже спустя полгода, 5 (18) апреля 1918 г. Поместный Собор выпустил Определение «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь», согласно которому надлежало «установить возношение в храмах за Богослужением особых прошений о гонимых ныне за Православную Веру и Церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках» [38, с.55]. Оно же предписывало «установить во всей России ежегодное молитвенное поминовение <...> всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников» [38, с.55].

Во исполнение этого Определения в годы гражданской войны по епархиям велся систематический – насколько позволяло военное время – сбор информации о погибших местных священно-церковнослужителях и монашествующих. Этим можно объяснить наличие в «церковных» делах Комиссии списков погибших представителей православного духовенства Донской, Кубанской, Курской, Ставропольской и Херсонской епархий. Оставляя за скобками биографические данные мучеников, приведем здесь только «сухую» статистику.

Донская епархия. Выявлен 1 список [2, д. 6а, л. 370], в котором числятся убитыми: 1 архиепископ, 1 епископ, 1 протоиерей, 24 священника, 1 диакон, 1 псаломщик, 1 монах и 1 духовное лицо неизвестного сана¹⁴. Дата составления списка – не ранее 5 мая 1919 г.

Кубанская епархия. Выявлен 1 список [2, д. 10, л. 226], в котором числятся убитыми: 14 священников и 2 диакона. Дата составления списка – между апрелем и июнем 1919 г.

Курская епархия. Выявлено 2 списка.

В первом из них [2, д. 170, л. 21–21 об.] числятся убитыми: 4 протоиерея, 4 священника, 1 псаломщик, 2 иеродиакона и 1 монах. Дата составления списка – 4 (17) октября 1919 г.

Во втором [2, д. 170, л. 113–113 об.] числятся убитыми: 1 епископ, 6 протоиереев, 8 священников, 3 псаломщика, 1 иеромонах, 2 иеродиакона и 1 монах. Дата составления списка – между февралем и октябрём 1919 г.

Заметим, что первый список целиком входит во второй.

Ставропольская епархия. Выявлен 1 список [2, д. 25, л. 8–10], в котором числятся убитыми: 30 священников, 4 диакона, 1 диакон-псаломщик, 3 псаломщика и 1 ктитор. Дата составления списка – между апрелем и июнем 1919 г.

Отметим, что в список по Ставропольской епархии включены все лица, перечисленные в списке по Кубанской епархии. Указанное обстоятельство объясняется тем, что на момент составления списка по Ставропольской епархии (апрель–июнь 1919 г.) в нее в качестве викариатства входила Кубанская область, которая в июне–августе 1919 г. официально и фактически выделилась в отдельную епархию [7, с.81; 14, с.452].

Херсонская епархия. Выявлен 1 список [2, д. 158, л. 2–2 об.], в котором числятся убитыми: 16 священников, 1 диакон-псаломщик и 3 псаломщика¹⁵. Дата составления списка – 12 сентября 1919 г.

Разумеется, все выявленные списки нуждаются в тщательной проверке и, местами, в сокращении. Причин этому несколько.

Во-первых, в список мог попасть живой человек. Так, например, в списке по Донской епархии указан «Преосвященный Гермоген», под этим именем, очевидно, подразумевался епископ Аксайский, викарий Донской и Новочеркасской епархии Ермоген (Максимов), доживший

¹⁴ Из 31 фигуранта списка только у 5-ти указан сан / вид церковного служения. У остальных, за исключением одного – некоего И.И. Кудряшова, их положение в духовенстве удалось восстановить по другим материалам «церковных» дел.

¹⁵ В число этих 3 псаломщиков мы включаем Алексея Рудченко, обозначенного в списке как «исп[олняющий] обязанности псаломщика» [2, д. 158, л. 2]. Увы, отобранные нами «церковные» дела больше нигде не упоминают этого человека.

до 1945 г. [35, с.660–663]. В том же списке фигурирует «Архиепископ Митрофан» – очевидно, архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич), доживший до 1934 г. [36, с.486–487]. Заметим, что речь идет об архиереях – влиятельных публичных фигурах, от которых зависела жизнь целых епархий, деятельность сотен приходов. Если даже в случае с ними могли допускаться подобные неточности, то о надежности сведений, касающихся рядового духовенства, говорить не приходится.

Во-вторых, в список мог попасть «дубль», т.е. один и тот же человек под разными именами. Так, в списке погибшего духовенства Донской епархии под №15 числится священник Андрей *Казищев*, а под №30 – священник Андрей *Казинцев*. В действительности это одно и то же лицо, в чем нетрудно убедиться, познакомившись с подробными описаниями убийства этих, на первый взгляд, разных людей¹⁶.

Такого рода фактические неточности были естественным следствием общего социального и военно-политического кризиса 1918–1919 гг. с сопутствующим ему разрушением привычных путей передачи информации, обилием всевозможных слухов и т.п.

Мы отметили лишь некоторые, бросающиеся в глаза неточности. Выяснение реальной судьбы *всех* лиц, перечисленных в списках, не входило в наши задачи. В приведенных выше количественных сводках все фигуранты списков, независимо от их подлинной биографии, учтены как «погибшие».

Опросные листы

Списки, аналогичные описанным выше, в годы гражданской войны составлялись во многих епархиях.

Однако только лишь на их основе получить более или менее точную статистику жертв среди православного духовенства в масштабах всей страны невозможно: исследователям хорошо известно как о недостоверности, так и о неполноте мартирологов военного времени.

В этой ситуации значительно более ценными оказываются опросные листы (анкеты), которые рассылались Комиссией по сотням причтов освобожденных от большевиков территорий. В них запрашивались сведения о положении религии и жизни духовенства в период советской власти в конкретном приходе, причем первым вопросом в анкетах был

¹⁶ *Историю, в которой фигурирует «А.Казищев», см.: [2, д. 6а, л. 380]. Историю, в которой фигурирует «А.Казинцев (Казинцов)», см.: [2, д. 6, л. 4–4об., 5об.]*

вопрос о том, кто из причта пострадал лично, т. е., в частности, касался темы убийства членов приходского духовенства. Заполненные, эти листы возвращались в Комиссию и затем по ним составлялись сводки об отношении большевиков к служителям Церкви, законодательных нововведениях советской власти, касающихся религии, и т. п.

Не абсолютизируя достоверность сведений из этих опросных листов, тем не менее, следует учитывать, что представленная в них информация записывалась по горячим следам, а ее источником почти всегда выступали участники и очевидцы событий. Кроме того, ответы на вопросы анкеты составлялись в свободной форме, добровольно, без нажима со стороны властей. Думается, анкетлируемые в большинстве случаев стремились изложить события максимально достоверно. Это, в частности, видно по тому, что многие анкеты не стесняются в описаниях обысков, арестов, конфискаций, детально перечисляют пострадавшее имущество, рисуют обстоятельства гибели духовных лиц, называют фамилии и т. п.

В «церковных» делах Комиссии отложились коллекции заполненных опросных листов, рассылавшихся по причтам трех регионов – Донской области [2, д. 6а, л. 1–342], Екатеринославской губернии [2, д. 114а, л. 1–375] и Кубанской епархии [2, д. 10, л. 147–218 об.]. Вот как выглядят количественные итоги опроса о погибших.

Донская область. Информацию предоставили 243 причта. Только в 14-ти из них (6%) имели место трагические инциденты; еще в одном причте допустили вероятность убийства местного диакона, однако достоверной информацией об этом причт не располагал¹⁷. Согласно опросным листам, всего в этих причтах было убито 15 или 16 человек приходского духовенства, а именно: 1 протоиерей, 11 священников, не более 1 диакона, 1 диакон-псаломщик и 2 псаломщика.

Екатеринославская губерния. Информацию предоставили 246 причтов. Только в 15-ти из них (6%) имели место трагические инциденты; еще в одном причте допустили вероятность убийства местного священника, однако достоверной информацией об этом причт не располагал¹⁸. Согласно опросным листам, всего в этих причтах было убито 15 или 16 человек приходского духовенства: 1 протоиерей, 11 или 12 священников, 1 диакон и 1 псаломщик, а кроме того, в отношении еще 1 убитого неясно, кем он был, – священником или протоиереем.

¹⁷ Речь идет о диаконе (диаконе-псаломщике?) А. Н. Антонове (Антонове?). В анкете было написано: «по слухам он убит» [2, д. 6а, л. 349 об.].

¹⁸ Речь идет о священнике Ф. Галкине. В анкете было написано: «по слухам убит и брошен в колодезь» [2, д. 114а, л. 265].

Кубанская епархия. Информацию предоставили 192 причта, причем в присланных ими опросных листах есть сведения о трагических инцидентах еще в 4 причтах, от которых анкет не поступало. Только в 11-ти (6%) из этих 196 причтов имели место убийства представителей духовенства; еще в одном причте ходил слух о расстреле 1 священника, однако, судя по всему, в итоге он остался жив¹⁹. Согласно изученным опросным листам, всего в этих 196 причтах было убито 12 или 13 человек приходского духовенства, а именно: 9 или 10 священников, 2 диакона и 1 псаломщик.

Оценки числа жертв по стране

Аналитики Комиссии, готовя к печати пропагандистские материалы, естественно, не могли ограничиться воспроизведением известных им *отдельных* случаев расправ над православным духовенством или указанием числа служителей Церкви, погибших по *отдельным* епархиям. Острый дефицит точной информации о событиях в других регионах, желание произвести впечатление на читателя подталкивали к умозрительным обобщениям – попыткам хотя бы приблизительно оценить общее число жертв среди духовных лиц по всей стране. Такие же мысли рождались и у допрашиваемых.

Оставляя за рамками повествования эмоционально-образные высказывания (вроде того, что «число жертв из среды духовенства безгранично велико» [2, д. 4, л. 4]), приведем только те места, в которых дается конкретная количественная оценка. Таковых в «церковных» делах насчитывается лишь несколько.

Во-первых, говорится о том, что погибших необходимо считать тысячами. Так, в одном из «церковных» дел отложился оттиск доклада М.Кальнева под названием «На Всеукраинском Церковном Соборе», отпечатанный предположительно весной–летом 1919 г. В нем автор утверждал, что «расстрелянных из клира считают уже не сотнями, а тысячами» [2, д. 25, л. 30 об.]. Кроме того, в марте 1919 г. протопресвитер Георгий Шавельский в показаниях Комиссии выражал уверенность, что «число замученных Священников не поддается в настоящее время учету, – их надо считать тысячами» [2, д. 4, л. 6]. Это высказывание практически

¹⁹ Речь идет о священнике В.Богданове из с. Горькобалков[...] (окончание неразборчиво). Несмотря на упоминание в опросном листе некоего «рассказа о его расстреле» [2, д. 10, л. 212 об.], в самом опросном листе имеется приписка, косвенно свидетельствующая о том, что В.Богданов остался жив, что, между прочим, подтверждается другими источниками [2, д. 4, л. 17].

без изменений вошло в машинописную сводку [2, д. 4, л. 1 об.] и подготовленную на ее основе брошюру 1919 г., не имеющую определенного названия [2, д. 4, л. 19]. Заметим, что в приведенных цитатах говорится о двух разных группах – о клире вообще и о священниках. На каком основании получены данные оценки, в соответствующих «церковных» делах не сообщается.

Во-вторых, несколько высказываний посвящено жертвам среди носителей епископского сана. Отец Г.И. Шавельский в тех же показаниях сообщал: «По имеющимся у меня сведениям, до настоящего времени (22 марта 1919 г. – Г.Х.) убито всего до четырнадцати архиереев...» [2, д. 4, л. 6]. В машинописной сводке источник информации был опущен и сказано более категорично: «Убиты четырнадцать высших представителей духовенства...» [2, д. 4, л. 1 об.]. Именно в такой урезанной формулировке слова протопресвитера вошли в упомянутую брошюру 1919 г. [2, д. 4, л. 19]

Нигде в «церковных» делах не приводится полного списка этих 14-ти архиереев; имеются лишь разрозненные сообщения об убийстве 13-ти конкретных архиереев по всей стране, причем, как уже говорилось, минимум два из них ошибочные, а достоверность еще одного – об убийстве епископа Евлампия – ставится под сомнение в самом документе²⁰. Сам о. Г.И. Шавельский смог назвать имена лишь 9-ти архиереев-мучеников: «Митрополит Киевский Владимир, Архиепископ Пермский Андроник и бывший Черниговский Василий, епископ Тобольский Гермоген, Макарий, Ефрем, Варсанофий, викарий Новгородский, Амвросий и Исидор – викарии Вятские» [2, д. 4, л. 6]. Остальные имена Георгий Иванович при даче показаний вспомнить не сумел.

Наконец, в делах встречаются оценки для иереев и архиереев, идущие вместе. Все в той же брошюре 1919 г. говорилось: «14 епископов, сотни священников, в особенности из выдававшихся твердостью защиты веры и проповедническим даром, расстреляны, повешены, утоплены, сожжены...» [2, д. 4, л. 16]. Дословно это утверждение повторяется в машинописном «Обращении Церкви Екатеринодарской к христианским церквям всего мира», датированном 5 апреля 1919 г. и заверенном Председателем Кубанского Епархиального Совета священником Г.П. Ломако [2, д. 25, л. 50]. По-видимому, оно и послужило подготовительным материалом для брошюры.

²⁰ «По слухам большевики запероли до смерти нагайками преосвященного Евлампия...» [2, д. 5, л. 15 об.].

Никаких других обобщенных оценок в изученных «церковных» делах Комиссии нет.

**Статистика погибших,
упоминаемых в «церковных»
делах**

Главной задачей исследования было выявление *всех* упоминаний о случаях насильственной смертности среди православного духовенства

безотносительно их соответствия/несоответствия действительности. Сведения о таких случаях заносились в специально созданную картотеку, причем ввиду неоднородности такого рода информации (различной степени полноты, порою неконкретности, противоречивости и т. п.) были сформулированы следующие принципы отбора и фиксирования данных:

1. В картотеку заносились православные *священнослужители* (диаконы, протодиаконы, священники, они же иереи, протоиереи, викарные и правящие епископы, архиепископы, митрополиты, патриарх), *церковнослужители* (псаломщики, диаконы-псаломщики, церковные старосты, ктиторы), *монашествующие* (иеродиаконы, иеромонахи, архимандриты и др.), *послушники* и *послушницы*, погибшие насильственной смертью, т.е. казненные по приговору суда, расстрелянные как заложники, павшие жертвою бессудных расправ, мобилизованные и убитые в боях, погибшие при обстрелах.

2. Имена, отчества и фамилии фиксировались без изменений. Никаких уточнений мы не производили. Неуверенно читающиеся фамилии помечались звездочкой «*». Неразборчивые фрагменты имен, фамилий, отчеств, названий населенных пунктов и т. п. отмечались знаком “[...]”.

3. Сан и вид церковного служения в картотеке обозначался так же, как в документе. Никаких уточнений мы не производили.

4. В некоторых случаях сведения о положении убитого в духовной иерархии противоречивы или неконкретны, а именно:

а) Один и тот же человек мог быть назван в одном месте священником, а в другом – протоиереем. Для таких случаев в картотеке был заведен раздел «Священники или протоиереи» (хотя очевидно, что, если не во всех, то в большинстве подобных случаев убитый имел чин протоиерея).

б) Если перед именем человека стоит «о.» («отец») и не сказано, есть ли это священник или протоиерей, то в картотеке он также попал в раздел «Священники или протоиереи».

в) В документе может быть сказано об убийстве духовного лица, но не указан ни его сан, ни вид церковного служения. Для таких слу-

чаев в картотеке был заведен раздел «Лица, положение которых в духовенстве не установлено».

5. В некоторых случаях лица с похожими именами были убиты при одних и тех же обстоятельствах, причем сообщаемые детали не оставляют сомнений в том, что речь идет об одном и том же лице. Каждой группе таких случаев-дублей в картотеке соответствует единственная карточка, в которой приведены различные варианты написания имени убитого. Если же при наличии похожих (или даже совпадающих) имен обстоятельства убийства заставляли усомниться в том, что это один человек, то в картотеке для каждого из таких «похожих» случаев заводилась отдельная карточка.

6. Особо отметим, что в картотеку **вносились** случаи, когда:

а) говорится о том, что духовное лицо умерло от нанесенных ему ран либо сразу, либо по прошествии некоторого времени после их нанесения;

б) говорится об убийстве духовного лица, которое не названо по имени, но сообщены некоторые подробности (например, сан погибшего, место убийства, обстоятельства убийства и т. п.); такие случаи вносились в картотеку с пометой «[Без имени]»;

в) в одном месте уверенно говорится об убийстве духовного лица, а в другом – что, несмотря на определенные усилия родственников и др., установить факт насильственной смерти духовного лица не удалось.

7. В картотеке следующие категории **вносились** в раздел «Лица, относительно которых неясно, погибли ли они»:

а) допрашиваемый высказывает неуверенность в точности своих сведений о смерти духовного лица (например, «по слухам он убит»);

б) в одном месте уверенно говорится об убийстве духовного лица, а в другом – что представитель духовенства выжил;

в) в одном месте говорится о том, что духовному лицу были нанесены увечья, от которых оно скончалось, а в другом месте имеются показания самого увечного, т. е. несмотря на увечья человек выжил.

8. В картотеку **не вносились** случаи, когда:

а) говорится о драматических событиях в жизни духовного лица, которые *могли привести* к трагической развязке («пропал без вести», «увезен неизвестно куда», «семье говорили, что по дороге убьют», «был приговорен к расстрелу» и т. п.), однако не проясняется его дальнейшая судьба;

б) говорится, что духовное лицо, названное по имени, «пострадало лично», но не сказано, как именно пострадало;

в) смерть духовного лица отмечена в периодическом церковном издании (они тоже откладывались в делах Комиссии) в списке скончавшихся за тот или иной период (обычная практика и в дореволюционное время), но ничего не сказано о *насильственном* характере смерти;

г) говорится о том, что духовное лицо умерло не в результате непосредственного насильственного воздействия (применения оружия, избиения и т.п.), а спустя некоторое время под воздействием пережитого (оскорблений, угроз и т.п.);

д) говорится об убийстве некоего человека, но ничего не сказано о его принадлежности к духовенству.

(Заметим, что случаи, соответствующие пп. 8 а–д, единичны и не внесли бы существенную поправку в итоговые цифры.)

9. Содержание одного-единственного листа из выделенных нами «церковных» дел – [2, д. 6, л. 52 об.] – при составлении картотеки не учитывалось. Этот лист удалось прочитать лишь частично, ввиду неразборчивого почерка. Маловероятно, но все же не исключено, что на этом листе тоже имеются сведения об одном–двух убитых духовных лицах.

В соответствии с изложенными принципами отбора была составлена картотека всех (быть может, за считанными исключениями) представителей православного духовенства, об убийствах которых сообщают «церковные» дела. Публикация этой картотеки, ввиду ограничения на объем статьи, невозможна, но мы приведем здесь ее количественные итоги:

182 священнослужителя (11 диаконов, 139 священников, 7 священников или протоиереев, 13 протоиереев, 8 епископов, 3 архиепископа, 1 митрополит), **24 церковнослужителя** (17 псаломщиков, 3 диакона-псаломщика и 4 церковных старосты или ктитора), **18 монашествующих** (7 монахов, 3 иеродиакона, 6 иеромонахов, 2 архимандрита) и **2 послушника**. Относительно еще **1** погибшего духовного лица неясно, какое положение оно занимало в духовенстве, и, кроме того, относительно **2** погибших не вполне ясно, принадлежали ли они к духовенству. Также в «церковных» делах упомянуты **8 чел.** из православного духовенства, про которых неясно, погибли они или все-таки выжили (1 епископ, 5 священников, 1 диакон или диакон-псаломщик, 1 послушник или монах).

Заключение

Итак, Особая Комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при Главнокомандующем ВСЮР, в 1918–1919 гг. развивавшая

деятельность в 14 южнороссийских регионах, специальное внимание уделяла фиксации фактов убийства представителей Православной Российской Церкви. Из 282 дел Комиссии [1; 2], в которые укомплектованы материалы Комиссии, церковной тематике посвящены 19 дел, в них собраны сведения примерно по половине регионов, охваченных работой Комиссии.

Детальное изучение этих 19 дел привело к следующим выводам:

1. В «церковные» дела Комиссии попадала не только информация по регионам, к которым они имели прямое отношение, но также всевозможные сведения, проникавшие с территорий, неподконтрольных ВСЮР и недоступных для непосредственного обследования Комиссии. В общей сложности «церковные» дела упоминают о гибели *182 священнослужителей, 24 церковнослужителей, 18 монашествующих, 2 послушников и 1 лица неустановленного духовного статуса*. Итого – 227 человек. Кроме того, относительно 10 человек информация подана так, что неясно, был ли человек убит / принадлежал ли убитый к духовенству.

Если не учитывать последних 10-ти человек, сведения о которых неконкретны, получается следующая статистика:

- Среди духовных лиц, об убийстве которых говорят «церковные» дела, основную массу составляют носители пресвитерского сана – священники и протоиереи. Таковых насчитывается 159 чел., это 87% от числа погибших священнослужителей и 70% от общего числа погибших духовных лиц.
- О гибели псаломщиков (если не брать в расчет тех, кто состоял в сане диаконов, т.е. диаконов-псаломщиков) говорится в 9 раз реже, чем о священниках и протоиереях, и в 11 раз реже, чем о священнослужителях вообще. Погибших псаломщиков в «церковных» делах насчитывается 17 чел., это 7,5% от общего числа погибших представителей духовенства.
- Примерно столько же свидетельств о насильственной смерти монашествующих и послушников – 20 случаев, т.е. в 9 раз меньше, чем священнослужителей, или 9% от общего числа погибших духовных лиц. В каждой группе монашествующих и послушников (иеродиаконны, иеромонахи и т.д.) погибших – единицы, от 2 до 7 чел.

- Упоминаний об убийствах диаконов (без учета диаконов-псаломщиков) и того меньше: на все «церковные» дела – это 11 чел., которые составляют 6% от числа погибших священнослужителей и 5% от общего числа погибших духовных лиц.

2. Представленные цифры неточно отражают число предполагаемых жертв, о которых рассказывают «церковные» дела. Небольшая погрешность – возможно, плюс-минус *несколько* человек – вызвана тем, что один из листов [2, д. 6, л. 52 об.], выделенных нами «церковных» дел, оказался слабочитаемым.

3. Сколько случаев гибели епископов зафиксировано в «церковных» делах Комиссии? Ответ на этот вопрос может быть разным в зависимости от того, что понимать под словом «епископ». Дело в том, что данное наименование как в прошлом, так и в настоящее время используется в двух разных смыслах. В узком смысле – это архиерей первой ступени, т.е. не архиепископ, не митрополит и не патриарх. В широком смысле – это синоним архиерея, т.е. епископ, архиепископ, митрополит или даже патриарх (последний воспринимается как «первый среди епископов»).

Так вот, если подходить строго, т.е. 1) говорить о епископах в узком смысле слова, и 2) не включать в число убитых епископа Евлампия, о гибели которого документы Комиссии высказываются неуверенно, то получается – 8 погибших епископов. Если же снять оба ограничения, то – 13 погибших епископов. Примечательно, что в документах Комиссии несколько раз называется число – 14 погибших архиереев, однако ни в одном из этих мест не приводится полного перечня имен. Итого получается: *от 8 до 13 погибших епископов.*

Таким образом, информация об убийстве 28 епископов не нашла своего подтверждения в «церковных» делах Комиссии.

4. Примерно так же дело обстоит с числом погибших священников. Этот термин имеет два различных значения: либо это все носители священнического сана, т.е. священники (они же иереи) и протоиереи; либо это только иереи.

Если подходить строго, т.е. не учитывать: 1) протоиереев, 2) тех носителей священнического сана, о которых неясно, являются ли они иереями или протоиереями, 3) лиц, насильственный характер смерти которых не вырисовывается однозначно из материалов Комиссии, а также 4) лиц, которые лишь гипотетически были священниками, то выходит – 139 священников. Если же снять перечисленные ограничения, то – 165 священников. Итого получается: *152±13 погибших священников.*

Поскольку «церковные» дела касались лишь половины областей, охваченных работой Комиссии, то, будь подобные документы собраны по оставшейся половине регионов, убийств священников было бы зафиксировано больше и, полагаем, составило бы от силы *несколько сотен случаев* на все южные области, обследовавшиеся Комиссией.

Таким образом, из исследованных нами материалов Комиссии невозможно почерпнуть информацию о 1215 конкретных случаях убийства священников. Откуда же взялась эта цифра? Позволим себе высказать два предположения.

Во-первых, она могла стать результатом вычислений, которые каким-то образом учитывали *степень неполноты* собранных данных, а именно, исходили из предположения, что реальное число убийств священников на юге России было *в несколько раз больше*, нежели конкретных случаев, ставших известными Комиссии.

Во-вторых, цифра 1215 священников могла быть результатом пропорциональной экстраполяции данных Комиссии на *всю страну*, а возможно, также и на более широкий, чем 1918–1919 гг., хронологический отрезок. Ведь гражданская война и убийства духовенства продолжались и позже, после сворачивания деятельности Комиссии во второй половине 1919 г.

Вторая версия представляется нам вполне правдоподобной. Более того, нетрудно реконструировать конкретные выкладки аналитиков Комиссии, приведшие к таким выводам.

1-я реконструкция: пусть в ~ 7 епархиях, оказавшихся хорошо изученными Комиссией, зафиксировано ~ 135 случаев гибели священников; поскольку ~ 7 епархий составляют $\sim 1/9$ от общего числа православных епархий²¹, то по всей стране погибло примерно 135×9 , т.е. как раз 1215 священников.

2-я реконструкция: пусть в ~ 13 епархиях, оказавшихся в зоне досягаемости Комиссии, зафиксированы ~ 243 конкретных случая гибели священников; поскольку эти ~ 13 епархий составляют $\sim 1/5$ от общего числа епархий, то по всей стране погибло примерно 243×5 , т.е., опять же, в точности 1215 священников.

Подчеркнем, что это всего лишь наши догадки. Каких-либо прямых или косвенных указаний на подобные вычисления мы не встретили.

²¹ Напомним, накануне революции, в 1915 г., в Церкви насчитывалось 63 епархии, плюс одна административно-территориальная единица особого статуса – Грузинский экзархат [30, с.24–25].

Авторы, связывающие сообщения о гибели 28 епископов и 1215 священников с работой Комиссии, часто помещают эти цифры в длинный числовой ряд предполагаемых жертв красного террора (28 епископов, 1215 священников, 6000 профессоров, 9000 докторов и т. д.), общий итог которого составляет 1,7–1,8 млн чел.²² Несмотря на то, что указанный ряд воспроизводился в бесчисленном множестве печатных изданий уже с начала 1920-х гг. (и, заметим, лишь изредка связывался с работой Комиссии), его первоисточник до сих пор остается загадкой. В частности, нет никаких прямых подтверждений, что это действительно результат анализа материалов Комиссии. Не исключено, что такие подтверждения вскоре будут найдены. Надежду на это дает известная книга С. П. Мельгунова «"Красный террор" в России», в которой сказано: «Деникинская комиссия по расследованию деяний (так в тексте. – Г.Х.) большевиков в период 1918–[19]19 гг. <...> в обобщающем очерке о "красном терроре" насчитала 1.700.000 жертв» [26, с.79]. В подстрочном примечании С. П. Мельгунов отметил, что упомянутый очерк «не был напечатан и составлен был в частном порядке» [26, с.79]. Не исключено, что он отложился где-то в материалах Комиссии, хранящихся в ГАРФ. Возможно, именно в этом пока еще не выявленном исследователями «обобщающем очерке» приведены не только итоговые цифры жертв, но и методика вычислений. Впрочем, не все историки Церкви разделяют наш оптимизм, полагая, что числа 28 епископов и 1215 священников подсчитаны «явно не по материалам Комиссии и не за период Гражданской войны»²³.

5. Тезис о том, что, опираясь на документы Комиссии, можно насчитать 320 000 погибших священнослужителей, не нашел подтверждений. Историк М. Ю. Крапивин, вводя указанную цифру в научный оборот, сослался на «д. 25–26, 170 и др.» того же фонда и той же описи (увы, не указав номера листов) [18, с.75, прим.53]. В процессе исследования все три указанные им дела были квалифицированы нами как «церковные» и тщательно изучены. Данных, прямо или хотя бы косвенно свидетельствующих о гибели *сотен тысяч* священнослужителей на какой бы то ни было территории, в них нет. С сожалением приходится констатировать факт легкомысленной апелляции к малоизученным архивным фондам, а также некритического отношения к цифрам, циркулировавшим в печати в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

²² От автора к автору отдельные слагаемые слегка варьируются (что обусловлено округлением или элементарными опечатками), отсюда и «разброс» в общей сумме.

²³ Письмо Ю. А. Бирюковой – Г. Г. Хмуркину от 4 января 2019 г. // Эл. архив автора статьи.

6. Среди материалов Комиссии были обнаружены опросные листы, представляющие собою бланки с вопросами о положении Церкви и духовенства при большевиках до прихода ВСЮР. Они рассылались по причтам Донской обл., Екатеринославской губ. и Кубанской епархии после их освобождения от красных. Ввиду независимости ответов, обширности статистики и хорошей сохранности анкет они представляют ценное свидетельство, дающее представление о реальных масштабах красного террора в отношении представителей Церкви на перечисленных территориях в соответствующих хронологических границах.

В анкетах присутствует информация по 685 причтам. Только в 40–43 из них (6%) имели место убийства представителей приходского духовенства. Общее число погибших – 42–45 чел., среди них: 2 протоиерея, 31–33 священника, 1 священник или протоиерей, 3–4 диакона, 1 диакон-псаломщик и 4 псаломщика.

Используя церковную статистику за 1915 г. [30, с.24–25], нетрудно восстановить общую численность приходского духовенства, трудившегося в этих 685 причтах накануне гражданской войны: около 35 протоиереев, 650 священников, 210 диаконов и 685 псаломщиков. Всего – около 1600 чел.

Таким образом, доля убитых в охваченных анкетированием причтах составляет: среди протоиереев – 6%, среди священников – 5%, среди диаконов – 1,5–2%, среди псаломщиков – 0,7%. Как видим, убийства духовных лиц в данных регионах в соответствующие периоды, невозможно назвать ни массовыми, ни тем более поголовными. Очевидно, их нельзя квалифицировать и как «геноцид духовенства». Подавляющее большинство (более 97%) представителей приходского духовенства в опрошенных причтах выжило.

Можно ли выведенные «проценты» распространить на всю Россию? Едва ли. Исследователи, прибегающие к такому методу, упускают из виду, что продолжительность и жесточенность гражданского противостояния в разных частях страны была очень разной. Если южные области (прежде всего Дон, Кубань, Украина), а также Поволжье, Урал и Сибирь стали ареной затяжных боевых действий и череды стихийных локальных восстаний, местами многократного прохождения фронта туда-обратно через одну территорию, то в ряде центральных губерний (Владимирская, Калужская, Нижегородская, Рязанская, Тверская и др.) политическая ситуация с конца 1917 – начала 1918 г. в целом была относительно стабильной. Даже в самые тяжелые для большевиков времена под их контролем находились территории, на которых проживало свыше

60 млн чел. [9, с.597] – это 40% населения страны²⁴. В этих относительно спокойных регионах (и, полагаем, в среднем по стране) процент погибших служителей Церкви должен быть *меньше*, чем в районах активных боевых действий – таких как Донская область, Екатеринославская губерния и Кубанская епархия²⁵. Однако для уверенных выводов нужны дополнительные исследования.

7. В «церковных» делах были выявлены 6 мартирологов по 5 регионам. Они представляют ограниченный интерес ввиду обычной неполноты и недостоверности подобных списков. И все же обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этих мартирологах среди погибших представителей *приходского духовенства* наблюдается явное преобладание священников и протоиереев (около 84%), за ними с большим отрывом идут псаломщики (около 9%) и диаконы (около 7%).

Казалось бы, такой «перекос» можно объяснить различным общественным весом жертв: чем выше положение погибшего в церковной иерархии и чем плотнее он взаимодействует с прихожанами, тем больше производимый его убийством психологический и церковно-административный «эффект», а значит, выше вероятность попасть в тот или иной список мучеников. Однако исследование опросных листов показало, что распределение включенных в мартирологи жертв по санам и видам церковного служения довольно точно отражает реальную «избирательность» террора: в опросных листах погибшие священники и протоиереи составляют 83–86%, псаломщики – 9–10%, диаконы – 7–10%.

Подводя общий итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что представленное исследование ставило перед собою конкретную и весьма ограниченную задачу: выяснить, соответствуют ли встречающиеся в литературе цифры той информации, которая *содержится в «церковных» делах Комиссии?* Изученные данные позволяют дать отрицательный ответ на поставленный вопрос. Вместе с тем вне пределов нашего внимания пока осталась значительная часть материалов, а именно – «нецерковные» дела Комиссии, в которых, вероятно, также могут содержаться сведения о пострадавших от красного террора представителях духовенства. Изучение этого массива документов еще впереди.

²⁴ По подсчетам демографов, осенью 1917 г. в границах СССР образца 1926 г. проживало 147644,3 тыс. чел. См.: [28, с.94].

²⁵ Этот вывод подтверждается в исследовании «интенсивности» антицерковного террора в период гражданской войны (1918–1921 гг.) в зависимости от географической зоны [42].

Библиографический список

1. ГАРФ. Ф.Р-470. Оп. 1.
2. ГАРФ. Ф.Р-470. Оп. 2.
3. [Без автора]. Кровавая статистика // Общее дело (Париж). 1921. 28 ноября (№498). С. 1.
4. Алиев И.И. Этнические репрессии. М.: РадиСофт, 2008. 471 с.
5. Бардилова Ю.П. Государственно-церковные отношения на Кольском Севере в первой трети XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Мурманск, 2000. 198 с.
6. Бирюкова Ю.А. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2017. Вып.79. С.55–67.
7. Бирюкова Ю.А., Княшко Н.В. Административно-территориальная реформа южных епархий России в период Гражданской войны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып.85. С. 73–88.
8. Бирюкова Ю.А. Православное духовенство в условиях «красного террора» на Юге России в период Гражданской войны 1918–1919 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2019. Вып.87. С. 40–50.
9. Большая российская энциклопедия. Т.7. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2007. 767 с.
10. Георгий (Митрофанов), свящ. Церковный геноцид в большевистской России: его истоки и их христианское осмысление // Богословие после Освенцима и ГУЛага и отношение к евреям и иудаизму в Православной Церкви большевистской России. Материалы международной научной конференции 26–29 января 1997 г. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997. С. 114–126.
11. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т.5: Деяния Собора с 1-го по 36-е. Отв. ред. священник А.Колчерин, А.И.Мраморнов. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2016. 938 с.
12. Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918–20 гг. и интервенция. [Очерки и материалы]. М.: Безбожник, 1930. 148 с.
13. Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в условиях новой экономической политики (1921–1927 годы). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Волгоград, 1991. 493 с.
14. Княшко Н.В. Епархиальная власть на Кубани и Черноморье в условиях Гражданской войны (1918–1920 гг.) // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 22–25 июня 2016 г. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. С.448–455.

15. Кияшко Н.В. Красный террор в годы Гражданской войны на Кубани: новые документы и материалы // Наследие веков. 2018. №2 (14). С.28–35.
16. Конституционное право: университетский курс: учебник. Под ред. А.И.Казанника, А.Н.Костюкова. Т.1. М.: Проспект, 2015. 432 с.
17. Королев С.И. Мужество познавать правду. Беседу вел И.Дьяков // Молодая гвардия (Москва). 1989. №6. С.176–194.
18. Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917–1941 гг.). Волгоград: Перемена, 1993. 100 с.
19. Красная патриархия. Волки в овечьей шкуре. М.: Богородичный центр, 1993. 272 с.
20. Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии. Вводная статья, публикация документов и комментарии Ю.Г.Фельштинского и Г.И.Чернявского // Вопросы истории. 2001. №7. С.3–34.
21. Крестный путь Церкви в России. 1917–1987. Frankfurt am Main: Посев, 1988. 28 с.
22. Крывелев И.А. Русская Православная Церковь в первой четверти XX века. М.: Знание, 1982. 64 с.
23. Лапицкий М.И. Очерк VII. Христианство в XX веке (социальный аспект) // Век XX – анфас и в профиль: размышления о столетии, ставшем историей. М.: Новый Век, 2001. С.306–348.
24. Леонов С.В. Антицерковный террор в период Октябрьской революции сквозь призму историографии // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2014. Вып.2(57). С.38–55.
25. Леонов С.В. Начало антицерковного террора в период Октябрьской революции // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып.6 (73). С.69–90.
26. Мельгунов С.П. «Красный террор» в России. 1918–1923. Берлин: Ватага, 1924. 208 с.
27. Милюков П. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т.1: Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж: [Б.и.], 1927. 402 с.
28. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т.1 (1900–1939). М.: РОССПЭН, 2000. 459 с.
29. Небавский А.А., иерей. Репрессии против духовенства в годы Гражданской войны // «Гром победы, раздавайся!». Материалы XI Международных дворянских чтений. Краснодар, 2015. С.213–224.
30. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг.: Синодальная Типография, 1917. Приложения: Ведомости за 1915 год. 145 с.
31. Олещук Ф. Борьба церкви против народа. [М.:] Госполитиздат, 1939. 140 с.
32. Персиц М.М. Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в СССР (1917–1919 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 200 с.
33. Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции 1917–1923 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1968. 192 с.

34. Поспеловский Д. Тоталитаризм и вероисповедание. М.: Библейско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2003. 655 с.
35. Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т.XVIII. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. 752 с.
36. Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т.XLV. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2017. 752 с.
37. Путеводитель. Том 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2004. 798 с.
38. Собрание определений и постановлений. Вып.3. Приложение к «Деяниям [Священного Собора Православной Российской Церкви]» второе. М.: Издание Соборного Совета, 1918. 72 с.
39. Соколов Б. Наркомы террора. Они творили историю кровью. М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. 510 с.
40. Солоухин В. Почему я не подписался под тем письмом // Вече (независимый русский альманах). 1988. Вып.32. Munchen: Российское Национальное Объединение в ФРГ. С.165–175.
41. Тюрин Ю.П. Копье и крест. М.: Патриот, 1992. 206 с.
42. Хмуркин Г.Г. К вопросу о числе репрессированных «за веру»: анализ концепции Н.Е.Емельянова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2020. №6. С.27–39.
43. Хмуркин Г.Г. Реальное число жертв изъятия церковных ценностей в 1922–1923 гг. // Вопросы истории. 2018. №10. С.40–51.
44. Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков // Белое Дело. 2-й съезд представителей печатных и электронных изданий. Резолюция и материалы научной конференции «Белое дело в гражданской войне в России, 1917–1922 гг.» Отв. ред. и сост. В.Ж.Цветков. М.: [Посев], 2005. С.143–146.
45. Шипунов Ф.Я. Истина Великой России. М., 1992. 352 с.

Олег Волобуев

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**АЛУПКА.
УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ.
1954–1959***

УДК

929

Эта часть воспоминаний – пятилетие накопления опыта преподавательской деятельности в общеобразовательных учебных заведениях разного типа: семилетней школе при санаторном детском доме, городской семилетней школе, вечерней школе рабочей молодежи. Профессиональное становление учителя истории излагается в связи с жизнью молодого человека в хрущевское время: повседневным бытом, эпизодами нравственного выбора, политическими событиями в стране (XX съезд КПСС и др.). В очерке характеризуются товарищи, приятели и друзья автора, его родственники (Е.Королевский и др.), крымские писатели и поэты (А.Никаноркин, С.Славич, С.Супоницкий). Упоминаются и ученики школы рабочей молодежи из противотуберкулезного дома-интерната для участников войны, а также из числа «людей с причудливыми судьбами».

This part of the memories is a five-year accumulation of teaching experience in general educational institutions of various types: a seven-year school at a sanatorium orphanage, a city seven-year school, an evening school for working youth. The professional formation of a history teacher is described in connection with the life of a young man in the Khrushchev era: everyday life, episodes of moral choice, political events in the country (the Twentieth Congress of the CPSU, etc.). The essay characterizes the comrades and friends of the author, his comrades and friends (E. Korolevsky et al.), Crimean writers and poets (A. Nikanorkin, S. Slavich, S. Suponitsky). Students of the school of working youth from an anti-tuberculosis boarding house for war veterans and from among "people with bizarre fates" are also mentioned.

Ключевые слова: учитель истории; профессиональное становление; семилетняя школа; вечерняя школа рабочей молодежи; товарищи и друзья; литературные знакомства.

Key words: history teacher; professional formation; seven-year school; evening school of working youth; comrades and friends; literary acquaintances.

E-mail: volobuevov@yandex.ru

*Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2021. №2; 5–6; 2022. №2; 3.

Первый год учительства

С дипломом по специальности «учитель истории средней школы» и направлением в распоряжение Ялтинского городского отдела народного

образования (гороно) я вернулся в родной город. В гороно заявили, что мне предстоит преподавать в Кореизской¹ школе рабочей молодежи и что вплоть до конца августа я могу быть свободным. Я решил, что два с лишним месяца я как-нибудь проживу: «Бежала коза через мосточек, ухватила кленовый листочек». В общем как в сказке «Коза-дереза», только можно заменить кленовый листочек на хлеба кусочек. А хлеб да вода – вот и наша еда, как говаривали в старину.

Значительную часть времени я проводил на массандровском пляже. Здесь, на ялтинской гальке, завязывались знакомства, складывались разновозрастные компании, часто по интересам (к преферансу, «к девочкам» и т. д.). Так сложилась небольшая группа из студентов и вузовских выпускников того года. Состав ее был подвижен: кто-то убывал, кто-то прибывал. Это была более узкая группировка в составе пляжных знакомств «пришел–приклеился–ушел». Из симферопольцев в нее, в частности, входили: выпускница нашего пединститута Людмила Меерсон, получившая направление на работу учителем русского языка и литературы в Алушту, Наум Калинкович, будущий врач-уролог, а также я и днепропетровец Илья, учившийся в техническом вузе.

Илья был интеллектуально одаренным парнем. Мы вдвоем, спасаясь от солнцепека, порой откалывались от компании и уходили в Массандровский парк. Как-то, когда мы на входе в парк стояли под кедром, Илья меня спросил, задумывался ли я над тем, как похожа нынешняя международная обстановка на послеверсальское устройство Европы. И он изложил мне свои представления по этому вопросу. Честно говоря, такое сравнение мне в голову тогда не приходило. Это в дальнейшем я часто прибегаю к сравнительно-историческим ассоциациям. Подобные случайные вопросы ценны тем, что наталкивают на нестандартный поворот мысли. А нестандартных мыслей в головах студентов в вузе побавлялись.

На пляже я познакомился с «московской штучкой», блестящим интеллектуалом Вилем (Вильямом) Азаром. Он часто уходил с пляжа в компании ленинградских балерин из расположенного рядом дома отдыха ВТО (Всероссийского театрального общества). Похоже, он и приходил

---

¹Кореиз – поселок городского типа, расположенный вдоль шоссе Ялта–Севастополь и соседствующий с Алупкой.

на массандровский пляж для встречи с ними. Азар на год раньше нас окончил экономический факультет МГУ (не знаю, престижный или не престижный в то время факультет). С ним всегда было интересно общаться по самому широкому кругу вопросов. Виль увлекался театром, писал рецензии на театральные постановки, был, как и я, книголюбом. Это пляжное знакомство породило взаимную симпатию, знакомство я ценил и продолжил.

В середине августа узнал в гороно, что обстоятельства изменились, и мне предстоит работать не в Кореизе, а в Алушке. Я был назначен преподавателем истории и географии в семилетнюю школу при Алушкинском санаторном детском доме. Одновременно по совместительству также преподавателем истории в обычной Алушкинской семилетней школе.

Алушкинский санаторный детский дом был расположен в имении известного военного министра времени Александра II, одного из выдающихся представителей эпохи Великих реформ, генерал-фельдмаршала графа Д.А.Милютина.

Имение графа Д.А.Милютина в Алушке-Саре/Симеизе. Фотография Ф.Орлова начала XX в. В 1950 г. в здании размещался Алушкинский санаторный детский дом

На даче Дмитрий Алексеевич Милютин вместе с супругой Натальей Михайловной поселился после отставки в 1881 г. и прожил здесь до сво-

ей смерти в 1912 г. Согласно завещанию, дом был передан Обществу Красного Креста и предназначался для больных военнослужащих [5].

Дом в готическом стиле был сооружен (1873–1876) по проекту архитектора П. Голикова. Башня разделяла двухэтажный особняк на две части: главную и служебную. В этом доме Милютин писал свои воспоминания и дневники, которые он вел с 1816 по 1899 год. В настоящее время дом относится к категории памятников регионального историко-культурного значения (постановление Совмина Республики Крым №627 от 20.12.2016), что несколько странно, учитывая роль Д. А. Милютина в истории России. В настоящее время дом нуждается в реставрации. В Алупке у пенсионера Сергея Власова есть домашний музей, на его стенах портреты Дмитрия Милютина.

Школа при санаторном детском доме стояла на отшибе, но недалеко от дачи, в здании старой тоже постройки. Территория была обнесена деревянным забором. Внутри был сборный домик финского производства, в котором жили завуч школы и врач детского санатория. Некоторое время в сентябре я ночевал на бильярдном столе в гостиной, пока меня не приютил завуч Василий Иванович. Его перевели из Евпатории, где остались жена и маленькая дочка. Жил он один, а комната была просторная. Вот он и пригласил меня в сотоварищи. Жить на два дома он согласился, так как по возрасту должен был выходить на пенсию, а более высокая зарплата сулила и более значительную пенсию. Василий Иванович был опытным завучем, он никогда не повышал голоса на воспитанников, не угрожал, но магнетически действовал на провинившихся.

Та часть Алупки, где находился санаторный детский дом, была западной окраиной города (этот статус был ему присвоен в 1938 г.) и называлась Алупка-Сара. Ее земли граничили с территорией, принадлежащей Симеизу. И в дореволюционное время считалось, что дача Милютиных находится в Симеизе. На том же административном пограничье ближе к морю был построен и детский санаторий для болеющих костным туберкулезом (имени А. Боброва). Землю под аренду на его строительство за символическую плату выделили из своих имений наследники графа М. С. Воронцова и семья графа Д. А. Милютина. «Уведена» та земля у санатория была уже в наше время украинскими «демократами» и только под давлением общественности возвращена детям-инвалидам.

Топоним Алупка средневекового греческого происхождения (Алубика). Встречающееся в путеводителях объяснение от «алепу» – в переводе «лисица» очень сомнительное, но вот топоним «Сара», вторая его составляющая – скорее всего от тюркского «желтый» («сары»). Возможно,

что происхождение названия связано с тем, что значительную часть года взгорья над этой частью Алупки желтеют от сухотравья. Не удержусь и польщу Алупке-Сары: известный филолог А.И.Шахматов утверждал, что в тюркских языках желтый цвет понимается как прекрасный. И этот уголок южного берега Крыма вполне достоин такого толкования.

Первое письменное упоминание об Алупке относится к 960 г., а своим возвышением она обязана графу М.С.Воронцову, замечательный дворец которого является ее главной достопримечательностью. Немало в путеводителях и Интернете можно найти иллюстраций и описаний также других оригинальных зданий времен Российской империи, но дворец с парком великого администратора Юга России, генерал-губернатора Новороссийского края (1823–1844) и генерал-фельдмаршала времени Александра I, не имеет себе равных.

Нигде в литературе, телепродукции, Интернете не встречал, чтобы кто-нибудь обратил внимание на то, что Алупка – место, связанное с именами двух генерал-фельдмаршалов Российской империи.

Но вернусь к своей автобиографии. Мне предстояло работать в семилетних школах с весьма сложным контингентом учащихся. Дело в том, что в расположенной в центре Алупки семилетней школе наряду с детьми горожан были и детдомовцы, только на этот раз – из Мисхора. Оттуда они приезжали на рейсовом автобусе по Нижнему ялтинскому шоссе. И это для них было удобнее, чем по взгорью ходить в кореизскую школу.

В плане контактов со школьниками я не чувствовал себя уверенно. В общении с людьми более старшего возраста мне было куда легче, что и показала моя дальнейшая деятельность. Пединститут не давал достаточной практической подготовки, а педагогическая практика (для того, чтобы все же чему-то обучиться), была слишком короткой. Мастерство, любое мастерство требует опыта и навыков, а начинающий педагог нуждается в психологическом тренинге. Больше всего выигрывают в начале педагогической деятельности те, кто вырос в больших семьях, дворовом или разновозрастном, ориентированном на интерес коллективе.

Короче говоря, начинающему специалисту везет тогда, когда у него есть наставник. Это везение важно не только для начинающего специалиста, но и для еще не сформировавшегося окончательно в личность молодого человека. У меня с наставниками было всегда не очень хорошо. Это не значит, что мне не помогали, но эпизодическая помощь и наставничество вещи разные. Имам Шамиль говорил: у каждого должен

быть учитель, а у кого его нет, у того учителем будет шайтан. Шамиль понимал, в чем дело, куда глубже и шире, чем его понимают у нас в нынешнее время.

Загляните в Интернет, где наставничество прежде всего трактуется в узкопрофессиональном ключе как помощь в предпринимательском, технологическом и карьерном стартапах. Гораздо ближе мне и глубже трактовки термина «сэнсэй» в японской цивилизации. Это не тренер, и не только учитель – это, прежде всего, человек, указывающий путь и ведущий по нему к цели жизни. Он связывает воедино воспитание, профессиональную деятельность и личную жизнь. Он через профессиональную деятельность и воспитание вычерчивает картину мира. Он развивает призвание и способности, преданность долгу и следование духовным идеалам. Как не каждый может быть сэнсэем, так и не каждый может быть его учеником. Сэнсэй выбирает ученика, ученик выбирает сэнсэя. Гоголь считал своим наставником Пушкина.

В первый преподавательский год у меня суммарно по двум школам было больше 30 уроков в неделю, т.е. по 5–6 рабочих часов при недельной норме 18 часов. И я очень устал, т.к. к урокам еще надо было готовиться. Обязательно нужно прочесть к каждому предстоящему уроку параграф учебника и продумать композицию урока. Но желательно урок еще дополнить интересными для учеников фактами. Помимо того, что отложилось в моей голове, я черпал дополнительный материал из так называемых книг для чтения по истории Древнего мира и Средних веков. Располагал я также и другими пособиями для учителей истории, которые выходили в издательстве «Просвещение». Хотелось бы, чтобы каждый начинающий учитель имел свою методическую библиотечку, которая очень ему поможет в профессиональном росте.

Как-то ко мне обратился коллега, тоже учитель истории и географии, работавший в другой алупкинской школе, Арон Абрамович Розовский с просьбой побывать на моем уроке. Урок, который он посетил, был посвящен западным славянам в IX–XI веках и оценен опытным учителем Розовском положительно. Он даже отметил, что не знал раньше о том, что отдельные города Восточной Германии (Любек, Лейпциг, Росток и даже предположительно Берлин) сохранили в своих названиях следы славянского происхождения. Проблемы содержательности уроков по истории для меня не существовало.

Но одолевали меня, как учителя, другие проблемы. Первой из них была дисциплина. Я не обладал опытом и навыками организации учеб-

ной деятельности класса. Большинство учеников обычно слушали мое изложение нового материала, но часто находились ученики, которые не могли уgomониться, а я не мог их ввести в учебную колею. Одним из моих недостатков было неумение делать замечания. Они должны быть (с опытом это придет) нестандартными, а не просто «прекратите разговаривать», «сколько можно шептаться», «не мешайте мне объяснять» и тому подобными штампами. Класс к концу урока, бывало, разбалтывался, и завуч школы появлялась в дверях и начинала наводить порядок. Делала она это по установке «управление криком». Класс затихал, учащиеся ее, видимо, побаивались. Не помню, чтобы мои уроки посещала директор школы Анна Семеновна Винник. Это была молодая незамужняя женщина, которая жила в школе, так как своей квартиры не имела. С ней у меня сложились добрые деловые отношения. Вторым моим упущением было неумение устанавливать контакты с отдельными учениками. Для меня позже стал примером опытный московский учитель Озерский, руководивший педагогической практикой студентов, который, уже войдя в школьный двор, не упускал случая сказать доброе слово встречавшимся ученикам.

Самыми трудными для меня были учащиеся 6-х классов, подростки 13–14 лет, особенно девочки. На этом начальном этапе тинейджерского возраста многие из них уже не ощущали себя детьми, им хотелось досрочно казаться взрослыми. В 7-х, выпускных тогда классах, ученики уже начинали задумываться над своей будущей судьбой. У них было три пути: оставаться школьниками, поступить в одно из специальных учебных заведений (ремесленные училища, техникумы), пристроиться к какой-либо работе. А в 5-х классах ученики (с ними было легче) адаптировались к новой обстановке после начальной школы. Да и учебный курс по истории Древнего мира привлекал своей новизной. В нем было мало политики и много не похожей на современность бытовой обыденности.

За год работы я немного приоделся и приобулся, а получив отпускные, купил первый в жизни костюм. В этом костюме я поехал навещать моего сокурсника Костю Когонашвили в степное село недалеко от Симферополя, где он директорствовал после окончания пединститута. На обратном пути, выбираясь к шоссе, решил сократить путь и пошел полями. В результате брюки оказались в желтой цветочной пыльце. Их по неопытности я решил отстирать, и брюки покрылись расплывчатыми желтыми пятнами. Химчисток тогда еще не было, пятновыводителей тоже. Так я испортил свой первый купленный в магазине костюм. Еще

я приобрел летние туфли серебристого цвета из кожи грубой выделки. И не лишенный юмора гармонист детского дома приклеил мне прозвище «серебряные туфельки». Короче говоря, я опытным путем понял, что даже носильные вещи любят тех, кто их любит.

Я невероятно устал к концу первого учебного от работы в двух семилетних школах, расположенных в разных частях Алупки. К тому же внутригородского транспорта в ту пору не было, от санаторного детского дома я проходил пешком довольно значительное расстояние до находящейся в центре Алупки другой семилетки. Но устало не мое тело, истощилась моя нервная система. Не случайно я в свой отпуск отправился теплоходом в Сочи. Кавказ величественен в отличие от миниатюрного Крыма. Он подавляет своей буйной природой. На сочинском побережье я немного отошел и восстановил себя для нового учебного года. Временная смена обстановки всегда полезна.

После первого года учительства мне повезло. Преподаватель Алупкинской школы рабочей молодежи с запоминающейся фамилией Печерица предложил в обмен на свое место уступить ему санаторный детдом, и я, не раздумывая долго, дал согласие. Печерице предстояло, видимо, выходить на пенсию, а в детском доме зарплата была выше. Для меня же деньги никогда не были самоцелью.

Школа рабочей молодежи

на каждом новом местообиталище чувствовал себя временным постояльцем.

Школа была расположена на угловой врезке дороги, ведущей из Алупки в Симсиз (т. н. Нижнее шоссе), и дороги, соединявшей Нижнее шоссе с Верхним (так именовали шоссе Севастополь–Ялта). В плане это было двухэтажное здание в виде буквы «Г». Вдоль второго этажа тянулся открытый балкон, на который выходили двери комнат-классов. Строение имело маленький дворик и заслонялось от улицы кустами и деревьями. Оно почти не было видно с улицы. В моей комнате висит картина художника Я. А. Басова. Осенний пейзаж написан с натуры: изгиб дороги и за зданием почты виднеется утопающий в желтизне деревьев угол здания школы.

Но, конечно, как бы дороги ни были для меня впечатления о здании школы, самое дорогое – это воспоминания о моих учениках. Они были

Школа рабочей молодежи стала моим пристанищем на долгие шесть лет. Я ведь с той военной поры, когда вынужденно покинул Ялту,

очень разными по возрасту, по жизненному опыту, по уровню интеллектуального и нравственного развития. У меня сохранились групповые фотографии учащихся 7 и 10 классов. Если фотографии представить, поменяв классы 7 на 10, то можно не заметить подмены.

Среди весьма взрослых учащихся попадались и люди с очень причудливой судьбой. С некоторыми из них устанавливались товарищеские отношения. Назову здесь двоих. Юрий Лукин, который провел в лагерях 10 лет, так как в годы оккупации служил, зная немецкий язык, переводчиком в Ялтинской городской управе. Свою ошибку он объяснял материальными соображениями: надо было продержаться в голодные годы. Лукин был образованным и способным человеком, выросшим в интеллигентной семье. Приведу один факт: на государственном экзамене на аттестат зрелости Лукин первым среди десятиклассников сдал комиссии сочинение по русской литературе. При проверке оказалось, что в нем не было ни одной орфографической ошибки. Лукин, как и его отец, стал врачом. Окончив Крымский медицинский институт, он работал и пользовался уважением в Алупчинской городской больнице.

Выпускники 7-го класса Алупчинской вечерней школы рабочей молодежи. 1956 г. В первом ряду преподаватели: в центре группы завуч М.И.Тимофеев, рядом справа от него директор В.С.Ефремова, справа крайний в ряду учащийся В.Правосуд, слева крайний в ряду О.В.Волобуев

Ученики 8-го «а» класса Алупкинской школы рабочей молодежи выпуска 1957 г.

Другой колоритной фигурой был Ливитский. Его жена, Елена Александровна, преподавала русский язык и литературу в нашей школе. Он, окончив Ялтинскую школу юнг, куда я так и не поступил, получил направление в Дальневосточное пароходство. И в первый же год службы на судне попал на судебную скамью за кражу перевозимого «портвейна 777». Этот легендарный (прозвище «три топора») дешевый портвейн доставляли из Владивостока на Камчатку, и, так уж было принято, в многодневном пути спиртные напитки матросы подворовывали. Как правило, компаниями. В числе похищавших был и вчерашний юнга. Обычно, если убыток был незначителен, пропажу списывали. На исчезнувший товар (якобы разбитые бутылки) был норматив списания, но в данном случае норматив оказался значительно превышенным. За групповую кражу по уголовному кодексу полагался большой срок, поэтому соучастники уговорили парнишку взять вину на себя. Эта общая вина, став индивидуальной, обошлась ему в 7 лет заключения. Вернувшись из лагерей, Ливитский получил среднее образование и поступил на биологический факультет Киргизского государственного университета. В дальнейшем стал научным

сотрудником Азово-Черноморского НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии в Керчи.

Среди девушек упомяну медсестру Люсю, Людмилу Гурник. В дальнейшем она, выйдя замуж, стала москвичкой. Когда я перебрался в Москву, на длительные годы она стала преданным другом нашей семьи.

У меня, как говорится, «с ходу» установились хорошие отношения и с учащимися (что самое важное), и с учителями. В учительском коллективе я оказался единственным молодым человеком. Не могу не вспомнить с благодарностью завуча М.И. Тимофеева, доброжелательного и тактичного по отношению к ученикам. Коллектив трудился добросовестно, ответственно и с пониманием относился к работающим учащимся. И мне повезло, что я попал в такой учительский коллектив.

Особенностью нашей школы было наличие среди учащихся почти каждого класса одиноких участников войны, прошедших курс лечения от туберкулеза и получивших инвалидность. После перехода туберкулеза в так называемую закрытую (незаразную) форму они направлялись в специальный дом-интернат для инвалидов, находившийся в Алушке. Некоторые из них, проживая там, даже работали или подрабатывали. Кто-то потом смог создать семью и благополучно устроить свою жизнь. На групповых фотографиях их трудно отличить от молодых, а порой и не совсем молодых преподавателей. Все они учились усердно и были примерными учениками. Смотрю на фотографию 8 «а» класса, вижу лица В. Правосуда, В. Селиванова, П. Хорошилова, других обездоленных туберкулезом учащихся вечерней школы и думаю, как мужественно эти люди отстаивали свое право на полноценную жизнь.

Алушка и Симеиз в 1950 гг., в отличие от последующего времени, были тогда зоной противотуберкулезных санаториев. И в них работал основной наш ученический контингент. Особенно много санаториев располагалось, начиная от центра города, в его западной части, главным образом в Алушке-Саре. Это позже противотуберкулезные санатории были вытеснены из Алушки и Симеиза. Но отдельные, как санаторий им. Боброва (для лечения детей больных костным туберкулезом), остались. И еще думаю над тем, как много сделано было в советское время для избавления страны от туберкулеза. В частности, для излечения от этой болезни давали ряд льгот, например, можно было получить больничные листы сроком на 6 месяцев.

Приходилось мириться с тем, что не все учащиеся регулярно посещают уроки и часто являются на них неподготовленными. На этой почве у меня даже возник конфликт с одним из учеников, который постоянно путался в ответах на вопросы. Как-то ко мне подошли два милиционера

из числа наших учащихся и предупредили, что путаник, молодой парень в возрасте учеников обычной десятилетки, готовит мне нежелательный сюрприз – нападение с мордобоем. Причина: учитель якобы невзлюбил его и допек насмешками. Конечно, никаких «невзлюбил» не было, а вот насмехательство, точнее иронические подковырки, было. Благодаря доброжелательным милиционерам конфликт оказался исчерпанным. А я усвоил урок: нельзя злоупотреблять иронией по отношению к ученикам (ведь ученик и учитель находятся в неравном положении), что не исключает замечания и указания на ошибки в знаниях и в поведении.

В вечерней школе я продолжал совершенствовать свое профессиональное мастерство. В первый или второй год моей работы в школе рабочей молодежи (ШРМ) нагрянула комиссия из областного отдела народного образования. Двое проверяющих посетили мои уроки. Не обошлось без отдельных несущественных замечаний, но уроками начинающего учителя они остались довольны. Я действительно много старался, чтобы выбиться из подмастерьев в мастера. Становление учителя – дело сложное, оно требует накопления опыта и идет успешно, если этот опыт осмысливается и включает новации. Так, я обязательно стал приносить на уроки в старших классах хрестоматии с документальным материалом, зачитывал короткие выдержки из исторических источников и комментировал их. Но, бывало, попадал и впросак. Приведу один пример: на уроке о русско-японской войне 1904–1905 гг. меня спросили, где находится Портсмут, и я, не задумываясь, сказал – в Англии. Так, я спутал одноименные названия американского Портсмута и английского, а в истории нужна фактографическая точность. Если бы сообразил, то смог бы избежать ошибки: ведь мирный договор был подписан при посредничестве президента США Теодора Рузвельта, о чем я хорошо знал.

Когда прежний завуч М.И. Тимофеев был переведен в одну из школ Ялты, меня назначили завучем на освободившееся место. Так, в ноябре 1957 г., т.е. через три с лишком года педагогической работы, я стал скороспелым завучем школы. Работы в новой должности прибавилось, зарплата несколько повысилась, но ненамного. В школах рабочей молодежи ставки были ниже, чем в обычных школах, что, конечно, было несправедливо, как ныне несправедлива разница–разрыв в оплате учителя по административному делению страны. В СССР также была разница в зарплате городских и сельских учителей.

Три года, как минимум, я отвожу на профессиональное становление молодого учителя. Подводя итог моему профессиональному становлению, могу сказать, что к моменту назначения меня завучем, я уже ощутил себя

«учителем по складу ума», используя определение видного общественного деятеля начала XX века В.Д.Кузьмина-Караваева. Поясню, что вкладываю в это понятие: четкость изложения учебного материала; анализ причинно-следственных связей; доказательность оценок, заключений и выводов; раскрытие логики развития исторических событий, явлений и процессов. Большим достоинством является также яркость и образность учительского слова. Завершу абзац таким заключением: можно сказать, что за годы алупкинской жизни я врос в профессию преподавателя истории.

Личная жизнь

Личная жизнь молодого человека всегда отличается своим бурным ходом и обилием ошибок. Завершается становление Личности, идут профессиональные поиски и приобретение опыта общения с людьми, происходят знакомства с девушками. В общем, всего не перечислишь, но каждый знает, какова эта тайна – личная жизнь с ее переживаниями. В первую очередь, наступают активные поиски самого себя: что ты можешь, на что ты способен, каковы твои цели и пути к ним. Но в то же время – это не только рациональный выбор, но выбор эмоциональный и зачастую случайный при несовпадении устремлений и обстоятельств.

В личной жизни я бы выделил два аспекта: неустроенность и препятствия на пути к цели – поступлению в аспирантуру. К неустроенности я отношу отсутствие, как тогда говорили, своей жилплощади, или (как стали позже говорить) – квартиры.

Я уже писал, что нашел пристанище у завуча санаторного детского дома. Но через два года я вновь оказался без крыши над головой. Снять частную квартиру в Алупке было для меня дороговато, и я временно с разрешения директора школы устроился ночевать в комнатке, где учитель физики Ялышев размещал учебный инвентарь по своему предмету. Там я поставил кровать–раскладушку, которую утром складывал. Вещей у меня практически не было, мое имущество вмещалось в один чемодан. Вселение в подсобное школьное помещение вызвало конфликт с Ялышевым, в котором оказалась замешанной и давшая на это временное размещение директор школы.

Неустроенность и неудовлетворенность жизнью привели к тому, что я стал временами крепко выпивать, злоупотреблять спиртными напитками. Этому способствовала также моя работа по совместительству экскурсоводом в алупкинском отделении Ялтинского экскурсионного бюро. По окончании каждой экскурсии сопровождавший ее фотограф обычно

«ставил» экскурсоводу полтораста грамм водки за «услуги». Было важно, каким путем экскурсовод будет вести группу и где ее будет останавливать для комментирования исторических, архитектурных и природных достопримечательностей.

Увлечение алкоголем, добавками к ста пятидесяти граммам, обеспокоили возглавлявшую алупкинское экскурсионное отделение даму. Дама была заслуженным ветераном, общественной активисткой, и ей удалось ускорить получение для меня жилплощади. Так, в 1958 г. я стал обладателем маленькой комнаты в сборном финском домике. Остальные комнаты в нем занимала семья Ашкинази.

Вернусь к моей работе экскурсоводом. Экскурсии были двух вариантов: автобусные и на катерах ялтинского порта. Морские предусматривали обзор с борта катера побережья Южного берега Крыма. Большим успехом пользовались групповые поездки в Севастополь. Их любили, по-моему, все экскурсоводы. На обратном пути, а иногда и дважды (туда и обратно) останавливались на площадке перед Форосской церковью (храм Воскресения Христова) у так называемых Байдарских ворот. Отсюда, с перевала дорога вела через Байдарскую долину в Севастополь.

За время экскурсионной деятельности я обогатил свои краеведческие знания и, что еще значимее, получил визуальное представление о достопримечательностях Южного берега Крыма и Севастополя. Мне в будущем это, хотя и случайно, очень пригодилось. В 1979–1983 г. вышел в свет подготовленный по заказу издательства «Прогресс» мой путеводитель по Южному берегу Крыма для иностранных туристов. Он был переведен на английский [13], немецкий [14], французский [15], польский, чешский, венгерский, шведский и финский языки, переиздавался, а позже был издан также и на русском языке [3].

Осваивал я Южный берег не только в роли экскурсовода, но и в роли вольного туриста. Так, в 1958 г. вдвоем с крымским поэтом Анатолием Никаноркиным совершил пеший круиз по самой западной части этого побережья от мыса Айя до мыса Сарыч, его крайней южной географической точки. В то время сюда можно было проникнуть, лишь имея пропуск в пограничную зону. Это был малопосещаемый уголок южного берега Крыма с почти нетронутой туземной природой. После спуска от Севастопольского шоссе в Батилиман (Глубокий залив) путь лежал в урочище Ласпи, где находились пионерлагеря, в которых отдыхали севастопольские дети. С ними связан забавный эпизод: увидев двух мужчин с рюкзаками на плечах, пионеры заголосили: шпионы идут! Этот весьма характерный эпизод не попал в очерк А. Никаноркина, опублико-

ванный в альманахе «Крым», но весь наш путь им описан. И вот, наконец, мысы Сарыч и св.Николая, от которых до Турции всего 230 км. (самое узкое место Черного моря). А за ними дача А.М.Горького «Тессели», где я был намного позже, в год «Форосского заточения» М.С.Горбачева.

В пути, восторгаясь дикими пейзажами, мы обменивались своими впечатлениями. Автор названного очерка и партнер по путешествию запечатлел один такой разговор: «Мы идем, разговариваем. "Какой здесь курорт можно устроить! – говорит Олег Владимирович. – Хорошая дорога тянется до самого Фороса. Морской путь также можно использовать. Источников питьевой воды здесь много. Надо соорудить большой водосборник и проложить водопровод. Если же, предположим, не хватит своей воды, Черная речка недалеко. Здесь бы построить санаторий. Курортная целина!"» [7, с.107].

Ныне мои размышления того времени сбылись. Побережье от мыса Айя до мыса Сарыч из курортной целины стало курортной зоной. Один из ее гостиничных комплексов носит название «Бухта мечты». Но я этому не радуюсь. Сейчас я бы предпочел, чтобы эти места были природным заповедником. С возрастом и временем представления и оценки меняются.

Постепенно я обрастал и литературными знакомствами. В школе рабочей молодежи выявился профессиональный поэт Сталь Супоницкий, о котором я написал отдельный очерк в рубрике «Штрихи к портретам». В Алушке-Саре я, так сказать, по местожительству обрел близкого по интересам молодого поэта Геннадия Карасева. Он работал рентгентехником в санатории «Предгорном». Оказался он в Крыму по весьма распространенной причине – туберкулез. Иногда мы встречались у него дома. Жена его работала медсестрой в том же санатории. Но мы обычно встречались, когда она отсутствовала. Не знаю, то ли он стеснялся говорить при ней о поэзии (такое бывает) или присутствовали другие мотивы. Печатался Гена в «Курортной газете». Не скажу, что его стихи производили на меня сильное впечатление, но собеседником Гена был интересным. У нас появился даже совместный литературный сюжет сатирического детектива. Сюжет был разработан, и мы устно создавали «текст» его отдельных эпизодов. Причем в записи не было ни одной строки.

«Дружили» мы всего пару лет. Гена ушел от заботливой жены к какой-то ялтинской девице, они скитались без постоянного жилья, и у него обострился туберкулез. Умер Геннадий неожиданно, после перебора дозы снотворного, будучи на лечении в Институте медицинской климатологии и климатотерапии туберкулеза им. Сеченова, расположенного на улице моего детства – Поликуровской. Я узнал об этом от его супруги

(бывшей) не сразу и поэтому на похоронах не был. Она же предложила взять на память любую книгу из его личной библиотеки. Теперь на полке моего книжного шкафа можно увидеть дорогой для меня четырехтомный «Толковый словарь» В. Даля. Это память о несостоявшемся друге и несостоявшемся талантливом человеке.

С поэтом, членом Союза писателей СССР Анатолием Игнатъевичем Никаноркиным я ходил в поход от мыса Айя до селения Мшатка, о чем в этом очерке уже писал. Он, усатый, представительный и словоохотливый, был на два десятка лет старше меня, служил военврачом в годы Великой Отечественной, участвовал в печально знаменитом Керченском (Эльтигенском) морском десанте 1943 года. Его известность не выходила за пределы Крыма и Донбасса, но по-настоящему прославилась талантом его внука, трагическая поэтесса Ника Турбина. Бывал я и у него дома, в очень комфортабельной квартире рядом с ялтинским портом в конце Симферопольского шоссе, упирающегося в улицу имени американского президента Ф. Рузвельта. Из нее открывался панорамный обзор ялтинского порта.

Не могу не сказать, что столетие со дня его рождения было отмечено в 2021 г. в Крыму и Донецке (он был уроженцем г. Енакиево). В юбилейной статье Веры Коваленко «Жить, не старея» приведено четверостишие поэта, характеризующее личность Анатолия Никаноркина.

*Так я узнал цену терпению.
И если трудно мне подчас, –
Я вспомню ночи Эльтигена²,
Сильнее стану во сто раз.*

(Из стихотворения «Мужество») [6].

Но самым популярным в Ялте среди моих литературных знакомых был Станислав Кононович Славич (Славич-Приступа), тоже, как и Никаноркин, участник Великой Отечественной войны. Высокий, с развевающейся светловолосой гривой он походил, особенно фланируя по набережной, на молодого Максима Горького (в моем восприятии).

Как и Никаноркин, Славич был участником войны. В 16 лет добровольцем ушел на фронт, оказался в плену, бежал из немецкого лагеря,

---

² Керченско-Эльтигенская военная операция, участником и автором книги о которой был военврач Анатолий Никаноркин, охватывает время с 1 ноября по 11 декабря 1943 г. Посвященная героическому Эльтигенскому морскому десанту, первому шагу к освобождению Крыма, в 2015 г. была выпущена монета.

партизанил, потом попал в фильтрационный лагерь, откуда вышел с туберкулезом легких. Славич имел высокое реноме среди читающей интеллигенции, так как печатался в «Новом мире». Был даже такой термин «новомировец». Работал он и в издававшейся в Крыму «Курортной газете». Ближайшим его другом стал Виктор Некрасов.

Часто по вечерам Славич прогуливался по Набережной, и я, приезжая из Алупки в Ялту, бывало, там с ним и встречался. Вместе мы заходили в уютный погребок в припортовой части города, где выпивали по стаканчику массандровского вина, а вот вкуснейшие чебуреки ели в забегаловке, приютившейся чуть повыше дома, где жил Никаноркин. Станислав Кононович интересовался не только человеческой натурой, что столь важно для писателя, но и бытием в широком смысле этого слова. Как-то он меня спросил, знаком ли я со взглядами видного представителя философского космизма Н.С.Федорова и как отношусь к его теории Общего дела по преодолению смерти (воскрешение умерших и бессмертие живых). Я, хотя и знал кое-что о русском космизме, но глубоко в этот вопрос не вникал. Однако ответил, что отношусь положительно к самой возможности научных и религиозных поисков в этом направлении. Видимо, Славича, в отличие от меня, этот вопрос волновал, а мне хотелось просто уйти от него, не задевая чувств собеседника.

У Бориса Чичибабина есть стихотворение, посвященное Славичу:

*Живет себе в Ялте прозаик,
сутулый и рыжий на вид.
Ему бы про рыб да про чаек,
а он про беду норовит [12, с.258–260].*

Здесь схвачено стержневое в художественном творчестве: «про беду норовит». Об этом выбранная мной для этого мемуара книга Славича о военном времени. О нем, о том времени, и было сказано в повести «Нас много – ты и я»: «Нужно дарить друг другу хлеб или оружие». «Ты и я» – оба случайно встретившиеся люди, которых свела война, – шестнадцатилетний паренек Степан и безымянный Старик, совершивший побег из лагеря военнопленных, – пробираются по оккупированной немцами территории к партизанам. Впечатляет эпизод, когда паренек приволакивает на себе раненого и истощенного неизвестного человека в дом врача: «"Но кто это?" – спросил доктор. "Человек. Ему нужно помочь", – ответил Степан». Слово «человек» я бы в диалоге выделил курсивом, оно ключевое. У повести трагический финал: оба спутника, отстреливаясь

от немецких солдат, погибают. Неотделимость народной беды и индивидуального подвига – вот что превращает случайность в закономерность: «Нас много – ты и я» [10, с.22,192].

От этой книги у меня осталось ощущение того, что в нее вложено немало пережитого автором. Ведь для него война началась в год шестнадцатилетия, он был военнопленным и бежал из лагеря, видел жизнь на оккупированной территории, искал партизан. В книге есть что-то его личное в образах юноши и опытного пожилого мужчины, в их нравственных установках.

Разумеется, у меня были знакомства и не из литературного круга, а из производственного, пляжного и возрастного. Одним из близких знакомых был Евгений Герасименко, инженер, переквалифицировавшийся в учителя труда. Женя (Евгений) работал в новой общеобразовательной средней школе. Он был старше меня, не женат, отслужил в армии, имел производственный стаж по первой своей специальности. В дальнейшем перешел в нашу школу учителем черчения и математики.

С ним для меня связано два эпизода нравственного выбора. Евгений состоял в близких отношениях с учительницей истории ведущей городской школы Софьей Бабушкиной. После ее смерти (причина – нефрит) родители потребовали от Евгения Герасименко возвращения дорогого отреза на костюме, который она ему подарила, кажется, на день рождения. Дело дошло до суда. Женя попросил меня выступить на суде свидетелем, что я был очевидцем вручения ему этого подарка. Очевидцем я не был, но согласился (в нарушение закона) выполнить просьбу. Казалось бы, мелочь по большому счету, но она ставила передо мной нравственную дилемму: занять позицию «подарки не возвращаются» или отказаться быть свидетелем на суде. Другой случай связан с переходом Жени в нашу школу рабочей молодежи. Его стараниями в прежней школе был создан руками учеников богатый набор учебных пособий по геометрии и черчению разных геометрических форм: призмы, конусы, шары и др. И Женя попросил меня помочь ему «переправить» часть коллекции в нашу школу. Я несколько раз приходил к нему в школьную мастерскую и он загружал в мой чемоданчик самодельные учебные пособия. В голову мне не приходило, как это может выглядеть со стороны. Конечно же, разразился скандал (правда, без широкой огласки), все взятое было возвращено прежним хозяевам. Мне после этого инцидента неудобно стало общаться с очень уважаемым коллегой – директором «обкраденной» школы. В жизни бывает немало необдуманных поведенческих ошибок.

Женя был человеком практического склада и нередко помогал мне советами и делами. Так, с его помощью я перебрался из небольшой ком-

наты в финском домике в более просторную комнату в каменном здании, расположенном совсем рядом с нашей школой.

В школе же обрел я собеседницу по интересам, молодую преподавательницу русского языка и литературы Людмилу Биншток. Но это было уже в последние годы моей учительской деятельности. Жила она в Ялте, и я иногда поздно вечером, когда заканчивались занятия, провожал ее до автобусной остановки. Она обладала не только глубокими знаниями классической литературы, но была широко осведомлена и в литературе современной. Так, Людмила познакомила меня с ранним творчеством Василия Аксенова, я же подарил ей первую книгу стихов Андрея Вознесенского «Треугольная груша». Стихи мне были дороги своей необычностью и непохожестью. Как зачарованный повторял я строки: «Ты целуешь меня, Держава, твои губы в моей крови». И хотя расставаться с этим «стихотворным ожерельем» было жалко, я его подарил влюбленной в русскую литературу женщине. Подарил на память.

Завелись и новые пляжные знакомые. Так, мой старый знакомый Володя Кудинов (который в годы учебы в техникуме чуть было не подстрелил меня в Кастрополе) и я познакомились с двумя девушками с Южного Кавказа. Их любимым развлечением была игра в карты на пляже. Лена Вартапетова, ереванка, большая патриотка Армении, происходила из семьи ближневосточных репатриантов, вернувшихся на свою Родину после Второй мировой войны. Она гордилась своей фамилией: «пет» в ее фамилии, по словам Лены, означало принадлежность к священническому роду. В Интернете к этому толкованию больше всего подходит имя Вардапет (Вартапет) – ученый-монах, учитель, архимандрит. Лена подарила мне краткую «Историю армянского народа», которую я с интересом проштудировал. Начинал же я знакомство с армянской культурой, конечно, с литературы. С поэмы Ованеса Туманяна «Взятие Тымкаберда» в переводе Константина Симонова, который я предпочитаю переводу Павла Антокольского. Лена не расставалась с фотоаппаратом, и у меня сохранилось несколько фотоснимков, сделанных ею в Ялте. Короткий летний сезон окончился, мы расстались и больше никогда наши пути не пересекались, но интерес к армянской истории и культуре сохранился³. Полагаю, что у армянской традиционной культуры два корня: древневосточный (условно, вавилоно-урартийский) и византийско-христианский. Армянская цивилизация, как и еврейско-иудейская, пример самобытных этнолокальных цивилизаций.

---

³ Мне с детства присущ интерес к жизни и культуре разных народов. И это увлечение началось с научно-популярного иллюстрированного «Народоведения» Ф. Ратцеля [9].

На фоне ялтинского порта с морвокзалом крайняя слева Лена Вартапетова, справа (вполоборота) Олег Волобуев

Каждый летний отпуск я совершал познавательные поездки-путешествия. За время алупкинского житяя я побывал в Сочи (с окрестностями), Одессе, приазовском курорте Кирилловка, Мариуполе, Москве. В Сочи, Одессу, Мариуполь я совершал морские круизы.

Больше всего меня магнитующе притягивала Москва. Первый мой приезд в Москву произошел, если не изменяет память, летом 1956 г. И в первый же день приезда я встал перед проблемой, где устроиться на время пребывания в столице. Заявился я, получив адрес от тети Люси, к ее знакомой и знакомой моего отца Надежде Литвинович. Приезжая в Москву, отец останавливался у нее. Литвинович работала в Центральном детском театре, не помню, в каком качестве, по педагогической части. Мне было известно, что ее с моим отцом связывали дружеские отношения и что они переписывались. Придумал предлог: дескать, если эти

письма сохранились, то хотелось бы познакомиться с ними. Жила Литвинович в известном высотном доме на Котельнической набережной. Дом меня поразил не меньше, чем метро. Это были столичные чудеса. Приняла меня Литвинович гостеприимно. В общем, первую московскую ночь я в ее квартире перекаптался. О письмах отца она в разговорах тактично умолчала.

На следующий день я отправился разыскивать мою двоюродную сестру Нонну, которую знал по довоенным детским встречам в Ялте. Встречались с ней мы и на Санаторной у Волобуевых, и на Поликуровской у Королевских. И даже играли в шашки. Она была дочерью Веры Волобуевой, сестры моего отца. Мать Нонны погибла в годы войны. Отец был женат вторично. И в этом браке новая супруга воспитывала Нонну как свою дочь. По адресу, который мне дала тетя Оля, я непрошеным гостем явился в семью отца Нонны. Когда там представился братом Нонны, возникла вопрошающая пауза, но быстро все прояснилось. Нонна жила отдельно, была замужем, но пребывала в положении разведенки. Ее комнатка, узкая как пенал, представляла собой обычное в те времена коммунальное жилье с длинным многосемейным коридором. В ней я и приютился примерно дней на семь – десять, знакомясь с Москвой. Из них, чудак, дня два провел в общем зале Ленинской библиотеки. Удалось посетить Большой театр. Билет был куплен с рук нелегально, но в открытую торгующих билетами пацанов. Я даже вступил в громкий торг, чем удивил юного продавца, но тут вмешался старший по группе, который, взглянув на диковатого парня из неизвестно каких провинциальных джунглей, коротко приказал: «Продай!» Потом я, придя в себя от успеха, понял: старшой избегал скандала и милиции.

Почему я столько внимания уделяю вроде бы мелочам: у кого находил временный приют, как приобрел билет в Большой театр и тому подобное? Потому что эти мелочи – штрихи (люблю это слово), говорящие, по Маяковскому, «о времени и о себе». Смотрю и вижу себя в зеркале уплывшего времени: наивного и дерзкого, невоспитанного и бесцеремонного, пробивающего дорогу в неизвестное будущее. Бежать по зову сердца, сломя голову, удел молодости. Безголовая молодость – эмоционально лучшее состояние. Психолог Б.И. Додонов рассматривал феномен склонностей в трех основных формах: «приверженности к определенным предметным деятельности (интересы), приверженности к мечтам и приверженности к воспоминаниям» [4, с.207]. В свою очередь эмоции как ценности определяют индивидуальные склонности.

Следующие мои вояжи в Москву продолжались вплоть до поступления в аспирантуру. Каждый из вояжей вносил что-то в копилку опыта общения с московской жизнью. Один из них я провел в квартире у Виля Азара. Он жил холостяком в захлавленной комнате с книжными завалами, расположенной в центре столицы. В его библиотеке прекрасно была представлена поэзия Серебряного века. Впервые у него я, например, познакомился с поэзией Николая Гумилева. Азар водил меня по Москве и оказался в этом отношении очень заботливым попечителем. В частности, вместе с ним я утром, бывало, попадал в такие места, как кафе «Прага» в начале Арбата (на первом, в отличие от ресторана, этаже), и вечером – ресторан «Арагви». Виль много рассказывал мне о московском художественном бомонде. Он был, говоря нынешним языком, исключительно толерантным собеседником.

Из других моих поездок я кратко остановлюсь на Мариуполе. Летом 1958 г. я отправился в этот город, где в то время нашла приют бездомная тетя Люся. Там в начале 1930 гг. бабушка Еля вместе с тетей Люсей обосновались в доме ее брата Николаева после продажи своего дома в Бердянске и до переезда в Ялту. У тети Люси в Мариуполе был даже кратковременный роман с капитаном итальянского торгового судна, предложившего ей руку и сердце, но с условием переехать жить в Италию.

Когда судно, шедшее курсом Ялта–Мариуполь, пересекало Азовское море, среди пассажиров на палубе началось волнение, сопровождавшееся возгласами: «Спутник! Спутник! Смотрите!» Это был третий советский спутник Земли, запущенный в космос в мае 1958 г. Душа наполнялась трепетом и гордостью у каждого видевшего своими глазами в космической выси искусственный спутник земли – творение человеческого гения.

В Мариуполе меня встретили радушно. Гостеприимная по-русски семья родственников состояла из тети Маруси, ее дочери с мужем Дунаевским и их малолетним сыном Сашей. В Мариуполе я пробыл недолго. После Ялты индустриальный Мариуполь не произвел на меня сильного впечатления. И вновь Мариуполь, город, основанный крымскими греками, к которым ведет один из моих родовых корней, напомнил о себе в 2022 году. И, к сожалению, напомнил тягостно: гибелью, увечьями его жителей, разрушениями их домов. Самое обидное и непростимое: это безжалостное и варварское отношение киевской власти и украинской армии к жизни людей. И так уж сложилась логика мемуарного изложения, что следующая рубрика посвящена влиянию политики на человеческие судьбы.

Мариуполь/Жданов. Семья Николаевых-Дунаевских, родственников О.В.Волбуева по материнской линии. В центре маленький Саша Дунаевский – гордость матери и бабушки. 1961 год

Политика как фактор судьбы человека

Политика является динамичным условием нашей жизни и, соответственно, она, особенно в переходные периоды истории страны, влияет и часто определяет судьбу человека с ее поворотами и разворотами. Хрущевское время совпало с принципиальными переменами в судьбе нашей страны и в моей судьбе. Здесь я бы отметил несколько существенных моментов хрущевского периода. Первое – начало процесса десталинизации государства и общества. Второе – социально-экономические изменения в отношении сельского хозяйства и положения колхозного крестьянства. Третье – «жилищную революцию». Четвертое – дискретный переход⁴ во внешней политике от угрожающего конфликтного про-

⁴ Дискретным именуется процесс, изменяющийся между несколькими различными стабильными состояниями.

тивостояния двух военно-политических лагерей к провозглашенной при Хрущеве политике сосуществования разных социально-политических систем.

Для меня конкретно наиболее значимым стало разоблачение культа личности Сталина и раскрепощение гражданской личности и общества. Не случайно в ту пору я задумал так и не осуществленный трактат под названием «Личность и общество». Смерть Сталина и последующее за ней разоблачение террористической стороны сталинской политики по отношению к гражданам страны Советов, вероятно, спасло меня от лагерной судьбы. И для такого суждения есть достаточные основания, о чем далее пойдет речь.

Весной 1956 г. я стал кандидатом в члены КПСС. Это случилось вскоре после XX съезда КПСС. Эти два события были поворотным пунктом в моей биографии, и они тесно вплетены в единый житейский узел.

После XX съезда КПСС в первичных партийных организациях зачитывалось полусекретное письмо с текстом доклада Хрущева о культе личности Сталина. Почему я его назвал полусекретным? Да потому, что информация о его секретном содержании беспрерывно просачивалась в беспартийные массы. Слухи будоражили политически незрелые умы. Незрелые и в партийном смысле этого слова, и в смысле не привыкшего к нормальной политической аналитике состояния советского общества. И, конечно, правящие верхи (вплоть до горкомов, райкомов и парткомов) опасались – и не без причин – возможных последствий политической травмы «простых советских людей». Не удивительно, что доклад Н. С. Хрущева официально не публиковался 33 года, до марта 1989 г., что равно времени жизни Христа на Земле.

Я не буду здесь, хотя это было бы к месту, останавливаться на том, что думаю о десталинизации советского общества. Замечу только, что свое отношение к XX съезду я, в основном, изложил в написанной в соавторстве с Юрой Аксютиним книжечке «XX съезд КПСС: новации и догмы» [1]. Приведу только цитированное в ней высказывание 39-летнего тогда академика Н. Н. Моисеева: «Я и все мои сверстники и тем более молодежь, затаив дыхание, ждали и надеялись – вот-вот нас сейчас призвут, как призвали в 41-м. Но этого не случилось...» [Цит. по: 1, с. 222–223]. До призыва дело не дошло, но добровольцы, которые «ждали и надеялись», имелись, в их числе был и я. Как бы то ни было, СССР трансформировался: сбрасывая тоталитарную шкуру, страна вступала в период авторитарного правящего режима.

Когда я в дальнейшем приводил мотивацию моего вступления в КПСС, то мало кто верил в мои идеалистические аргументы. Не верили порой и люди, хорошо знавшие меня. Хотя стремление активно участвовать в созидании нового общества сыграло роль ведущего мотива. Думаю, что в назначении меня завучем школы, которое состоялось через 5 месяцев после того, как я стал кандидатом в члены КПСС, этот факт несомненно стал опережающим. Однако карьерный рост никогда меня не привлекал.

Не скрою, что был у меня еще один сугубо личный стимул, побуждавший весной 1956 г. не затягивать принятого решения. Случилось то, что принято называть «моментом истины». И главную роль в его наступлении сыграл мой тогдашний друг Гера. Я был начинающим учителем, он – начинающим врачом. Оба мы были ялтинцами, и оба в одни и те же годы учились в симферопольских вузах. Гера был меломаном, у него была роскошная коллекция музыкальных пластинок. Ему я обязан знакомству с творчеством Вертинского, который меня, можно сказать, очаровал. Мы вдвоем часто совершали променады по набережной и, как было тогда принято среди ялтинской молодежи, попутно заходили в фирменный магазин «Массандры», где можно было выпить стаканчик крымского вина. Нас сближало многое: душевные разговоры, общие мечты об аспирантуре, интерес к вопросам политической жизни нашей страны. Иногда я читал свои стихи, и Гера настойчиво добивался, чтобы я их ему или записал, или продиктовал.

И вот во время одной из наших прогулок по весенней Ялте Гера вдруг – не знаю, продуманно заранее или в мгновенном эмоциональном порыве – ошарашил неожиданным для меня «откровением». Он поведал, что, оказывается, в Ялтинском отделении КГБ закрыли «мое дело» и честно признался, что был как «осведомитель» приставлен ко мне. Признание бросило меня в дрожь, не знаю то ли от страха, то ли от того, что шло от человека, которому я доверял. Я ведь в ту пору свято верил, что друзья не предадут.

Как бы то ни было, я устроил Гере «допрос». По его словам, мне хотели «пришить» подготовку нелегального побега за границу через двух шведок-туристок, с которыми я якобы познакомился в Ялте. Самое фантастическое, что о побеге я никогда не думал, а шведки – это уже какая-то сверхэкзотика! Единственное, в чем я был грешен, так это в моей любви к Западу, которая была привита знакомством с западноевропейской литературой. У Акутогавы Рюноскэ в «Жизни идиота» есть такая многозначимая зарисовка: «Он, двадцатилетний, стоял на приставной лестнице европейского типа перед книжными полками и рассматривал

новые книги. Мопассан, Бодлер, Стриндберг, Ибсен, Шоу, Толстой...» [2, с.372]. И это все та литература, которая формировала и мою Личность, как и Личность великого японского писателя.

Гера заверил, с намеком, что всегда давал своему куратору благоприятные для меня отзывы. И в это я абсолютно верю. Подвергал я в разговоре сомнению другое: зачем я, молодой человек, не лезший в политику, был нужен КГБ. Гера стал приводить доводы. Он обратил мое внимание на то, что передавал куратору записи моих стихов (кстати, замечу – их было всего несколько, паршивеньких и вовсе не антисоветских). Убийственным аргументом оказался приведенный Герой факт, который он не мог знать.

В последний год студенчества ко мне в общежитие наведался молодой человек, представившийся сослуживцем моего друга Славы Татарского. По его словам, как и Слава, он был офицером в той же воинской части, дислоцировавшейся в ГДР. В Симферополе, будучи в отпуске, проездом нашел меня, чтобы передать привет от Славы. В общем, мы провели вдвоем вечер, и он пригласил зайти к нему в гостиницу, чтобы продолжить общение. Гостиница была расположена в начале улицы им. Карла Маркса, и меня очень удивило, что идти к нему в номер пришлось по длинному захламленному коридору, носящему следы незаконченного ремонта. Новый знакомец почувствовал мое недоумение и заверил, что договорился с гостиничным персоналом. Тогда я не придавал особого значения как этой мимолетной встрече, так и сопровождавшим ее обстоятельствам.

Разговор с Герой вернул меня к симферопольскому эпизоду. В нем было много странного, чего я тогда не замечал. Повышенный интерес ко мне, расспросы со стороны неожиданного гостя о симферопольских и ялтинских знакомых, наличие номера в свободной от постояльцев гостинице. По сведениям, полученным от Геры, сотрудники КГБ готовили дело об антисоветской группе, членами которой должны были стать и Татарский, и я. А сам незваный гость представлял собой человека из армейского Особого отдела (за точность названия не ручаюсь).

Вспомнил я после разговора с Герой и одно более раннее предупреждение, исходившее от алупкинского учителя математики по фамилии Крымов. Он, как и я, жил в Алупке-Саре, и мы довольно часто встречались на улице, перекидываясь парой слов. Крымов водил дружбу с собутыльником – уполномоченным КГБ по Алупке и Симеизу. Как-то он, – это было до XX съезда КПСС, – предупредил меня, что уполномоченный поделился с ним «секретом»: якобы я причастен к какой-то молодежной террористической организации. И тут же перевел это в шутку.

После разоблачения Хрущевым культа личности Сталина распространился слух, что Крымов вовсе не Крымов, что у него в действительности другая фамилия и что он ее сменил после побега из-под следствия или из лагеря (уже не помню). Как потом рассказывал сам Крымов: в начале войны он, студент математического факультета Ростовского университета, был призван в армию и служил техником в авиационной части. Однажды в своем кругу, подвыпивши, «веселая» компания рассказывала анекдоты, в том числе политические. И, конечно, нашелся человек, который «слил» информацию об этом. Удача сопутствовала Крымову, он смог добыть документы с новой фамилией и после войны отправился преподавать математику в одну из школ Западной Украины.

Смена политической атмосферы в стране спасла меня от возможной «ответственности за политические ошибки».

Откровенный разговор с Герой потряс меня и имел последствия для нашей дружбы и моей поведенческой позиции. Я с юношеским максимализмом свел постепенно на нет отношения с несостоявшимся другом. В дальнейшем я не раз возвращался к случившемуся и с течением времени стал осознавать, что не во всем был прав. Гера, безусловно, может быть отнесен к категории заблудившихся людей. Сотрудничать с КГБ, как он объяснял мне, стал под угрозой заведения против него судебного дела об изнасиловании. Что такой факт имел место, Гера отрицал, но, скорее всего, подобное обвинение все же от кого-то исходило. Со временем Гера, которого я ныне считаю честным человеком, пристрастился к кодеину³. По моим сведениям, он в 1970-е годы покончил жизнь самоубийством. Гера был человеком ранимым и нуждающимся в поддержке. Последнего я тогда не понимал.

Со времени XX-го съезда никогда больше никаких «весточек» об интересе к моей особе со стороны органов безопасности я не получал, но уроки для себя извлек. Стал сдержанным в еретических высказываниях, старался не оставлять публичные и бумажные «следы» неосторожных оценок и суждений (в частности, не вел дневники вплоть до 2010 гг., о чем сейчас жалею, и т. д.). Но это не повлияло на критическое (будучи обоснованным) отношение к властным органам и персонам, словам и делам политических деятелей, идеологиям и идеологическим кампаниям. Хотя избегал говорить «не то» в присутствии лиц, к которым не было доверия. Эти откровения может быть не делают мне чести, но «из песни слово не выкинешь».

---

³ *Кодеин в таблетках, по существующему определению, квалифицируется как рецептурный аптечный психоактивный препарат.*

Штрихи к портретам.

Дядя Женя

Дядя Женя – Евгений Королевский был легендой в нашей семье.

Он эвакуировался из Крыма в составе войск генерала П. Врангеля

в 1920 г. От дяди Жени из Парижа, где он обосновался, бабушка Еля (его мать) и тетя Люся (его сестра) получали перед Второй мировой войной письма и посылки. Посылки были продуктовыми. Мне запомнилось сливочное масло в высокой жестяной банке. Я никогда не видел такой красивой упаковки не на конфетах, а на жестяной банке. Что тогда писал о себе дядя Женя, не знаю. Те письма не сохранились.

В семье Королевских рассказывали, что дядя, будучи студентом в Днепропетровске, по мобилизации попал в Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) и был захвачен в плен махновцами. Махновцы хотели его расстрелять, приняв за еврея (рыжеволосый, веснушчатый и носатый), но ему каким-то образом удалось убедить их в своей принадлежности к православной церкви. Возможно, помогло знание молитв и Евангелия, ведь дядя Женя вырос в очень набожной семье. Военнопленных заперли в сарае, но ночью они выбрались через крышу. Спасаясь от пленения, дядя Женя с товарищем два дня скрывались в камышах какого-то пруда. В случае опасности они ныряли на дно и дышали через полую камышину. Все это в семье узнали от дяди Жени, когда он смог попасть в свой бердянский дом. Пробыл в семье он недолго и вновь оказался в Белой армии. Из Болгарии дядя Женя, преодолевая европейские границы, сумел пробраться во Францию. Там он, наконец, и осел в Париже. Большим подспорьем в его успешной адаптации оказалось свободное владение французским языком. Константин Фомич, отец дяди Жени и мой дедушка, нанимал французенку, которая, живя в доме Королевских, обучала иностранному языку всех четверых детей.

После войны тетя Люся и дядя Женя смогли восстановить связь и начали снова обмениваться письмами. Благодаря переписке мы узнали, что дядя Женя работает в лаборатории какой-то парфюмерной фирмы и что ему удалось даже приобрести в собственность скромную квартиру. В годы Второй мировой войны дядя был настроен патриотически и антифашистски. Он чувствовал себя патриотом двух стран – своей Родины и приютившей его Франции. И после войны стал посещать советское посольство и принял гражданство СССР. Такова была политическая эволюция человека, воспитанного в религиозной и консервативной по политическим взглядам семье, служившего в Белой армии и вынужденного эмигрировать из охваченной гражданской войной России. С Францией

дядя Женя сжился, полюбил ее, ценил свою работу, приобрел друзей и товарищей. Была у него и подруга, женщина, о которой он обычно ничего не писал. Жил он с подругой раздельно, но ее девочку удочерил.

Снова из Парижа начали приходить посылки и открытки с изображениями разных достопримечательностей, которыми так богата Франция. От посылок мне достались два отрезка материи. Один был потрачен на непрочный костюм (явно ткань предназначалась для иных целей), другой – на нечто вроде рубашки, скроенной на манер курточки. Я был очень доволен, так как с одеждой тогда у меня было туго. В посылках приходил и набор почти бесполезных для меня галстуков.

У меня сохранились письма тети Люси от дяди Жени. Это письма с начала 1950 г. до начала 1962 г. Их содержание сводится преимущественно к текущим бытовым событиям, упоминаниям о близких и дальних родственниках и знакомых (в СССР, Франции, США), сообщениях о посылках, планах поездки в СССР.

Из писем можно узнать, что дядя Женя не раз бывал в советском консульстве, следил за событиями в нашей стране, очень по ней скучал и даже подумывал, не вернуться ли ему на Родину. Старался посещать разные мероприятия, связанные с Родиной. Сразу после полета Юрия Гагарина в космос он характеризует это событие как потрясающую сенсацию и важную веху в истории человечества. Большое впечатление на него произвел визит Н.С. Хрущева во Францию в мае 1960 г. Дядя Женя пишет: «Сейчас во Франции гостит Н.С. Хрущев. Встречают его толпы народа. Одни с бурным восторгом и энтузиазмом. Другие просто тепло и сердечно. Конечно, наряду с ними есть во Франции и недоброжелательные, враждебные элементы, которые веля и ведут агитацию против Сов[етского] Союза и за тесную дружбу с Германск[ой] Феде[ративной] Республикой. Все эти знания из газет. Я лично не ходил туда, где ожидали и было громадное скопление публики. Я пошел заранее, конечно, под вечер к особняку, в котором жил Хрущев в Париже и из которого он должен был проследовать на ужин в Елисейском дворце. Перед самым зданием была толпа, и я стал в метрах 300, у самого барьера. Н.С. выехал в 8 часов вечера в закрытом автомобиле, толпа устроила ему бурную овацию. Проезжая мимо того места, где я стоял, он сделал приветствовавшим знак, автомобиль шел медленно, так что я хорошо разглядел его лицо за тот момент, когда он выглянул в окно. Приветствуя публику, он в то же время о чем-то глубоко и сосредоточенно думал. На этом лице отпечаток благородный идеи мира в мире,

и оно оставило во мне неизгладимое впечатление». Если отстраниться от идеализации, то все равно нельзя не признать, что Никита Хрущев и Юрий Гагарин были олицетворением того периода истории нашей страны. И заметим, что времена меняются, и от восхищения русскими до русофобии в результате очередного историко-хронологического вывиха в переменчивом сознании испорченных политикой людей всего один шаг, одна смена веков.

Парижане встречают Н.С.Хрущева. Фотография из журнала "Life"

Интерес к жизни Советской страны был массовым и значительным. Об этом убедительно свидетельствуют впечатления от посещения советского павильона на торгово-промышленной выставке. В одном из писем дядя Женя рассказывает: «Вчера вечером, и это, конечно, не в первый раз, был на Советской выставке... Выставка была очень интересная, занимала большое пространство и отражала все стороны жизни советских народов. Были тут и модели спутников, вернее, верхние части их – капсулы, и различные машины, аппараты, станки, оптические приборы. Много публики всегда толпилось около моделей советских легковых машин, и переводчика забрасывали вопросами об их скоростях, цене, широте использования населением. Масса диаграмм о развитии образования, промышленности, строительства всякого рода. Фотогра-

фии. Многие посетители с любопытством останавливались перед чучелами волков, белых лисиц и других зверей. Масса макетов построек, заводов, плотин, макеты, зачастую сделанные учениками технических школ, – великолепная работа. Художественно сработанные вазы, тарелки, украшения, безделушки, книги, картины, материи, модели платьев на манекенах (были и живые манекены, демонстрировавшие перед публикой в определенные часы, но я их не видел), консервы, вина, папиросы, ну да всего не перечтешь. Публика самая разнообразная, внимательно слушающая через наушники объяснения действия аппаратов. Нередко во взглядах ловишь искры восхищения, иногда в лице встречаешь удивление. Хорошо работал и ресторан, где лучшие повара Москвы предлагали парижанам шашлыки, киевские котлеты, харчо и т. д. Тут же около выставки выступают архангельский и дагестанский хоры и танцоры, неделя советского синема...» Не будем комментировать моду, рестораны, успех артистов и танцоров, обратимся к другой стороне истории – к удивлению научно-техническими достижениям страны и ее мощи.

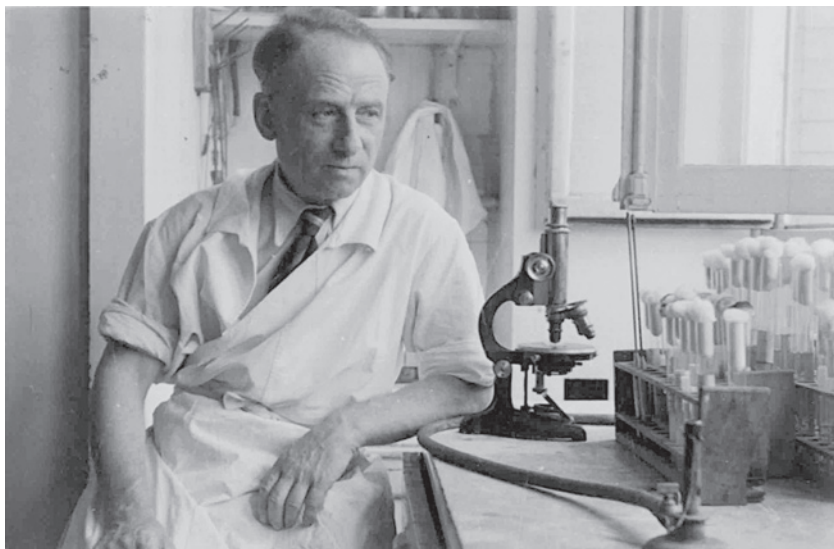
Вернемся к кругу родственных воспоминаний. О привязанности к родительской семье свидетельствует упоминание о семейном празднике Королевских в письме, датированном 18 мая 1959 г., незадолго до его первого после почти четырех эмигрантских десятилетий приезда на Родину: «Приближается 21 мая – наш большой семейный праздник. Как давно все это было и как все-таки живо витают в памяти эти дорогие семейные воспоминания». 21 мая по старому календарному стилю – День памяти равноапостольных Константина и Елены. И это день именин бабушки и дедушки. Праздник всегда старались отмечать бабушка Елена Львовна и тетя Люся. Вообще традиция семейного праздника (а он может быть связан с разными событиями) благородна и очень сплачивает родственных людей.

Какое-то представление о дяде Жене дает его письмо из лазурнобережного курортного Ментона, города, где проходят фестивали цитрусовых. «Вот я уже и в Ментоне, на берегу Средиземного моря, обрамленного горами, – пишет дядя Женя. – Лагерь на возвышении. С террасы, где стоит моя палатка, открывается прекрасная панорама. Горизонт закрывают довольно высокие горы (до 1300 м), перед ними горы пониже, покрытые лесами, из-за деревьев там и сям выглядывают разноцветные домики, старинный монастырь, внизу в долине город. На террасе кроме моей палатки еще другая, в ней компаньон моих прогулок – милейший профессор, который

преподает французский язык в школе для иностранцев. В этой школе я с ним и познакомился. Сам он русский – интересный человек, с ним не скучно, спортивный, старше меня на 5 лет. Вчера вечером приехал еще один профессор, но он любит комфорт и будет жить в гостинице. Новый профессор 28 лет своей жизни провел в Китае, интереснейший человек. Стал советским гражданином. Наш четвертый собеседник местный житель, сын русского, который был в Экспедиционном корпусе, сейчас на пенсии в Сов[етском] Союзе. Этот местный житель с русской фамилией родился во Франции, по-русски не говорит, но его все-таки тянет к русским (голос крови), бывший партизан, тоже интересный человек, вот наша послеобеденная компания и затянулась до 5 ч. веч[ера]». В гимназии, думаю, дядя входил в скаутскую организацию и на всю жизнь сохранил привычку к пешим походам «на природу». В гимназические годы были походы в окрестностях Бердянска, во Франции таковые приурочивались к отпускам. Все необходимое снаряжение, включая палатку, у него имелось.

Немало страниц в письмах посвящено планам поездок в Советский Союз. Явление дяди Жени в Ялте летом 1959 г. было из ряда неповторимых событий для тети Люси и для меня. Тетя Люся, которая тогда

Евгений Королевский в лаборатории, 1950 г.

Евгений Королевский. 1953 г.

жила у своих родственников в Мариуполе, приехала повидать на много лет оторванного от России любимого брата. Встреча состоялась в моей алушкинской комнатухе, куда дядя Женя прибыл из Ялты самостоятельно. Ни в симферопольском аэропорту, ни в Ялте его никто не встретил, встреча в ялтинской гостинице «Интурист» не состоялась, так как он меня не дождался, а я с ним разминулся.

Вдвоем с дядей Женей я провел только один вечер. Гуляли по набережной и другим центральным улицам. Порой я задавал не очень умные вопросы, проявляя свою дремучесть по отношению к жизни в капиталистических странах и даже по отношению к истории. Так, проходя мимо ресторанов, я спросил, в каких он бывает в Париже, на что получил ответ – «которые по карману». А вот по истории мне можно было поставить классическую двойку. Был задан вопрос, почему дядя Женя не остался в Крыму, а принял решение уйти с врангелевской армией. На него дядя отвечал деликатно. И только позже, когда я узнал и прочувствовал судьбу расстрелянных в Крыму белогвардейцев (для меня сейчас в этом определении нет негатива, наоборот, гвардия – это гор-

дое слово), я понял все тогдашнее свое невежество и всю деликатность, проявленную дядей Женей. Вот так бывает: встречаются люди, может быть, единожды и говорят не о самом важном в жизни. Но все же из того разговора запомнил я одну сентенцию. Речь шла об отношении к обману. Дядя Женя был уверен в том, что людям, в общем, надо доверять, даже если тебя не раз обманывали. И я стараюсь придерживаться этого принципа.

Пробыл дядя Женя в Ялте недолго. Несколько раз встречался с тетей Люсей, а также совершил запланированные Интуристом экскурсии. Вторично дядя Женя посетил нас летом 1961 г., когда я принял участие в туристической поездке в Москву с надеждой прозондировать возможность поступления в аспирантуру. На этот раз нам, к сожалению, увидеться не пришлось, дядю Женю встречали только тетя Люся и моя жена Людмила. Мне, кажется, он очень обрадовался внучатому племяннику, видя в нем единственного продолжателя рода Королевских (в узком смысле этого слова).

Ушел от нас в мир иной дядя Женя в 1962 г. Друг и сослуживец П. Колпаков рассказал о его смерти в письме к тете Люсе: «Дорогая Елизавета Константиновна. Только надеясь на Ваше религиозное мужество, на Вашу стойкость, думаю, что то, что Вы сейчас узнаете, перенесете, как переносит верующий человек. 24-го июня умер Евгений Константинов (так в письме. – *О.В.*). Это было совершенно неожиданно, 23-го в 6 часов вечера, когда уже все уходило домой, он почувствовал боль в области сердца, его привезли домой, а когда пришел доктор, то сразу его отправил в больницу, т.к. понял, что с сердцем плохо, и вот наутро, в 7 часов, он умер от разрыва сердца. Все были потрясены. Ведь его все так уважали, он был достойный человек. Дирекция занялась всем, и его друзья, которые живут около Парижа, они его похоронили в своем склепе. Похороны были чудные, в церкви было отпевание, были все, вся лаборатория, все директора и даже один директор так плакал. Ведь Евг. Кон. был такой, что за 35 лет его службы в лаборатории ни один человек не может и не мог сказать что-нибудь о нем плохого. Но ведь это воля Божия, и нужно ее принять. Будьте бодры, я молюсь о нем и буду помнить. Примите мое пожелание душевного спокойствия».

Я знаю дядю Женю больше по письмам, чем по мимолетным личным впечатлениям. Но знаю главное: он был, как и все в семье Королевских, очень благородным, честным, отзывчивым и светлым человеком.

Сталь Супоницкий

У меня в руках небольшая книжечка. В ней всего 56 страниц. Это первый и последний сборник стихов Сталя Супоницкого. Он был издан

в 1959 г., посмертно. Сталь Шевелевич умер от туберкулеза.

Умер поэт в возрасте 35 лет, из них 10 лет отобрано было у него лагерной жизнью. Из краткой биографической справки, которая дана в сборнике, можно узнать, что он родился в Киеве и окончил до войны 9 классов.

Познакомился я со Сталем Шевелевичем в 1956 г. при любопытных обстоятельствах. На уроке истории в 9 классе школы рабочей молодежи я проводил опрос (официально: проверка знаний учащихся) по классово-вой борьбе в царствование Петра Великого. И вдруг после ответа одного из учеников на вопрос о восстании Кондрата Булавина я вижу поднятую над столом руку. Спрашиваю взрослого мужчину, явно в возрасте за 30 лет, в чем дело? И слышу, что он хочет дополнить ответ. Я всегда старался поощрять учеников и внимательно отнесся к «дополнениям», хотя он говорил долго, а учебное время было дорогое. Я сразу узнал, откуда у него это знание событийного и оценочного ряда истории восстания. Выступление меня поразило: это было выступление не ученика, а учителя. И великовозрастный ученик, и я, начинающий учитель, были знакомы с источником – романом Д.И.Петрова-Бирюка «Кондрат Булавин». Роман вышел в свет в 1951 г. (в 1-м издании именовался «Дикое поле») и имелся в Алупкинской городской библиотеке. Издание было снабжено обстоятельным историческим очерком.

С этого эпизода и началось наше знакомство. Постепенно я выяснил некоторые факты биографии собеседника. Они в краткой биографической справке сборника стихов не упоминаются. В первый год войны Сталь эвакуировался из Киева на Северный Кавказ. Когда вермахт вторгся на территорию Северного Кавказа, Сталь Супоницкий вступил добровольцем в Красную армию, и уже в армии отметил свое 18-летие. Но в 1943, а, может быть, в 1944 г. им заинтересовалась армейская госбезопасность. Наказание молодой солдат понес за неосторожные высказывания и сбор антисоветских листовок как исторических источников. Сталь рассказывал, что ему на следствии вначале приписывали даже украинский национализм, так как он читал солдатам стихи (в том числе и Т.Г.Шевченко) на украинском языке. Потом все же спохватились: еврей! Припомнили ему и то, что он критиковал какие-то стихи В.И.Лебедева-Кумача, автора слов знаменитой песни «Священная война». Крити-

ковал, правда, Супоницкий автора как поэта. Но достаточно было того, что критиковал. В конце концов главной виной признали восхваление вермахта и высшего гитлеровского руководства (представьте себе еврея в этом качестве). В основу этого «главного» были положены высказывания Супоницкого о том, что гитлеровские генералы и офицеры – очень квалифицированные военные кадры, а солдаты вермахта умеют стойко воевать. В результате будущий поэт получил 10 лет лагерей. Их он провел на севере Европейской части РСФСР, в Воркуте. После окончания срока Сталь Супоницкий со справкой об освобождении, полученным в лагере туберкулезом и направлением на лечение прибыл Крым.

В конечном счете, перенеся операции и залечив открытую форму туберкулеза, Сталь Шевелевич был направлен, уже как участник Отечественной войны, в Алупкинский противотуберкулезный диспансер-пансионат. Драматически сложились у него отношения с матерью, которая вчистую отказалась от сына, узнав о приговоре и его мотивации. Не восстановились отношения с матерью и после постсталинской реабилитации.

В стихотворном сборнике собрано далеко не лучшее, что было написано Супоницким. Я запомнил строки из отдельных ненапечатанных стихов, которые и воспроизвожу в данной портретной зарисовке.

Лагерную тоску по родным местам и свободе передают следующие строки:

*Мне, как привет с родной сторонки,
Примерз к вагону лист капустный.*

А вот строки из другого стихотворения. И все о том же, о тоскующей душе:

*За окном оставлен гул ристалища,
В этот час тревоги не буди.
Сон, мое последнее пристанище,
Примет якорь призрачной ладьи⁶.*

В отличие от процитированных строк, стихи, отобранные в сборник, оптимистической тональности (редакторы очень старались!) Сборник назван просто – «Лирика», хотя лирика в нем в общем контексте поэзии условная. Но есть и настоящая. Мне, например, нравится это, немного

---

⁶Эти и другие строки без ссылки на источник автор очерка цитирует по памяти.

урезанное мной, стихотворение, передающее настроение человека, ожидающего письма:

*Если что случилось между нами,
Так прости мне –
Я бывал не прав...
Дышит вечер дальними огнями,
Гулом моря, шорохами трав. <...>
Промелькнули фары одиноко,
Гул мотора замер... Тишина.
От Алупки до Владивостока
Почтальоном движется луна [11, с.47].*

Единственное стихотворение о читальном зале, которое я знаю, принадлежит Сталю Супоницкому:

*Горизонты распахнулись дальние!
Разума волшебством увлечен,
В темные глубины мироздания
Проникаю мыслью, как лучом. <...>
И все также зримы – не туманны,
Не старея, смотря сквозь века
Нежный профиль пушкинской Татьяны,
Мужественный образ Спартака [11, с.15].*

А далее выдержка из запавшего в мою память стихотворения, характеризующего личность поэта и его отношение к поэтическому слову.

*У меня подсолнух фиолетов,
Облака – Бирнамские леса⁷,
Что поделатъ, если у поэтов,
Так уже устроены глаза.*

Поэт отстаивает право на свое видение мира, и у меня возникает ассоциация с известными строками из «Виноградной косточки» Булата Окуджавы:

---

⁷Бирнамский лес – это из трагедии В.Шекспира «Макбет». «Бирнамский лес пошел...» – крылатое выражение, означающее наступление невероятного события (лес не передвигается с места на место).

*И, когда заклубится закат, по углам заметая,
Пусть опять и опять проплывут предо мной наяву:
Белый буйвол, и синий орел, и форель золотая,
А иначе, зачем на земле этой вечной живу [8].*

Строгий учитель и критик скажут: где это видано – белые буйволы и синие орлы! На что я отвечу: это у Окуджавы орел синий, как синица, а буйвол белый, как песок, а у Супоницкого подсолнух фиолетов. У них, у поэтов, свое индивидуальное устройство глаз, что отличает их от других смертных. Мы видим мир в цветовой тональности, историки же в цветовой тональности должны видеть прошлое, но не путать белое с черным, они не имеют права на изменение цвета. В этом различие реалистического и сугубо субъективного видения мира. Но реалистическое видение, как таковое, не исключает видения прошлого под своим уникальным углом зрения. Фотограф выбирает ракурс, но объект вне наводки съемки сохраняет свою многогранность.

Не могу не процитировать фрагмент стихотворения Супоницкого «Поэту», которое отражает представление о творчестве:

*В чем сущность творчества? Оно
Поток мгновенных озарений,
Как будто в стереокино
Раздумий, образов, видений.
И в эту, самую из всех
Благословенную минуту
Забудь о том, что есть успех,
Что лавры грезятся кому-то.
Забудь, что ты велик иль мал,
Забудь, что ждет ревниво кто-то
Твоей хулы, твоих похвал.
Стань ухом –
Слушай и работай [11, с.36].*

Последние строчки – заповедь: «Слушай и работай!». Таким был Сталь Супоницкий. Ссылка и болезнь гнобили его. Поэт слушал, впитывал окружающий мир и работал, и работал... И пусть сегодня он из числа забытых поэтов (а таких немало), но он творил свое, отвечая на вопрос Булата Окуджавы: «А иначе, зачем на земле этой вечной живу?».

После эпизода с неспланированным «дополнением» о восстании Булавина у меня со Сталем установились теплые отношения. Общались мы нечасто, пока он учился в школе, но каждое общение было интересным. Сталь читал свои стихи и кое-что рассказывал о себе. В частности, о том, что ему вменяли в вину на следствии и суде (об этом я уже упоминал), отправив в Воркутинский или Ухтинский лагерь. К сожалению, я тогда не догадался попросить его записать для меня его лагерные стихи, а сейчас почти ничего не помню.

Вернувшись из ссылки, Сталь продолжал оставаться верящим в советскую власть и готовым отдавать ей все силы человеком. Не случайно его поэтический сборник открывается стихотворением, в котором искренне отражены надежды:

*Чтоб ощутимей, ближе стали
Не через век, а через год
Те солнцем брызжащие дали,
К которым Ленин нас зовет [11, с.3].*

«Солнцем брызжащие дали» всегда вызывали у меня ассоциацию со строками моего отца, которые я цитировал ранее («идем вперед по солнечным ступеням»). Я еще застал людей, веривших в это и живших этим.

Пришло время, и Ленин ушел в прошлое, как ушли Спартак и Гарибальди. Но историки, которые пишут о прошлом, должны отличать «дух времени», когда той атмосферой дышали, и другой «дух времени», когда «живее всех живых» становятся мертвой буквой. В последнем случае очертания их, ушедших, как говорят, носятся в воздухе.

В последний раз я встречался со Сталем в южнобережном поселке Никита, где он, женившись на такой же, как и он, больной туберкулезом женщине, снимал комнату в частном доме. Пили чай и любовались видом на Никитский ботанический сад. И, конечно, говорили о жизни и поэзии.

Похоронен Сталь Супоницкий на кладбище в Алуште. С горного склона, где место его успокоения, открывается вид на прилегающий к Алуште берег и, как обычно, утопающее в солнечном свете Черное море.

Библиографический список

1. Аксютин Ю.В., Волобуев О.В. XX съезд: новации и догмы. М.: Политиздат, 1991. 224 с.
2. Акутагава. Новеллы. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. 414 с.
3. Волобуев О.В. Ялта: путеводитель. М.: Планета, 1991. 190 с.
4. Додонов Б.И. Эмоция как ценность (Над чем работают, о чем спорят философы). М.: Политиздат, 1978. 272 с.
5. Имение Д.А. и Н.М.Милотиных / Симеиз. Путеводитель / проект Марии Петровой и Андрея Карагодина. Электронный ресурс. URL: <https://simeiz.gardenacademia.com/villas/damilyutina/> (дата обращения 08.07.2022).
6. Коваленко В. Жить не старея. Электронный ресурс. URL: <https://c-cho.info/silneestanu-vo-sto-raz/> (дата обращения 01.07.2022).
7. Никаноркин А. От мыса Айя до мыса Сарыч // Крым (литературно-художественный альманах Крымского отделения Союза писателей Украины). 1959. №21. С. 102–108.
8. Окуджава Б. Виноградная косточка. Электронный ресурс. URL: <https://lyricsworld.ru/lyrics/Bulat-Okudzgava/Vinogradnaya-kostochka-42277.html> (дата обращения 10.07.2022).
9. Ратцель Ф. Народоведение. В 2 т. СПб.: Т-во «Просвещение», 1903. Т.1. 1902. XVIII + 764 с. Т.2. VIII + 874 с.
10. Славич С. Нас много: ты и я. М.: Советский писатель, 1968. 200 с.
11. Супоницкий С. Лирика. Симферополь: Крымиздат, 1959. 56 с.
12. Чичибабин Б. Собрание стихотворений. Харьков: Фолио, 2009. 890 с.
13. Volobuyev O. Greater Yalta: a guide. М.: Progress Publishers, 1979. 200 p.
14. Wolobujev O. Gross-Jalta: Reiseführer. М.: Raduga-Verlag, 1980. 200 s.
15. Volobouïev O. La Grande Yalta: guide. М.: Progrès. 1983. 196 pp.

Наука не имеет отечества.

Ипполит Тэн

Не моря разделяют народы,
а невежество, не различие
языка, а враждебные
отношения.

Джон Рескин

Михаил Ковалев

**«АУДИТОРИЯ
В СОРБОННЕ
БЫЛА ЗАБИТА
ДО ОТКАЗА»:**

**ПАРИЖСКИЕ ЛЕКЦИИ
АКАДЕМИКА
М.Н.ТИХОМИРОВА
1957 ГОДА***

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
930

Статья посвящена анализу визита в Париж академика М.Н.Тихомирова весной 1957 г. в контексте истории становления советско-французских научных связей в годы Оттепели. На основе архивных источников реконструируются обстоятельства приглашения советского ученого, делается вывод о большой роли в этом Ф.Броделя и возглавляемой им VI-й секции Практической школы высших исследований. В статье прослеживается хронология визита Тихомирова, анализируются его встречи с французскими учеными, а также с русскими эмигрантами. Делается вывод о большом символическом значении визита Тихомирова. Его лекции под сводами Сорбонны, прочитанные на французском языке, символизировали преодоление разрыва в сфере личных и деловых контактов историков, фактически сошедших на нет в конце 1920-х гг.

This article is devoted to the analysis of the visit of Academician Mikhail Nikolaevitch Tikhomirov in Paris in the spring of 1957 in the context of the history of the formation of Soviet-French scientific relations during the Thaw. On the basis of archival sources, the circumstances of the invitation of the Soviet scientist are reconstructed. The great role in this process of Fernand Braudel and leading by him the VIth section of the Practical School of Higher Research is concluded. In this article the chronology of Tikhomirov's visit was described, analyze his meetings with French scientists, as well as with Russian émigrés was made. The conclusion on the great symbolic significance of Tikhomirov's visit is made. His lectures in French in the Sorbonne symbolized the overcoming of the gap in the sphere of personal and business contacts of historians, which actually disappeared in the late 1920s.

Ключевые слова: М.Н.Тихомиров; Ф.Бродель; советско-французские научные связи; историография; научная дипломатия.

Key words: M. N. Tikhomirov; F. Braudel; Soviet-French scientific relations; historiography; scientific diplomacy.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

---

*Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект №21-59-22010 ФДНЧ_a.

История становления и развития советско-французских культурных и научных связей в годы хрущевской Оттепели давно привлекает внимание исследователей [8; 10–11; 26; 33; 38–39; 41–42; 46–48; 50–51, и др.]. Тем не менее, несмотря на кажущуюся изученность, она таит в себе немало интересных сюжетов, требующих пристального рассмотрения. Одним из них является визит в Париж весной 1957 г. крупнейшего советского историка, академика Михаила Николаевича Тихомирова (1893–1965). Нельзя сказать, что это неординарное событие осталось вне поля зрения исследователей советско-французских связей, но и сказать, что оно сделалось предметом специального изучения, тоже нельзя. Тем примечательнее, что поездка ученого состоялась при непосредственном участии Фернана Броделя (1902–1985), одной из ключевых фигур французской историографии XX в., и что она оказалась составной частью смелой программы по налаживанию интеллектуальных контактов между Западом и Востоком на фоне Холодной войны. Таким образом, осмысление парижских лекций академика Тихомирова в фокусе истории транснациональных научных связей, а также посредством углубленного изучения российско-французских интеллектуальных пересечений, открывает новые перспективы.

Письмо из Парижа

20 февраля 1956 г. из Парижа в адрес Института истории АН СССР было отправлено письмо. Автором его был именитый историк Фернан Бродель.

Он сообщал советским коллегам, что руководит проектом по изданию сборника документов о торговых связях между Италией и Южной Россией в XV–XVI вв. В ходе этой работы французские историки проработали классический труд тюрколога Василия Дмитриевича Смирнова (1846–1922) «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты» [28] и выбрали ссылки на документы из Императорской публичной библиотеки, Музея Одесского общества истории и древностей, а также Архива Таврического дворянства. Бродель интересовался возможностью познакомиться с этими документами, а также осведомлялся об аналогичных источниках, вероятно, неизвестных французским коллегам. Перевод этого письма, сделанный Михаилом Михайловичем Штранге (1907–1968), русским эмигрантом, участником французского Сопротивления в годы Второй мировой войны, а затем «возвращенцем» в СССР, лег на стол директору Института истории Аркадию Лавровичу Сидорову (1900–1966). Тот 20 марта 1956 г. поставил на нем благожела-

тельную резолюцию, поручив оказать посильную помощь французскому коллеге [5, д. 1168, л. 36]. Вероятно, этот документ является одним из первых свидетельств попыток Фернана Броделя установить регулярные деловые контакты с АН СССР и советскими историками вообще. Обратим внимание, что письмо было отправлено из Парижа еще до того, как 25 февраля 1956 г. на XX-ом съезде КПСС прозвучал доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях», ставший отправной точкой политики десталинизации. Тезисы его выступления будут опубликованы на страницах влиятельной французской газеты «Le Monde» 19 апреля 1956 г., а полный текст – лишь 6 июня. Однако дыхание перемен чувствовалось еще до официального выступления Хрущева с трибуны съезда, а подувшие из Москвы ветры перемен ощущались и в Париже. Уже в 1954–1955 гг. наметилось советско-французское культурное сближение, выразившееся, среди прочего, в проведении «Недели французского кино» и гастролях «Комеди Франсез» в Москве [8, с. 85]. Новые веяния не могли обойти стороной и историческую науку. Не случайно Бродель на страницах «Анналов» поместил такой призыв к коллегам: «Следить и следить внимательно за работой российских историков – это задача для нас. Иначе мы рискуем отвернуться от целого «континента» истории. Поэтому мы полны решимости умножить, насколько это возможно, критические обзоры и рецензии об этих обширных и важных областях, куда большинство западных историков проникает плохо, поскольку не преодолевает или болезненно преодолевает языковые трудности. Поэтому требуются усилия для анализа и часто, если возможно, для перевода» [36, p. 127].

Фернан Бродель в поисках диалога между Западом и Востоком

Первое послевоенное десятилетие стало для Фернана Броделя временем высокой организационной активности. Вместе с Люсьеном Февром (1878–1956), он участвовал в создании VI-й секции Практической школы высших исследований в Париже – одного из ведущих образовательных и научных центров Франции. Школа ведет начало с 1868 г. Первоначально в ее составе были секции математики, физики и химии, естественных наук и физиологии, филологических и исторических наук. В 1886 г. к ним была добавлена V-я секция – религиоведения. 3 ноября 1947 г. была учреждена VI-я секция, связанная с изучением и преподаванием экономических и социальных наук [54]. Ее создатели поставили перед собой амбициозные задачи по глобальному исследованию эконо-

мики, общества и цивилизации. После смерти Люсьена Февра 25 сентября 1956 г. именно Бродель заменил его на посту главы VI-й секции и редактора журнала «Анналы».

Ф.Бродель. 1960-е гг.

В историографии уже не раз поднимался вопрос о большой роли VI-й секции Практической школы в наведении интеллектуальных мостов между Западом и Востоком в 1950-е гг. Причем отдельные авторы совершенно верно указывали на важность транснационального измерения проводимой работы, поскольку в нее были втянуты не только французские научные силы, но и деньги американских благотворительных организаций [43, р. 71–90; 48, р. 69–86; 53, р. 339–344]. Транснациональность проявлялась в идее интеллектуальной открытости и поиске взаимодействия с разными регионами мира, в том числе с СССР, Восточной Европой, странами Азии и Африки. Одним из направлений работы должно было стать приглашение иностранных ученых для проведения лекций и семинаров в VI-й секции, а вместе с тем организация аналогичных поездок французских исследователей за границу. В этом направлении работы надежным помощником Броделя стал историк Клеманс Эллер

(1917–2002), занявший в 1956 г. пост заместителя директора секции. На протяжении многих лет он будет оставаться неутомимым пропагандистом развития международных научных связей и успешным организатором интернациональных академических обменов [37, р.283–287; 48, р.71].

Оттепель в СССР, невзирая на ее капризный и изменчивый характер, за короткое время создала уникальные условия для международных интеллектуальных обменов, большие надежды на которое возлагали ученые по обе стороны железного занавеса. Так, первые французские стажеры – слависты Клод Фриу (1932–2017) и Мишель Окутюрье (1933–2017) – побывали в СССР еще в 1954–1956 гг. Условия Холодной войны при этом диктовали специфику отношений с СССР и Восточной Европой. Как заметила французская исследовательница Софи Кере, следовало или порвать с коммунистическим миром, пожертвовав доступом к источникам и живым соприкосновением с языком, культурой и мыслями, или подстроиться под реалии, смирившись с порой неравным положением [39, р.21]. В то же время французские интеллектуальные круги были сильно пропитаны левыми идеями, искренними симпатиями к СССР и советской науке. Историк Роже Порталь (1906–1994), в 1950 г. в выступлении на IX Международном конгрессе исторических наук в Париже убеждал, что «зарубежные исследователи не могут обойтись без ознакомления с советскими работами и должны знать хотя бы их выводы» [15, с.27]. Понимал это, как уже было сказано, и Фернан Бродель. Более того, среди советских историков он хотел найти тех, кто был идейно близок программе школы «Анналов» по тематике и проблематике исследований.

Подготовка визита М.Н.Тихомирова

В числе советских историков, к творчеству которых проявили глубокое внимание французские историки, был академик Михаил Николаевич Тихомиров. Его имя не нуждается в специальном представлении. Тихомиров по праву занимает место одного из классиков отечественной исторической мысли. Его труды по истории России XI–XVII вв. не утратили своей научной значимости. Интерес к жизни и научному творчеству ученого в наши дни только возрастает, свидетельством чего является появление специальных исследований и публикаций документов [9; 12; 18–21; 25; 31]. Тем не менее зарубежные контакты Михаила Николаевича еще не стали предметом обобщающих аналитических исследований, как

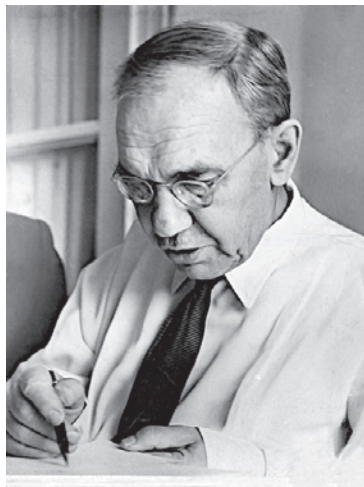
практически не изученными остаются его связи с французскими коллегами в 1950–1960-е гг.

Проблематика исследований Тихомирова была близка Броделю и его коллегам, с присущим им интересом к истории города, торговли, народных движений в Средние века и в раннее Новое время. В начале 1957 г. на страницах «Анналов» появилась рецензия на книгу М.Н.Тихомирова «Древнерусские города» (1-е изд. – 1946; 2-е изд. – 1956), в которой работа советского ученого по важности поднимаемых проблем сравнивалась с исследованиями Анри Пиренна (1862–1935), бельгийского историка и классика городской истории. При этом отмечалось, что научные изыскания Тихомирова создавали почву для сравнения русского материала с западноевропейским [36, р. 130]. Рецензия была инициирована самим Броделем, а его соавторами выступили Лев Владимирович Поляков (1910–1997), французский историк российско-еврейского происхождения, и Даниэль Александр (1928–2005), впоследствии видный славист и профессор Лионского университета.

Выявленные на сегодняшний день в архивах материалы еще не позволяют с точностью прояснить обстоятельства подготовки визита Тихомирова во Францию, а также понять соотношение советской и французской инициатив. Однако следует допустить, что в поездке именитого и авторитетного историка были заинтересованы и в Москве, и в Париже. Тем не менее инициатива организовать приезд Тихомирова во Францию с высокой долей вероятности исходила от самого Броделя. 23 января 1957 г. он сообщил Михаилу Николаевичу, что вопрос о приезде в Париж решен, и что он бы хотел пригласить советского коллегу на один или два месяца для чтения лекций в феврале–марте текущего года, или в иное удобное время [3, оп.4, д. 4, л. 1–2; д. 129, л. 1]. Французская сторона обещала покрыть дорожные расходы академика, обеспечить проживание неподалеку от университета, а также назначить ежедневное пособие в 3.000 франков [3, оп.4, д. 129, л. 1]¹. Советский историк 6 февраля подтвердил свое согласие, отправив его авиапочтой. Однако по техническим формальностям послание вернулось назад в Москву, а Михаилу Николаевичу пришлось срочно телеграфировать в Париж о своем приезде в промежутке между 15–20 марта [3, оп.4, д. 4, л. 4]. Подготовка визита затягивалась. Лишь 26 марта 1957 г. Президиум АН СССР издал распоря-

¹База данных Центрального банка РФ дает возможность конвертировать эту сумму в рубли по официальному советскому курсу января 1957 г. Ежедневное довольствование равнялось бы 34 рублям 29 копейкам [22]. Для сравнения, с 5 июня 1957 г. только надбавка за звание академика, выплачиваемая сверх должностного оклада, составляла 5.000 рублей в месяц [27].

жение о командировании Тихомирова сроком на полтора месяца в Париж для чтения лекций по социальной и экономической истории России XIV–XV вв. Расходы планировалось возместить по смете Управления делами академии [3, оп.3, д. 210, л. 1].

М.Н.Тихомиров. 1950-е гг.

Организация визита Тихомирова оказалась наполнена немалыми трудностями. Один из французских коллег, например, впоследствии рассказывал ему, что американцы с неудовольствием восприняли бы успех русского ученого в Париже [18, с.208–209]. Трудно сказать, насколько объективно это мнение, особенно в свете тесных связей Броделя с американскими интеллектуальными и филантропическими кругами, за которые он нередко подвергался критике у себя на Родине [47, р. 132]. Михаил Николаевич также зафиксировал в своих мемуарах упоминание о неких людях во Франции, которые явно не благоволили переписке между ним и Броделем. Действительно, французские правые круги подозревали последнего в симпатиях к коммунизму и марксизму [29, с. 90]. Не стоит забывать и об общем политическом климате Холодной войны. Исследовательница Иоана Попа обнаружила в архивах свидетельства опасений некоторых французских дипломатов в том, что развитие и укрепление культурных контактов с СССР будет способствовать проникновению на Запад коммунизма, а это в свою очередь ослабит дух сопротивления и единство западного лагеря [48, р. 75]. Она же показала,

что Бродель и его соратники были вынуждены если не придерживаться полностью точки зрения французских властей, то хотя бы информировать их о своих действиях. Обсуждая возможности сотрудничества с Институтом истории АН СССР на рубеже 1956–1957 гг., представители VI-й секции обратились в Главное управление культурных связей и в Комитет по обменов между Востоком и Западом. Они заверяли власти, что предпринимаемые действия не повлекут возражений Министерства иностранных дел, и что они даже рассчитывают на получение субсидии от него. Положительное решение Главного управления культурных связей, касаемое визита Тихомирова, сопровождалось при этом настоятельной рекомендацией: VI-я секция в ответ на визит советского историка в Париж должна направить своего представителя в СССР. Французские власти, таким образом, продвигали принцип взаимности в научной дипломатии. Лидеры VI-й секции тем не менее опасались, что подобные действия могут повлиять на имидж программы сотрудничества с СССР, которую они хотели сделать политически нейтральной [48, р. 76, 78].

Парижские лекции академика Тихомирова

В Архиве РАН сохранилось описание пребывания в Париже, составленное самим Михаилом Николаевичем [3, оп.3, д.210, л.2–4]. Это не дневник в привычном смысле слова, а скорее краткие рабочие записи с целью облегчить подготовку научного отчета о поездке, систематизировать события и даты. В этих записях нет личных впечатлений, нет рефлексий – лишь сухие факты. Тем не менее именно они позволяют точно реконструировать хронологию поездки. Важнейшим дополнением служит официальный отчет академика о поездке [3, оп.3, д.210, л.5–7]. О визите во Францию и парижских впечатлениях также рассказывают мемуары М.Н.Тихомирова, которые сейчас готовятся к печати В.В.Тихоновым, А.В.Мельниковым и Н.А.Комочевым. Важным дополнением служит деловая переписка между Тихомировым и французскими коллегами, а также официальная документация Отделения исторических наук АН СССР. Нет сомнений, что дополнительные материалы откроются в процессе исследований во французских архивах.

Тихомиров прибыл в Париж в пятницу 22 марта 1957 г. Его поселили в гостинице «Понт-Руаяль» на улице Монталамбер, в VII-м округе Парижа, вблизи Латинского квартала. Михаил Николаевич, как зачастую было положено для командированных за границу, посетил советское посольство: 23 марта, с 10 до 12 часов утра, он встретился с диплома-

том Вячеславом Андреевичем Кареткиным (1914–1982). Рабочие записки академика также доносят факт его встречи накануне отъезда с атташе по культуре «товарищем Жданом»². Содержание бесед остается неизвестным, хотя, быть может, фонды Архива внешней политики РФ смогут в будущем пролить свет на них. Биографы Тихомирова обратили внимание на довольно небрежное отношение советского посольства к визиту именитого историка: дипломаты не оказали ему должной поддержки [18, с. 208–209]. По косвенным свидетельствам известно, что недоразумение возникло вокруг оплаты Тихомировым расходов на проживание, причем разрешить ситуацию удалось лишь в 1958 г.³ Михаилу Николаевичу пришлось столкнуться и с рядом повседневных трудностей, как, например, организация питания. Хронические болезни требовали специальной диеты, соблюдать которую в чужой стране оказалось почти невозможной задачей. Надо отдать должное французским коллегам, которые по мере сил и возможностей старались помочь пожилому ученому, с пониманием отнеслись к его проблемам со здоровьем. В связи с этим искреннюю заботу и внимание проявила супруга Броделя, Полетт (1914–2017), которая, приглашая советского историка в гости, заранее поинтересовалась его режимом питания и вкусовыми предпочтениями [3, оп. 4, д. 128, л. 1–1 об.].

² Помимо упомянутых советских дипломатов, во время своего пребывания в Париже Тихомиров встречался и с другими представителями СССР. 6 апреля он увиделся с Евгением Михайловичем Жуковым (1907–1980), в ту пору – заместителем директора Института истории АН СССР. Утром следующего дня они вместе ездили на прогулку в Венсенский лес. 12 апреля Тихомиров сделал доклад «Основание Москвы в свете новых археологических данных» в советском торговом представительстве. На следующий день обедал у Владимира Семеновича Кеменова (1908–1988), постоянного представителя СССР при ЮНЕСКО. Вечером 15 апреля Михаил Николаевич повиделся с находившимся в командировке Виктором Ивановичем Шунковым (1900–1967) [3, оп. 3, д. 210, л. 2–4].

³ 2 января 1958 г. К. Эллер написал Тихомирову: «Пользуюсь случаем, чтобы извиниться за неправильно понятый эпизод Вашей поездки в Париж. Когда я недавно разговаривал с г-ном Окуловым из посольства о согласовании наших счетов, и особенно в отношении расходов на Ваше пребывание, я понял, что не посольство, а Вы сами оплачивали гостиничные расходы. Я очень сожалею об этом недоразумении. Чтобы погасить наш долг перед Вами, я предлагаю открыть для Вас счет в парижском книжном магазине, что позволит Вам приобрести книги на указанную сумму. Однако, если Вы предпочитаете другой способ оплатить этот вопрос, я был бы очень признателен, если бы Вы об этом меня проинформировали» [3, оп. 4, д. 693, л. 2]. В итоге 4 апреля 1958 г. на имя Тихомирова был открыт счет на 100.000 французских франков в книжном магазине «Ривьера» на улице Жакоб [3, оп. 4, д. 693, л. 3]. Здесь следует также подчеркнуть, что Практическая школа оплатила пребывание Тихомирова в Париже в размере 130.000 франков (что составило 1485 рублей 90 копеек по официальному курсу, а с учетом так называемой наобавки для неторговых платежей, введенной с апреля 1957 г., 2228 рублей 20 копеек), которые он, как было положено в то время, перевел на счет АН СССР после возвращения [3, оп. 3, д. 210, л. 6].

Михаил Николаевич ждал встречи с французской столицей, где прежде ему бывать не доводилось. 23 марта, на следующий день после приезда, он направился в Лувр, а воскресным утром 24 марта пошел на мессу в Нотр-Дам [3, оп. 3, д. 210, л. 2]. Несмотря на насыщенный график поездки, Тихомирову удастся познакомиться с основными достопримечательностями: он несколько раз посетит Лувр, прогуляется по Монмартру, увидит сияющие витражи Сен-Шапель, побывает в Версале, осмотрит средневековые экспозиции Музея Клюни. Нахождение в Париже Михаил Николаевич изначально намеревался использовать и для знакомства с местными библиотеками и архивными собраниями. Так, он с большим интересом посетил Национальную библиотеку и особенно ее отдел рукописей, а также Славянскую библиотеку, в собирании которой большое участие принимал иезуит и видный историк Павел Пирлинг (1822–1922).

Приезд с лекциями в Париж видного советского историка выглядел событием неординарным, особенно в свете того, что это был не партийный пропагандист, а действительно авторитетный и признанный в мире исследователь. В историографии довольно точно подмечено, что Холодная война изменила статус ученых международного уровня. Он подразумевал теперь не только признание заслуг в научной среде, но также «выступления за мир, петиции в защиту прав отдельных социальных категорий, членство в определенных организациях» [30, с. 100]. И все же формирование позитивного образа советской науки за рубежом требовало включения в практику международного сотрудничества именитых исследователей, которые далеко не всегда являлись партийными или общественными активистами, выделялись своим свободомыслием, не всегда укладывавшимся в генеральную линию, а порой откровенно фрондировали [16, с. 454]. Вот и академик Тихомиров не вписывался в полной мере в негласно установленные правила: был не пролетарского происхождения, учился в университете у «буржуазных историков», в 1930 г. оказался в числе обвиняемых по «Академическому делу», его родного брата Бориса репрессировали и расстреляли в 1939 г.⁴ Не был Михаил Николаевич и членом партии, что, правда, не помешало ему занять осенью 1953 г. высокий пост академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР⁵. В то же время подобные черты биографии могли пози-

---

⁴ Известно, что Михаил Николаевич помогал семье репрессированного брата и сумел сохранить часть его архива [7, с. 123]. Б. Н. Тихомиров был реабилитирован в августе 1956 г.

⁵ Что касается фигуры Тихомирова, то уместно согласиться с мнением В. В. Тихонова, что «никакие дозволенные рамки М. Н. Тихомиров не ломал, а являлся участником сложного и динамичного процесса “идеологических поворотов”, в результате которых гораздо чаще оказывался в выигрыше, чем подвергался критике» [31].

тивно оцениваться в зарубежных кругах. Так, русский эмигрант князь Дмитрий Михайлович Шаховской, в ту пору – молодой и начинающий французский историк, вспоминал, что приезд Тихомирова «ожидался с трепетом и нетерпением, особенно теми, кому были известны его труды» [34, с.32].

25 марта, в понедельник, Тихомиров встретился с представителями Практической школы на улице Варенн, 54, вместе с которыми составил план и расписание занятий. Он предусматривал прочтение 5 лекций на французском языке: «Социально-экономическая история России в XIV–XV века» и «Обзор России в XIV–XV вв.» (29 марта), «Аграрный строй России в XIV–XV вв.» (2 апреля), «Ремесло в России XIV–XV вв.» (5 апреля), «Торговля России в XIV–XV вв.» (9 и 12 апреля). Все занятия Тихомирову предстояло вести на французском языке.

29 марта, в пятницу, в Сорбонне состоялась первая лекция «Обзор России в XIV–XV вв.», которой предшествовало вступительное слово Броделя. «Прошла с шумным успехом», «публика хлопала до и после лекции, о которой отозвалась очень хорошо», «аудитория в Сорбонне была забита до отказа» – отмечал в своих рабочих записях Михаил Николаевич [3, оп.3, д.210, л.2, 4], а впоследствии в воспоминаниях уточнил, что послушать его пришло больше ста человек, и что многим из них пришлось стоять, не найдя свободного места [18, с.209]. Д.М.Шаховской сохранил воспоминания о невероятной «исторической чуткости» Тихомирова и отсутствии в его выступлениях догматизма: «На вопрос, как усовершенствоваться, с чего начать, у М.Н. глаза искрились, и он предлагал продолжать знакомиться с Соловьевым, Ключевским... Особенно интересно было гулять с ним по Парижу. Малейшие подробности быта не ускользали от него и вызывали остроумные и шуточные замечки» [34, с.32]⁶. В честь академика вечером 3 апреля, в среду, был дан специальный прием в Практической школе. «Было много народа разных специальностей», – зафиксировал Тихомиров в своих записях [3, оп.3, д.210, л.2об.].

Помимо лекций состоялось 4 семинарских занятия по русским летописям XIV–XV вв. (1, 4, 8 и 11 апреля), для которых Михаил Николаевич использовал XXV-й том «Полного собрания русских летописей». Нужные фрагменты текста были растиражированы и розданы каждому участнику семинара. Среди них были главным образом студенты Школы

⁶ В новогоднем поздравлении с 1960 г. Дмитрий Михайлович сообщил Тихомирову: «Я не забыл Ваших советов и теперь кончаю "licence" (мне остается один экзамен по общему языкознанию) и пишу диссертацию о городе Ярославле до его присоединения Москвой» [3, оп.4, д.666, л.1].

живых восточных языков, обучавшиеся на русском отделении. Вместе с ними присутствовали и другие желающие: от 12 до 20 слушателей на каждом семинаре. Так, среди них был директор Славянской библиотеки Мари Жозеф Руе де Журнель (1880–1974). Проводимые Тихомировым занятия заключались «в чтении древнерусского текста, толковании его смысла и объяснении отдельных слов, в переводе текста на современный русский язык и с него на современный французский язык» [3, оп.3, д.210, л.5 об.]. Михаил Николаевич отметил в своем отчете о поездке, что «семинар проходил очень оживленно и посещался с большим интересом» [3, оп.3, д.210, л.5 об.].

Тихомиров и французские коллеги

Утром 9 апреля Михаил Николаевич посетил Школу живых восточных языков, важнейший лингвистический центр Франции, в котором преподавался и русский язык. Приглашение было инициировано профессором этой школы славистом Жаном Треном (1909–1973), горячим пропагандистом преподавания русского языка во Франции. Идеи профессора в это время подкреплялись нормализацией и укреплением советско-французских отношений, что ставило вопрос о развитии преподавании русского языка [40, р.352]. В тот же день, после прочтения лекции о торговле России в XIV–XV вв. в Сорбонне, Тихомиров отправился на ужин домой к Жану Трену, куда был также приглашен профессор Пьер Паскаль (1890–1983), одна из ключевых фигур в истории российско-французских научных связей XX в. Биография Паскаля хорошо известна [14; 38], но все же уместно напомнить, что он еще в юности страстно увлекся Россией и русской культурой, а во время Первой мировой войны был командирован в составе Французской военной миссии в могилевскую Ставку. В 1917 г. его увлекла стихия русской революции. Он решил остаться в Советской России: примкнул к большевикам, работал в Наркомате иностранных дел, тесно сотрудничал с Институтом Маркса и Энгельса. В московский период жизни Паскаль заинтересовался историей русского старообрядчества, в особенности фигурой протопопа Аввакума. Эта тема в дальнейшем сделается ведущей в его научном творчестве, особенно после возвращения во Францию в марте 1933 г. Работа Паскаля сначала в Лилльском университете, а затем в парижской Сорбонне стала важнейшим вкладом в развитие французской славистики. Ко времени встречи с Тихомировым, Паскаль обладал заслуженной репутацией одного из ведущих специалистов по России.

Французские русисты желали встретиться с Михаилом Николаевичем для научных консультаций. Упомянем в связи с этим профессора Роже Порталья [23; 24], который занимался экономической историей России и буквально накануне издал фундаментальный труд о российской индустриализации [49]. Порталь живо интересовался советской наукой, встречался с советскими историками на Международном конгрессе исторических наук в Риме в 1955 г. Профессор Порталь на долгие годы станет для советских историков одним из важнейших французских партнеров, сумев завоевать их доверие и расположение⁷. Именно Порталь в 1957 г. станет ведущим руководителем российских исследований в VI-й секции Практической школы и куратором многих тематических диссертаций [46, р. 69]. В 1959 г. он возглавит влиятельный Институт славяноведения, сменив на посту президента Андре Мазона, в начале 1960-х гг. сделается одним из активистов Ассоциации Франция – СССР, войдя в ее руководящие органы.

Примечательно, что специально к визиту Тихомирова Практическая школа организовала приезд в Париж молодого британского историка Роберта Смита (1922–2010) из Бирмингемского университета, который готовил диссертацию о земледелии в Киевской Руси X–XIII вв. и желал получить консультацию маститого историка. «Очень интересная работа», – зафиксировал Тихомиров в своих рабочих записях 6 апреля [3, оп. 3, д. 210, л. 4]⁸. Смит с благодарностью оценил помощь и советы Тихомирова, написав ему впоследствии в Москву: «Я часто вспоминаю нашу встречу в Париже с большим удовлетворением, и сердечно надеюсь, что мы еще раз повидаемся» [3, оп. 4, д. 566, л. 2].

11 апреля Тихомиров был приглашен на ужин Мишелем Франсуа (1906–1981), крупным медиевистом, археографом и палеографом, профессором Национальной школы хартий и Сорбонны. Еще одним из свидетельств живого интереса французских научных кругов к визиту советского историка служит обращение мадам Маленфер, директора Международного университетского центра, созданного Министерством национального образования для поддержки иностранных ученых во Франции. 10 апреля она письменно пригласила Тихомирова посетить возглавляемый ею центр. Вместе с приглашением Михаилу Николаевичу был послан буклет с программой работы Центра средневековых исследо-

⁷ В отчете о пребывании Р. Порталья в СССР в 1958 г. говорилось: «В целом можно сказать, что отношение Порталья к Советскому Союзу очень хорошее. В частности, об этом свидетельствуют его слова о том, что нигде за рубежом он не чувствует себя так хорошо, как в СССР» [5, оп. 1, д. 1388, л. 55].

⁸ Со Смитом Тихомиров еще раз встретился перед своим отъездом, 15 апреля.

ваний при Университете Пуатье, который начал работу в 1954 г., но быстро успел обзавестись солидной научной инфраструктурой и обширной сетью международных контактов [3, оп.3, д.211, л. 1]. Ни в парижский Университетский центр, ни тем более в Пуатье Михаил Николаевич не попал в силу своей насыщенной и притом короткой программы пребывания. Зато впоследствии у него установилась деловая переписка с указанным Центром средневековых исследований⁹.

Конечно, визит советского академика не прошел незамеченным в левых кругах Франции. Объявление о лекциях Михаила Николаевича поместила “L’Humanité”, наряду с известием о предстоящих гастролях в Париже ансамбля «Березка» и заметкой о триумфальном выступлении скрипачки Маринэ Яшвили и оперного баса Артура Эйзена [44, p.2].

Советский академик и русские эмигранты

Особого внимания заслуживают встречи Тихомирова с выходцами из России, ведь Оттепель открыла возможность встречи двух России – советской и эмигрантской. Разумеется, о драме русского изгнания и феномене Зарубежной России Михаил Николаевич не мог не знать. Его интерес к этой теме демонстрирует стихотворение «Эмигрант», впервые опубликованное биографом ученого В.В.Ковелей. Оно было написано в 1950 г., то есть в ту пору, когда публично говорить с симпатией или сочувствием о Зарубежной России было еще невозможно:

*Он, когда-то русский барин,
Нынче только эмигрант,
На заброшенном бульваре
Тихо слушает джаз-банд.
Все давно уж надоело,
И бульвары, и Париж,
И хождение без дела,
Даже вид парижских крыш.
Он тоской безумной болен,
И когда трещит джаз-банд,
Звон родимых колоколен,*

⁹Почтовый адрес центра находим в записной книжке Тихомирова [3, оп. 2, д. 56, л. 11 об.]. Центр издавал периодическое справочное издание «Répertoire international des médiévistes» и в 1964 г. обратился к Тихомирову с просьбой включить в новый выпуск биографическую и библиографическую информацию о нем [3, оп.3, д.241, л.1]. Статья о Тихомирове появилась в третьем выпуске справочника в 1965 г. [52].

*Точно слышит сквозь туман.
И своей мечты невольник,
До сих пор не верит он,
Что родимой колокольни
Стих печальный перезвон.
Что давно его забыли.
Разве вспомнят иногда,
Что когда-то жили-были
В старом парке господ* [19, с. 198]¹⁰.

Воспоминания Тихомирова о парижской поездке 1957 г. сохранили рассказ о встрече с русским эмигрантом, имени которого историк, правда, не указал. Собеседник с грустью рассказал Михаилу Николаевичу о жизни вдали от Родины и о судьбе своих близких: «Он со вздохом говорил мне, что их никто не пустит в Россию, а разве он виноват, повторял он, что меня пятилетним ребенком увезли из России в Алжир» [18, с.209].

В 1950-е гг. у Тихомирова установились крепкие связи с рядом ученых российского происхождения, которые жили и работали за рубежом. Среди них Георгий Александрович Острогорский (1902–1976), Владимир Алексеевич Мошин (1894–1987), Сергей Александрович Коновалов (1899–1982), Дмитрий Дмитриевич Оболенский (1918–2001), Адольф Иванович Стендер-Петерсен (1893–1963), Николай Ефремович Андреев (1908–1982) и др. [17, с.96–97].

Нет сомнения, что для русских эмигрантов во Франции встреча с Михаилом Николаевичем казалась чрезвычайно интересной. Показательны слова Д.М.Шаховского, что Тихомиров служил «живым звеном между исторической наукой начала века и сегодняшним днем» [34, с.32], то есть он воплощал не столько советское, сколько русское. Среди иных представителей Зарубежной России, с которыми общался Тихомиров, назовем профессора Давида Александровича Джапаридзе (1921–1970) и его жену Юстину, урожденную Бешарову (1921–1991) [3, оп.3, д.210, л.2об.]. Джапаридзе родился в Тифлисе, откуда ребенком был увезен в эмиграцию. В Париже в 1947 г. завершил обучение в Школе живых восточных языков, с середины 1950-х гг. тесно сотрудничал с Практической школой, где преподавал российскую историю. Еще один русский

---

¹⁰ Тем не менее вряд ли возможно согласиться с выводом В.В.Ковели, будто стихотворение отразило мнение Михаила Николаевича «о важности пребывания в родной стране, заботе о ее благополучии при любом политическом режиме, а не поиск лучшего места в чужих краях» [19, с.198]. В нем читается другое – сочувствие и сострадание.

знакомый – лингвист, видный синолог Алексей Николаевич Рыгалов (1922–2010). Он родился уже на чужбине, во французском Туре, получил образование в Париже, сразу после Второй мировой войны служил дипломатом в Китае и Северном Вьетнаме, в середине 1950-х гг. начал сотрудничество с Практической школой, а затем с другими научными и образовательными центрами, стал виднейшим специалистом по Дальнему Востоку. Из рабочих записей Тихомирова известно, что 6 апреля он побывал в гостях у четы Джапаридзе, а 14 апреля ездил за город к Рыгалову. Подробности этих встреч и их содержание еще нуждаются в прояснении.

Остановка в Праге

Во вторник 16 апреля Михаил Николаевич вылетел из Парижа. Но не в Москву, а в Прагу, куда его давно приглашали чехословацкие

коллеги. В 16.00 советского историка встретил в аэропорту известный археолог Ярослав Бем (1901–1962), с которым они познакомились еще летом 1956 г. в Москве. Михаил Николаевич возил коллегу в Загорск (как тогда именовался Сергиев Посад), и поездка эта произвела на гостя огромное впечатление. Уже тогда Бем высказал пожелание, чтобы Тихомиров посетил чехословацкую столицу, и, зная о проблемах со здоровьем советского историка, обещал, что соблюдению его диеты и соответствующего режима будет уделено самое тщательное внимание [3, оп.4, д. 113, л. 1]. Теперь же Бем устроил гостю экскурсию по «золотой Праге», а поздно вечером пригласил к себе домой на чай [3, оп.3, д.210, л.2об.]. Для академика организовали встречу в Чехословацко-советском институте (который он в своих записях именовал «Чехословацко-русским институтом» [3, оп.3, д.210, л.2, 7]). Тихомиров также побывал на кафедре истории СССР в Карловом университете и в нескольких институтах Чехословацкой Академии наук (Археологический институт, Исторический институт, Славянский институт). Чехословацкие историки ставили перед Тихомировым вопрос о важности академических обменов, в частности говорили о желательности пригласить в СССР с лекциями по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам профессора Вацлаву Гусу (1906–1965). Чехословацкие ученые, равно как и их французские коллеги, оказались охвачены идеей интернационализации исторического знания и обновления исторической науки. Тем более что Оттепель в СССР внушала им большие надежды.

19 апреля Михаил Николаевич вылетел из Чехословакии домой. Короткое пребывание в Праге ему пришлось по душе. В отчете о поездке он зафиксировал: «Следует отметить чрезвычайно теплый прием, оказанный мне лично, и глубочайший интерес и уважение к советской науке в Чехословакии» [3, оп.3, д.210, л.7]. В апреле 1957 г., сразу после возвращения в Москву, поблагодарил письмом директора института Ярослава Вавру (1914–1990) и ученого секретаря Карела Германа (1921–1991) за гостеприимство и теплый прием: «Несколько дней, проведенных мною в Праге, останутся для меня навсегда дорогим воспоминанием» [3, оп.3, д.212, л.4.]¹¹.

Итоги визита: взгляд из Москвы

Вернувшись в Москву, Тихомиров написал Броделю письмо, в котором выразил слова глубокой благодарности за теплый и радушный прием [3, оп.4, д.4, л.8]. Вскоре Михаил Николаевич отправил на имя коллеги 2-х томное «Источниковедение истории СССР», вышедшее еще в 1940 г., но отсутствовавшее во французских библиотеках. В приложенном письме он не преминул сказать: «Вспоминая с глубоким удовольствием о моем пребывании в Париже, хочу еще раз засвидетельствовать мое глубокое уважение и благодарность Вам и всем Вашим коллегам по *École Pratique*» [3, оп.4, д.4, л.9].

3 мая 1957 г. Бродель отправил из Парижа письмо на имя Е.М. Жукова, бывшего в ту пору исполняющим обязанности академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР. Оно стало ответом на именное приглашение посетить СССР, которое было передано Михаилом Николаевичем во время его пребывания во Франции. Одновременно Бродель направил благодарственное письмо главному ученому секретарю Академии наук Александру Васильевичу Топчиеву (1907–1962). В обращении к Жукову Бродель выражал огромную заинтересованность в установлении регулярных научных контактов между французскими и советскими историками и археологами. Он высочайшим образом оценил визит академика Тихомирова в Париж, увидев в нем первый шаг на пути к полноценному и многогранному научному взаимодействию: «...Приезд в Париж господина М.Н. Тихомирова явился наиболее плодотворным как в отношении установления искренних и дружеских отношений ме-

¹¹ Вавра и Герман в конце 1957 г. поздравят Тихомирову с Новым годом, выразив надежду на продолжение творческого сотрудничества [3, оп.2, д.83, л.6]. Однако кажется, эти чаяния не найдут практического воплощения.

жду учеными Советского Союза и Франции, так и в отношении лучшего понимания проблем, связанных с историей Вашей страны. Лекции господина М.Н.Тихомирова, которые были проведены на исключительно высоком научном уровне, как и многие консультации, которые он лично любезно проводил, бесспорно способствовали поднятию уровня изучения истории России во Франции и дали направленность молодым французским ученым. Успех этого первого контакта, а также мое будущее посещение Советского Союза как бы ответом побуждают меня выразить желание к дальнейшему усилению и расширению областей, в которых мы можем сотрудничать» [3, оп.2, д.308, л.1].

Итоги и результаты поездки академика Тихомирова в Париж были обсуждены 7 мая 1957 г. на Бюро Отделения исторических наук АН СССР [1, оп.1. 1953–1959 гг., д.23, л.123–125]. Опыт Михаил Николаевича был признан успешным, ему была объявлена благодарность. Вместе с тем речь на заседании зашла об институционализации дальнейших советско-французских контактов в области исторических наук. Была сформирована специальная комиссия в составе самого Михаила Николаевича, а также Е.М.Жукова и П.Н.Третьякова, которой предстояло рассмотреть вопрос о приглашении французских историков в СССР с целью развития и укрепления двусторонних научных связей [1, оп.1. 1953–1959 гг., д.23, л.124–125; 3, оп.3, д.210, л.8–9]. Одновременно В.И.Шункову было поручено улучшить поступление французских научных изданий в возглавляемую им Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР, а директорам профильных институтов предписали представить желательные библиографические списки. Что касается конкретных решений об академических обменах, то было одобрено приглашение профессора Эллера о поездке в Париж для чтения лекций археолога Татьяны Сергеевны Пассек (1903–1968), знаменитой исследовательницы Трипольской культуры [3, оп.3, д.210, л.8; 1, оп.1. 1953–1959 гг., д.23, л.125]. Правда, ее поездка в итоге не состоялась, причины чего еще предстоит выяснить¹².

---

¹² А.А.Формозов указывал, что в Париже Т.С.Пассек побывала в 1963 г., но как турист. Вместе с тем он упоминал ее заграничные поездки в Польшу в 1957 г., в Румынию в 1958 и 1962 гг., в Болгарию в 1958 г., в Чехословакию в 1959 г., в Италию в 1962 г. Он же написал о редком для ее времени хорошем знании иностранной литературы и «умении работать на европейском научном уровне» [32]. К этому можно добавить, что кандидатура Пассек устраивала французов еще и в силу прекрасного знания ею французского языка, что давало возможность для чтения лекций.

**Пути и трудности
академических обменов**

Визит Тихомирова в Париж открывает дорогу и другим советским историкам, в чем будет огромная заслуга Броделя. Например, в 1959 г.

Францию посетит с лекциями еще один видный специалист по истории Древней Руси – Лев Владимирович Черепнин (1905–1977) [4, оп. 1, д. 279, л. 1–17]. В 1960 г. для чтения лекций с Сорбонне по инициативе Практической школы была приглашена член-корреспондент АН СССР Нина Викторовна Пигулевская (1894–1970), один из ведущих мировых экспертов по истории Ближнего Востока и Византии в раннем Средневековье. Лекции предназначались не для студентов, а для ученых, и были посвящены истории Византийского провинциального города на рубеже V–VI вв. (на примере Эдессы), социально-экономическим отношениям в Иране VI в., контактам Византии с Южной Аравией [2, оп. 2, д. 278, л. 98–99].

Что особенно важно, после длительного перерыва дорога во Францию открылась для тех, кто занимался изучением этой страны. Среди них окажется блестящий источниковед и палеограф Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980). И хотя поездка ученого, которая стала невольной свидетельницей «Красного мая» 1968 г., должна стать сюжетом для отдельного исследования, все же нельзя не процитировать ее слова, отражающие отношение Броделя к советской науке. В отчете о поездке она зафиксировала: «Необходимо отметить, что несмотря на достаточно сложную обстановку, президент секции Школы проф[ессор] Бродель в прощальной беседе со мной в октябре настоятельно подчеркивал желание и готовность Школы продолжать и расширять научные и организационные контакты с советскими историками и историческими институтами АН СССР. Он просил меня довести это до сведения директоров институтов. Существенно и то, что все коллеги, с которыми я имела возможность встречаться и беседовать, проявляют живейший интерес к советской исторической науке, расспрашивают об отдельных ученых и их работах, сожалеют о трудностях (языковых), стоящих на пути ознакомления с советскими работами» [2, оп. 2, д. 285, л. 8].

В мае 1958 г. СССР впервые посетил и Фернан Бродель, приехавший вместе со своей супругой Полетт по приглашению АН СССР. В Научном архиве Института российской истории РАН сохранилась предварительная программа приема именитого ученого в Москве и Ленинграде, рассчитанная на 21 день [5, оп. 1, д. 1388, л. 37–38]. В план было внесено посещение научных институций и знаковых туристических мест, вроде

Кремля, Большого театра и Третьяковской галереи. Среди лиц, встречающих французского историка в аэропорту, находим имя М.Н.Тихомирова. Вместе с Михаилом Николаевичем чета Броделей совершила поездку в Загорск для осмотра знаменитой Троице-Сергиевой лавры. Увы, как было уже отмечено исследователями, Бродель почти ничего не публиковал ни об этой, ни о следующих поездках в СССР [39, р.23]¹³. На советских историков визит именитого французского коллеги и его выступления произвели огромное впечатление. Евгения Владимировна Гутнова (1914–1992) писала в своих мемуарах: «Доклады Броделя, очень интересные и совершенно необычные для нас, ставили столько новых интересных вопросов, блистали таким остроумием, что не поддаться его обаянию было трудно» [13, с.314].

М.Н.Тихомиров и чета Броделей на отдыхе в подмосковном лесу.
Май, 1958 г. (Архив РАН. Ф.693. Оп.2. Д.176. Л.1).

Летом 1958 г. французская сторона обратилась в АН СССР с просьбой организовать стажировку в СССР сроком на 2 месяца историков Сильвена Бенсидуна (1918–2010), готовившего диссертацию об аграрной структуре в России с середины XIX в. до 1917 г., и Р.Порталя,

¹³ В последующем Бродель посетит СССР в 1965 и 1967 гг.

изучавшего развитие русской буржуазии в XIX в. Институт истории довольно оперативно отозвался готовностью принять стажеров и оказать им поддержку [1, оп. 1. 1953–1959 гг., д. 156, л. 41–44].

Несмотря на явные и многочисленные успехи, налаживание системы академических обменов оказалось трудной задачей, поскольку было связано с зигзагами международных отношений, идеологическим противостоянием, а порой банальной бюрократической волокитой. Приведем красноречивый пример. 22 апреля 1960 г. Бродель написал Владимиру Григорьевичу Трухановскому (1914–2000), заместителю директора Института истории АН СССР, что опыт лекций Тихомирова и Черепнина оказался положительным и интересным. От лица секции он выражал желание продолжать подобную практику и просил прислать в Париж одного или двух специалистов для чтения лекций в 1960–1961 учебном году: «Пользуясь случаем, хочу подтвердить Вам всю нашу заинтересованность и удовольствие в поддержании и развитии отношений между Школой и Академией наук» [3, оп. 4, д. 683, л. 5]. Однако письмо осталось без ответа, и тогда Бродель попросил Эллера навести через Тихомирова справки о причинах молчания. 12 июля 1960 г. Эллер адресовал этот вопрос Михаилу Николаевичу вместе с копией письма Трухановскому, не преминув заметить: «Нам было бы очень жаль, если бы столь многообещающий обмен историками оказался прерван» [3, оп. 4, д. 683, л. 4]. Описанная ситуация еще раз показывает, сколь важна была в условиях Холодной войны система личных связей с советскими историками, выходящих за рамки официальных институциональных контактов. На основе известных документов пока трудно сказать, чем было вызвано молчание Москвы, как и то, что в итоге ответили французским коллегам. Доподлинно известно, что развитие академических контактов не прервалось, хотя по-прежнему было сопряжено со многими трудностями. И советские, и французские участники интеллектуального взаимодействия прекрасно понимали, что далеко не все мысли можно отражать официально и публично. Профессор Владислав Павлович Смирнов (1929–2020) вспоминал, как, будучи молодым советским стажером, направленным в Париж, он должен был передать Броделю письмо от «невъездного» Виктора Моисеевича Далина (1902–1985), который не хотел доверять свои мысли официальной почте [29, с. 97–98].

Все институциональные контакты по-прежнему находились под контролем советских партийных органов. Осенью 1958 г. по инициативе Французского комитета исторических наук состоялась первая

франко-советская конференция историков. Из опубликованных документов известно, что вопрос о поездке делегации советских историков в Париж решался на уровне ЦК КПСС. В специальной записке за подписью Владимир Алексеевича Кириллина (1913–1999), заведующего Отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС, был отмечен недавний успешный опыт аналогичной советско-британской встречи историков. В ней же отмечалось, что проведение мероприятия совместно с французскими коллегами будет способствовать укреплению двухсторонних связей, а вместе с тем даст возможность советским специалистам представить итоги своих многолетних исследований «на основе марксистской историографии» [6, с. 1071–1072]. Тем не менее прав В.Ю.Афиани, который указал, что хотя советское руководство стремилось сохранить тотальный контроль над международными свя-

М.Н.Тихомиров и чета Броделей в Троице-Сергиевой Лавре. Май, 1958 г. (Архив РАН. Ф.693. Оп.2. Д.176. Л.2).

зьями советских ученых, контакты между советскими и французскими исследователями все равно начали выходить за допустимые границы и стали затрагивать запретные сюжеты [8, с. 89].

И все же не только идеологические фобии и политические стереотипы мешали налаживанию регулярных интеллектуальных связей. Существовали трудности сугубо технического свойства, связанные с состоянием систем коммуникаций, транспорта, паспортно-визовыми формальностями. Показательна ситуация с книгообменом. Так, во время визита в Париж Тихомиров поведал французским коллегам о желании поработать с американским академическим изданием трактата «Практика торговли» флорентийского купца Франческо Пеголотти (1290–1347) [45], важным источником по истории средневековой торговли, а также метрологии и нумизматике. Бродель и Эллер с большим трудом сумели достать экземпляр этой книги для Тихомирова, однако лишь для временного пользования и уже после возвращения советского ученого на Родину [3, оп. 4, д. 129, л. 3]. Эллер переслал книгу в Москву, обозначив, что это единственный экземпляр в его распоряжении и что его предстоит вернуть назад [3, оп. 4, д. 683, л. 3]. В итоге так и было сделано, а благодарный Тихомиров вместе с возвращаемой книгой послал в подарок Эллеру альбом с репродукциями картин русских художников [3, оп. 4, д. 64, л. 1–4]. Столь длинное путешествие из Парижа в Москву и обратно совершила книга, которая в наше время скачивается одним кликом компьютерной мышки.

***

Визит Тихомирова в Париж не состоялся бы без твердой позиции и желания Броделя, равно как и последующие приезды советских ученых. Правда, нужно принять во внимание, что возвращение де Голля к власти в 1958 г. способствовало упрочению позиций Броделя, обладавшего многочисленными связями в голлистских кругах. Показательно, что министерство национального образования Франции начинает приглашать его как советника [47, р. 130]. Успех начинаний Броделя в СССР был также связан с тем, что он «умел ловко играть с ярлыком «прогрессивного» историка, который открывал ему двери» [39, р. 26]. Трудно не согласиться с мнением, что «в условиях международной разрядки сложилось множество более или менее устойчивых контуров академической интернационализации, в то время как разнообразные акторы действовали одновременно, а иногда

и параллельно на академической, дипломатической, административной и филантропической аренах, а также в разных национальных пространствах, чтобы запустить эти динамики» [48, р. 85]. Именно в 1957–1958 гг. было положено начало институционализации советско-французских контактов в сфере исторической науки. Показательно, что осенью 1958 г. в Москве состоялась Первая франко-советская конференция историков, и в том же году началось издание «Французского ежегодника».

В контексте истории советско-французского диалога историков второй половины XX в. визит академика Тихомирова в Париж весной 1957 г. может показаться событием не слишком значительным, ведь напрямую он не положил начала совместным научным проектам, например, в сфере издания исторических источников, не стал стимулом к переводу с русского языка на французский трудов о русском средневековье. Несмотря на интерес к творчеству Тихомирова во Франции, его излюбленная научная проблематика оставалась на периферии интересов французских историков, пропуская далеко вперед изучение истории XVIII–XX вв. Тем не менее значение визита Михаила Николаевича было огромным. Его лекции под сводами Сорбонны, прочитанные на французском языке, символизировали преодоление разрыва в сфере личных и деловых контактов историков, фактически сошедших на нет еще в конце 1920-х гг. Западные коллеги воочию увидели, что советскую историческую науку составляют не только партийные пропагандисты и идеологи. Тихомиров, как уже было сказано, символизировал преемственность с русской дореволюционной исторической наукой, пользовавшейся во Франции большим и искренним уважением. Это давало надежду, что подлинные искания историков продолжают, несмотря на трагические последствия репрессий и идеологический гнет. Поездка академика Тихомирова во Францию, успех его выступлений и теплый прием со стороны коллег открыли дорогу другим историкам, послужили отправной точкой последующих академических обменов.

Библиографический список

1. Архив РАН. Ф.457.
2. Архив РАН. Ф.579.
3. Архив РАН. Ф.693.

4. Архив РАН. Ф.1791.
5. Научный архив Института российской истории РАН. Ф.1.
6. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991. Т.2. 1952–1958 / Отв. сост. В.Ю.Афиани, В.Д.Есаков. М.: РОССПЭН, 2010. 1279 с.
7. Артизов А.Н. Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939). Материалы о жизни и деятельности // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С.110–123.
8. Афиани В.Ю. Франция в культурной и интеллектуальной жизни СССР в 1950-е-1960-е гг. // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке / Под ред. А.О.Чубарьяна, Ф.-Д.Лиштенан, С.Кере, О.В.Окуновой. М.: ИВИ РАН, 2013. С.83–100.
9. Бухерт В.Г. «Это был настоящий представитель науки, не конъюнктурщик, а ученый, стремившийся к истине». А.Л.Сидоров об академике М.Н.Тихомирове. 1965 г. // Исторический архив. 2021. №3. С.88–94.
10. Гордон А.В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада // Французский ежегодник – 2007. М., 2007. С.215–255.
11. Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
12. Груздинская В.С., Комочев Н.А., Мельников А.В. «Вероятно, я никогда не привыкну к академической среде...»: дневниковые записи М.Н.Тихомирова за 1947–1948 гг. // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2021. №2. С.155–167.
13. Гутнова Е.В. Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
14. Данилова О.С. Пьер Паскаль в зеркале историографии: обзор российских и французских исследований // Французский ежегодник – 2011. М., 2011. С.393–411.
15. Емельянов Е.П. Влияние советской историографии на зарубежную русистику на примере творчества Н.В.Устюгова и Р.Порталя // Известия Уральского федерального университета. Сер.3. Общественные науки. 2015. №4 (146). С.24–29.
16. Ковалев М.В. В.М.Жирмунский в Венгрии, 1962 г.: из истории научных связей // Славянский альманах. 2021. №1–2. С.452–476.
17. Ковалев М.В. «...Предвзятый подход к научной проблеме едва ли может способствовать ее серьезному изучению». Переписка А.А.Амальрика с датским профессором А.Стендер-Петерсеном (1961 г.) // Отечественные архивы. 2021. №5. С.95–107.
18. Ковеля В.В. Воспоминания М.Н.Тихомирова за 1930–1960-е гг. // Русский сборник. Т.7. Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского, 2013. С.203–210.
19. Ковеля В.В. М.Н.Тихомиров и его научное наследие: развитие научных концепций и влияние политико-идеологического фактора. Дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2016. 287 с.

20. Комочев Н.А., Мельников А.В., Тихонов В.В. «Не сердитесь за неаккуратность в письмах». Письма М.Н.Тихомирова к А.П.Пронштейну. 1949–1964 гг. // Исторический архив. 2020. №4. С. 124–143.

21. Комочев Н.А., Мельников А.В., Тихонов В.В. «Спешу дать отчет о своей жизни»: письма В.А.Александрова М.Н.Тихомирову. 1943–1965 гг. // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций / Отв. ред. С.А.Лиманова. М.: Архив РАН, 2020. С. 163–191.

22. Курсы валют за период до 01.07.1992 [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/currency_base/OldVal/ (дата обращения: 10.11.2021).

23. Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. «Урал в XVIII в.» Р.Портала и французская историография середины XX в. // Методология, теория и методика гуманитарных исследований. Материалы региональной научной конференции. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет имени М.Акумулы, 2002. С. 35–37.

24. Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф. О французских исследованиях по истории Южного Урала // Уральский исторический вестник. 2016. №3 (52). С. 122–129.

25. Матханова Н.П., Титова Л.В., Юдин А.А. Переписка В.И.Мальшева и М.Н.Тихомирова о сохранении памятников письменности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. №8. С. 126–137.

26. Осипов Е.А. Франко-советский СЕКАМ: от амбициозных планов к реальности (по материалам архива МИД Франции) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т.12. Вып. 11 (109). URL: <https://history.jes.su/s207987840017637-9-1/>

27. Постановление Совета министров СССР от 5 июня 1957 года №660 «Об оплате труда работников науки» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750457> (дата обращения: 12.12.2021).

28. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. СПб.: Университетская типография, 1887. 824 с.

29. Смирнов В.П. Фернан Бродель: жизнь и труды // Французский ежегодник 2002. М., 2002. С. 79–100.

30. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989 / Под ред. О.С.Нагорной. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 446 с.

31. Тихонов В.В. Фолк-историография. Рец.: Володихин Д.М. Русский историк Михаил Николаевич Тихомиров. М. – Севастополь: ИПО «Радетель», «Шико-Севастополь», 2018. 148 с. [Электронный ресурс] // Историческая экспертиза. URL: <https://www.istorex.ru/post/тихонов-в-в-фолк-историография-рец-володихин-д-м-русский-историк-михаил-николаевич-тихомиров>

32. Формозов А.А. О Татьяне Сергеевне Пассек // *Российская археология*. 2003. №3. С.156–165.
33. Шалимов С.В. Советско-французские научные связи в области биологии во второй половине 1960-х гг. // *Социология науки и технологий*. 2019. Т.10. №3. С.44–55.
34. Шаховской Д.М. М.Н.Тихомиров в Париже // *Археографический ежегодник за 1993 год*. М., 1995. С.32.
35. Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. Тихомировские традиции М.: Языки славянских культур, 2012. 462 с.
36. Alexandre D., Poliakov L., Braudel F. Villes et marchands de la “Russie féodale” d’après quelques articles et livres russes // *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations*. 1957. №1. P.127–131.
37. Aymard M. In Memoriam Clemens Heller (1917–2002) // *Social Science Information*. 2003. Vol.42. №3. P.283–287.
38. Cœuré S. Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme. Lausanne: Les Éditions Noir sur Blanc, 2014. 415 p.
39. Cœuré S. Économie-monde et civilisation russe selon Fernand Braudel. Un dialogue entre historiens français et soviétiques // *Revue de Synthèse*. 2019. Vol.139. №1–2. P.9–36.
40. Dominique S. Le russe dans l’enseignement supérieur en France, de l’entre-deux-guerres à la fin des années 1970: enjeux institutionnels, disciplinaires et politiques. Thèse de doctorat d’Histoire et civilisations. Paris: Université de Paris, 2020. 870 p.
41. Écrire l’histoire par temps de guerre froide: Soviétiques et Français autour de la crise de l’Ancien régime / Sous la direction de S.Aberdam et A.Tchoudinov. Paris: Société des études robespierristes, 2014. 310 p.
42. Gomart T. Double détente. Les relations franco-soviétiques de 1958 à 1964. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2003. 494 p.
43. Kwaschik A. Transatlantic Exchanges: Fernand Braudel, the Rockefeller Foundation and the Cold War Origins of the Center for Area Studies in Paris // *La Guerre froide et l’internationalisation des sciences / Sous la dir. C.Defrance, A.Kwaschik*. Paris: CNRS Éditions, 2016. P.71–90.
44. Le Professeur Tikhomirov // *L’Humanite*. 1957. 4 Avril. №3915. P.2.
45. Pegolotti F.B. La pratica della mercatura / Ed. By A.Evans. Cambridge, Mass. Medieval Academy of America, 1936. 443 p.
46. Popa I. Aires culturelles et recompositions (inter)disciplinaires La 6e section de l’EPHE et les études sur l’espace russe, soviétique et est-européen // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2015. №210. P.60–81.
47. Popa I. International construction of area studies in France during the Cold War: Insights from the École Pratique des Hautes Études 6th Section // *History of the Human Sciences*. 2016. Vol.29. №4–5. P.125–150.

48. Popa I. *Diplomaties culturelles occidentales en conjoncture de détente. Le lancement d'un programme d'échanges académiques Est-Ouest à la 6e Section de l'EPHE // Relations internationales*. 2017. № 1. P.69–86.

49. Portal R. *La Russie industrielle de 1881 à 1927*. Paris: Centre de documentation universitaire, 1956. 190 p.

50. Rey M.-P. *La Tentation du rapprochement. France et URSS à l'heure de la détente (1964–1971)*. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1991. 356 p.

51. Richmond Y. *Cultural Exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain*. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2003. 320 p.

52. Tikomirov, Mikail Nikolaïevitch // *Répertoire international des médiévistes / Mis en oeuvre par P.Gallais, B.Plumail, Y.-J.Riou*. Poitiers: Université de Poitiers, 1965. 718 p.

53. Tournès L. *Sciences de l'homme et politique. Les Fondations philanthropiques américaines en France au XXe siècle*. Paris: Garnier, 2011. 412 p.

54. *Une école pour les sciences sociales: De la VIe Section à l'École des Hautes Études en Sciences Sociales / Sous la dir. J.Revel et N.Wachtel*. Paris: EHESS, 1996. 554 p.

Первыми предатели
продают себя самих.

Плутарх

Предательство, может, кому
и нравится, а предатели
ненавистны всем.

Мигель де Сервантес

Игорь Татаринов

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА.

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ УКРАИНСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

94(470)+94(477) «1941/45»

В статье автор освещает некоторые вопросы, связанные с причинами украинского коллаборационизма, а также с особенностями поиска и предания суду советскими органами государственной безопасности военных преступников и коллаборационистских элементов в годы Великой Отечественной войны. В основу легли неизвестные научной общественности документы, хранящиеся в архивных учреждениях Донбасса, и различные ранее опубликованные материалы известных отечественных исследователей. Автор подчеркивает, что работа советских органов госбезопасности по установлению злодеяний и поиску военных преступников и нацистских пособников протекала системно и высокопрофессионально. Итогом их деятельности стало довольно значительное количество найденных и преданных суду военных преступников и коллаборационистов. Эта работа укрепляла веру советских граждан в неотвратимость и справедливость наказания за совершенные нацистами и их прислужниками преступления.

In the article, the author highlights some issues related to the reasons for Ukrainian collaboration, and peculiarities of the search and trial by Soviet state security agencies to war criminals and collaborationist elements during the Great Patriotic War. It was based on unknown documents to the scientific community, stored in the archival institutions of Donbass, and various previously published materials of famous domestic researchers. The author emphasizes that the work of the Soviet state security agencies to establish atrocities and search of war criminals and Nazi accomplices proceeded systematically and highly professionally. The result of their activities was a fairly significant number of war criminals and collaborators found and put on trial. This work strengthened the faith of Soviet citizens in the inevitability and justice of punishment for the crimes committed by the Nazis and their minions.

Ключевые слова: УССР; Донбасс; Великая Отечественная война; военные трибуналы; коллаборационизм; военные преступники; предатели.

Key words: Ukrainian SSR; Donbass; Great Patriotic War; military tribunals; collaborationism; war criminals; traitors.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Краткая историография вопроса Вот уже более восьмидесяти лет вопрос установления и розыска нацистских преступников и их пособников, на которых лежит вина в преступлениях против человечества, остается в центре внимания многих ученых и общественности разных стран. В уничтожении славянского населения, евреев, цыган и представителей многих других национальностей активное участие принимали как немецко-фашистские оккупанты, так и их пособники из числа различных коллаборационистских структур, массово создаваемых нацистами, в том числе и для участия в карательных акциях. Совершенно очевидно, что эти не имеющие срока давности чудовищные преступления, как беспрецедентное проявление зла, нельзя просто оставить в прошлом и предать забвению.

В годы существования СССР в советской историографии отмечалось некоторое смещение исследовательских акцентов в сторону изучения военных преступлений, совершенных на оккупированной территории немецко-фашистскими извергами. В свете построения в СССР многонационального федеративного советского государства, в основе которого лежала «концепция дружбы народов», специальные исследования, проливавшие свет на участие в этих злодеяниях местных, прежде всего, украинских коллаборационистов, мягко говоря, «не приветствовались», а многие архивные данные были попросту недоступны широкой научной общественности. Лишь после 1991 года стали появляться работы, в которых эта ранее негласно табуированная тема, стала предметом более глубоких исследований.

В настоящее время представляется возможным дать более широкий анализ исследуемого в этой статье явления. На сегодняшний день сложился довольно внушительный историографический массив работ, основной акцент в которых сделан на анализе различных проявлений коллаборационизма на оккупированных врагом советских территориях в годы Великой Отечественной войны. Прежде всего, отметим таких признанных исследователей этого явления, как М.И.Семиряга [21] и Б.Н.Ковалев [14]. Военный коллаборационизм нашел также отражение в работах С.И.Дробязко [9–10] и А.В.Огорокова [18]. Отметим работы А.Е.Морина [17], А.Е.Епифанова [11–12] и совместную публикацию В.А.Македонской и Т.Д.Швец [15], предметно исследовавших уголовное преследование нацистских преступников и работу советских правоохранительных органов по установлению и расследованию военных преступлений на оккупированных советских территориях. Отметим также работы некоторых донбасских исследователей [16; 23–24].

В то же время следует признать, что при значительном количестве работ, в них весьма фрагментарно проанализированы собственно сами особенности поиска и предания суду советскими органами государственной безопасности военных преступников и коллаборационистских элементов, совершавших свои преступления в годы Великой Отечественной войны непосредственно на оккупированной территории Донбасса. Настоящую публикацию следует считать попыткой частично заполнить существующий дефицит подобного рода исследований.

Предатель или жертва обстоятельств?

Вопросы природы и источников коллаборационизма вызывают у исследователей споры уже не один десяток лет. В словаре иностранных слов современного русского языка коллаборационистом (от франц. Collaboration – сотрудничество) именуется человек, который добровольно сотрудничает с захватчиками, оккупировавшими его родную страну [22, с.330]. Профессор Гарвардского университета Стэнли Хоффман разделяет такое сотрудничество на involuntary – непроизвольное (неохотное признание необходимости) и voluntary – добровольное (попытка эксплуатации необходимости). Выделяя намеренную службу врагу и коллаборационизм в форме сотрудничества с иностранной (военной) силой, он рассматривал ее в качестве двигателя некоторых желательных преобразований в своей стране [25, р.375–395].

Известный отечественный исследователь этого явления профессор М.И.Семиряга в своем фундаментальном исследовании «Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны» выделял административный, бытовой, военно-политический и экономический коллаборационизмы. Важно отметить его акцент на соединении военного и политического коллаборационизма, поскольку такая вооруженная борьба была очень тесно связана с идеологическими мероприятиями по привлечению к борьбе с собственным правительством. Комплекс взаимоотношений и различных форм сотрудничества между местным населением и оккупационными властями составлял, по его мнению, сущность коллаборационизма [21, с.5].

Другой известный исследователь – профессор Б.Н.Ковалев считает, что термин «коллаборационист» в качестве «обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом», стал применяться лишь относительно недавно [14, с.9]. Саму «деятельность коллаборационистов, взявших в свои руки оружие или

предложивших оккупантам свой интеллектуальный потенциал», следует трактовать в качестве измены Родине, «как в уголовно-правовом, так и в нравственном смысле этого понятия» [14, с.366]. При этом он отмечает вынужденность таких действий для многих жителей оккупированных территорий, именуя это «коллорационизмом выживания» [14, с.366].

Украинские же авторы, в силу политической конъюнктуры и в свете государственного курса на героизацию местных коллаборационистов, не считают уместным применять указанные выше трактовки к ситуации, сложившейся на Украине в годы Великой Отечественной войны. Более того, сам термин «Великая Отечественная война» также не рекомендуют применять, подменяя его в научном и общественно-политическом пространстве на «Вторая мировая война». В качестве аргументов они выдвигают тезис об отсутствии среди украинцев собственного государства на момент начала Второй мировой войны. К тому же, по их мнению, большинство украинцев, обвиненных в коллаборационизме, якобы не имели советского гражданства либо не считали себя коллаборантами [7]. Однако здесь важно отметить, что на 22 июня 1941 года подавляющее большинство украинцев уже были в подданстве СССР, Польши, Чехословакии или Австрии, т.е. были гражданами стран, территории которых были оккупированы врагом – Третьим рейхом. Следовательно, сотрудничество в различных формах с нацистскими оккупационными властями вполне укладывается в современное определение коллаборационизма.

Исследуя природу украинского коллаборационизма, который, без сомнения, имел свои особенности, следует выделить ряд факторов. Как известно, в немецких концлагерях, особенно в начальный период войны, содержалось довольно значительное количество советских военнопленных украинского происхождения. Многие из них в силу болезней, голода, угроз, психологического давления и элементарного желания выжить ставали на путь сотрудничества с нацистами. Кроме этого, среди украинцев, особенно западных, присутствовали русофобия и антисемитизм, которые оккупанты часто использовали в качестве аргументов в своей пропаганде. Отметим также имевшиеся у определенной части пошедших на службу врагу украинцев антисоветские настроения.

В отечественных архивных учреждениях хранится масса неизученных и практически неизвестных широкой научной общественности документов, связанных с преступной деятельностью различных коллаборационистских элементов. В частности, заслуживают внимания документы фонда П-1790 Государственного архива ЛНР, собранные в архивное дело под №262-а «Обзор о ставленниках и пособниках немецких оккупантов,

действовавших в районах Ворошиловградской области в период временной оккупации немецкими войсками (июль 1942 – январь 1943 г.)» [8]. Там приводятся весьма интересные данные и выводы следственных органов относительно форм и методов, применявшихся врагом для привлечения на свою сторону пособников из числа населения оккупированных районов Ворошиловградской области Украинской ССР (ныне – Луганская Народная Республика).

В частности, органами военной прокуратуры Ворошиловградской области совместно со следственными органами был установлен ряд примечательных закономерностей. Так, «для предательской деятельности на административных и административно-хозяйственных должностях немцы используют, прежде всего, активных врагов советской власти, изъявляющих добровольно служить немцам. В поисках кандидатур на ту или иную предательскую должность, немцы останавливаются на кулаках, выходцах из кулацких семей, белогвардейцах, судимых и др. лицах, репрессированных советской властью» [3, л. 6]. Уже в первые месяцы после освобождения области из числа преданных суду коллаборационистов на кулаков и выходцев из кулацких семей пришлось 22 человека, а на судимых и «подвергшихся другим репрессивным мерам со стороны советской власти – 33 чел.» [3, л. 6].

Следует заметить, что именно среди таких «недовольных» немецкий оккупационный режим находил себе массу добровольных помощников, комплектуя ими различные военизированные коллаборационистские структуры. Этому способствовала также вера некоторой части населения Украины в распространяемые немцами слухи о своей поддержке «скорой украинской независимости». Типичным примером такого добровольного сотрудничества является формирование в 1943 г. 14-й (Украинской) Гренадерской дивизии СС «Галичина», куда в течение полутора месяцев с момента объявления набора записалось более 80 тыс. западно-украинских добровольцев. Интересны царившие в то время на Западной Украине настроения, о которых в своих мемуарах говорил член ОУН-М¹ З.Кныш: «Все украинцы были германофилами в том смысле, что хотели немецкой победы над большевиками и с той победой связывали свои надежды на освобождение и государственное возрождение Украины. И украинцы были если не действительными, то потенциальными коллаборантами в том смысле, что готовы были по возможности своих сил

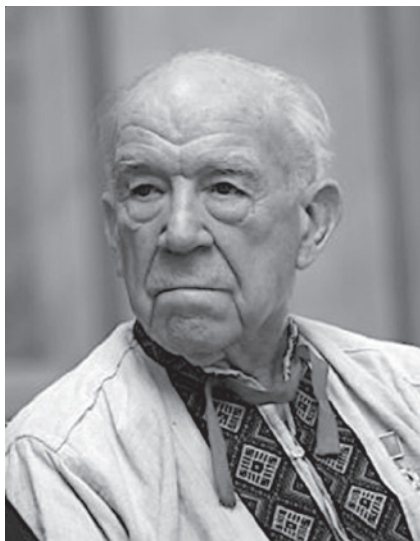
---

¹ ОУН-УПА – Экстремистская организация, запрещенная в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 г.

помогать немцам до момента поражения СССР и свержения большевистской системы» [8, с. 254].

Примечательна также личность главного редактора украинской коллаборационистской газеты «Нове життя», издававшейся в период оккупации Ворошиловграда – профессора местного пединститута, и как позднее выяснило следствие, – члена ОУН-Б² Максима Бернацкого. Из материалов его уголовного дела следует, что он был завербован в августе 1942 г. неким лицом, скрывавшимся под псевдонимом «Евген». Следствие не смогло установить его личность, однако вероятнее всего, речь шла о Евгении Стахове – руководителе бандеровского подполья на Донбассе. Он оставил Бернацкому изданные во Львове и Кракове материалы ОУН, предложив стать редактором газеты «Нове життя». По словам «Евгена», газета должна была отражать интересы украинского народа и националистического движения. А пост редактора украинской газеты принес бы огромную пользу в распространении идей национализма, объединяя вокруг газеты преданных идеям ОУН людей [5, л. 24–25].

В октябре 1942 г. на базе редакции был создана областная ячейка ОУН-Б во главе с Бернацким, куда вошли еще трое сотрудников газеты, также явно выраженных антисоветчиков и антисемитов. Редакция стала штаб-квартирой местных бандеровцев, которые распространяли среди населения националистическую литературу, листовки, бюллетени ОУН и украинские газеты из западно-украинских городов. В ОУНовское подполье Бернацкий вербовал, руководствуясь указаниями бандеровца «Евгена» [5, л. 112–113]. Акцентировалось внимание на привлечении людей националистически настроенных и антисоветчиков. В целях беспрепятственного перемещения по территории области эмиссаров

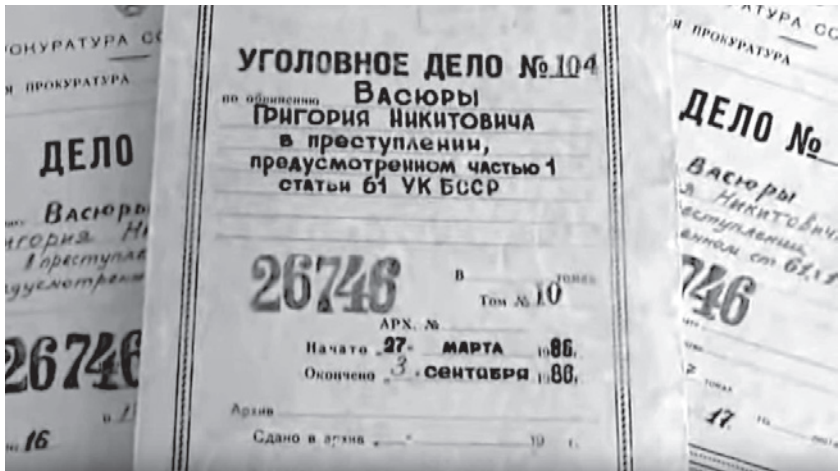

Евгений Стахов / укр. Євген Стахів (1918–2014) руководитель ОУН-Б на Донбассе

² ОУН-УПА – Экстремистская организация, запрещенная в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 г.

ОУН-Б Бернацкий выдал им удостоверения сотрудников газеты «Новое життя». Некоторые из них позднее поступили на службу в местную полицию.

Отдельно отметим чудовищные преступления украинских полицейских коллаборационистских военизированных формирований на территории Белоруссии, в частности – 118-го охранного батальона полиции. Его сформировали в Киеве летом 1942 г. из отдельных частей 115-го украинского полицейского батальона и военнопленных Красной Армии. Согласно донесению командира 118-го батальона майора Э. Кернера, в конце марта 1943 г. 118-й батальон находился в районе Логойска – Плещениц [6, л. 62–63] и 22 марта принял участие в уничтожении 149 мирных жителей деревни Хатынь совместно с батальоном (зондеркомандой) СС «Дирлевангер». В декабре 1986 г. на закрытом процессе в Минске по делу начальника штаба батальона, этнического украинца из г. Чигирин Г. Васюры, бывшие военнослужащие 118-го батальона признались в своем участии в уничтожении Хатыни [19].

Уголовное дело №104 управления КГБ Гродненской области против Григория Васюры

Отметим значительное количество украинской полиции, действовавшей на территории оккупированной Белоруссии. Полицейские части находились в оперативном подчинении начальника полиции сектора «Центральная Россия» Э. фон дем Бах-Залевски. Там же одной из сотен (рот) 201-го охранного батальона полиции командовал гауптман Роман

Шухевич – будущий глава УПА³ и нынешний герой Украины. Аналогичной жестокостью полицейские-коллаборационисты отметились при массовых расстрелах десятков тысяч военнопленных РККА, украинцев, русских, евреев в Бабьем Яру г. Киева. Сегодня, вероятно, уже невозможно выяснить, сколько именно коллаборационистов пошли на службу к врагу осознанно, а сколько вынужденно. Однако это ни в коем случае не отменяет того факта, что многие из них совершали военные преступления, зверства и различные злодеяния против мирных граждан, за которые они обязаны понести заслуженное наказание.

Как видим, формы и методы, которые практиковали немецко-фашистские захватчики для привлечения на свою сторону пособников из числа местного населения, были весьма разнообразны. Органы государственной безопасности Ворошиловградской области выяснили, что на Донбассе «для предательской деятельности враг чаще всего использовал лиц ...из числа активных врагов советской власти, изъявляющих желание служить немцам. В поисках кандидатур на ту или иную предательскую должность, немцы останавливаются на кулаках, выходцах из кулацких семей, белогвардейцах, судимых и др. лиц, репрессированных советской властью» [4, л.36]. Среди украинцев активно пропагандировались русофобия и антисемитизм, что также становилось побудительным мотивом в решении пойти на службу к нацистам. Интересно заметить, что среди коллаборационистов, занимавших в оккупационных структурах административные или административно-хозяйственные должности, на долю кулаков и выходцев из кулацких семей приходилось около половины преданных позднее советскому суду пособников. Тогда, как вторую половину составляли «судимые и подвергшиеся другим репрессивным мерам со стороны советской власти» [4, л.37].

«Разыскивается изменник Родины и непосредственный участник убийств и истязаний советских граждан...»

Победа в Сталинградской битве знаменовала коренной перелом в Великой Отечественной войне и начало освобождения оккупированных врагом советских территорий.

В январе 1943 г. началось освобождение Донбасса, а 14 февраля войсками 3-й гвардейской армии под командованием генерал-лейтенанта Д. Лелюшенко был освобожден областной центр – г. Ворошиловград. В первые же месяцы после освобождения от немецко-фашистских захватчиков на этих территориях развернули свою деятель-

³ ОУН-УПА – Экстремистская организация, запрещенная в Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2014 г.

ность органы НКВД–НКГБ СССР и Прокуратуры СССР. На основании Инструкции «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников», одобренной СНК СССР 17 июня 1943 г., органам военной прокуратуры при содействии командного состава РККА предписывалось проведение ряда специальных мероприятий. Речь шла об установлении и расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников [20, с.20–21].

Перед советскими правоохранительными органами на освобожденных территориях встали задачи по выявлению агентов немецких спецслужб, участников различных коллаборационистских формирований и структур, специально оставленных на советской территории, а также по установлению фактов злодеяний нацистских преступников и их пособников. Уже в начале 1943 г. советские военные трибуналы провели первые судебные процессы над немецко-фашистскими преступниками и их пособниками из числа советских граждан. Поиском преступников и расследованиями военных преступлений занимались советские органы контрразведки, госбезопасности, внутренних дел, военной и территориальной прокуратуры. На районы боевых действий и прифронтовую полосу, к которым в 1943 году относилась Ворошиловградская область, распространялась компетенция военной прокуратуры и контрразведки [17, с.503]. Уже за март – апрель 1943 г. военная прокуратура утвердила направление в военные трибуналы войск НКВД «376 уголовных дел на 450 человек – немецких ставленников и пособников, а также агентов немецкой полиции и разведки» [3, л. 1].

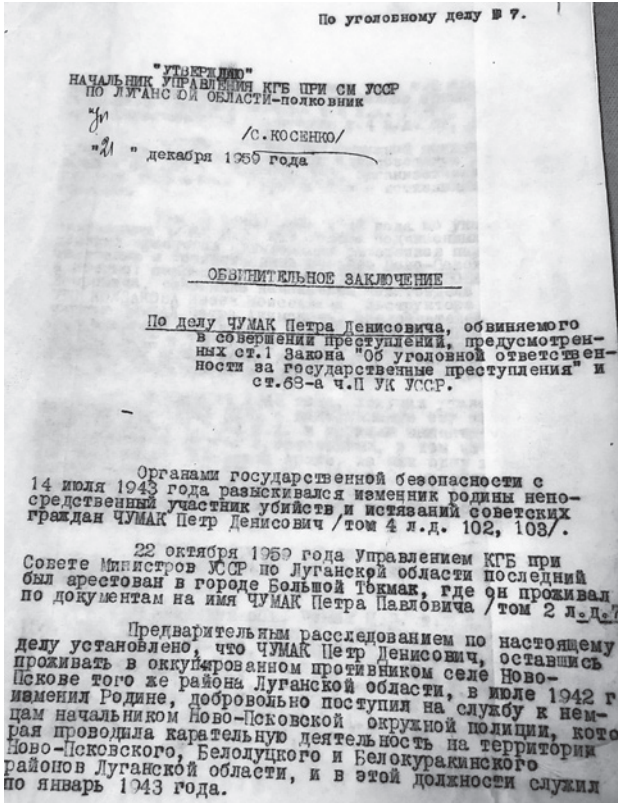
В кратчайшие сроки к уголовной ответственности были привлечены: «руководящие работники в организованных оккупантами городских структурах – 14 человек, руководящие работники в организованных оккупантами районных структурах – 11 чел.; фашистские старосты – 74; заместители и помощники старост – 8; управляющие так называемых имений – 7; бригадиры, инспекторы – 19; руководящие работники полиции / начальники полиции / заместители / старшие полицейские – 18; полицейские – 163; предатели – 33; агенты немецкой полиции – 10, шпионы / агенты разведки – 23; добровольцы немецкой армии – 11; корреспонденты фашистских газет – 3; учителя, агрономы и другие специалисты, перешедшие на службу к немцам – 8; писари, переводчики, машинистки и пр. мелкие служащие фашистских учреждений – 23; прочие пособники – 23 чел.» [3, л. 1–2]. В этом отчете, подписанном Военным прокурором войск НКВД Ворошиловградской области майором юстиции Отришко, утверждается, что «подавляющее большинство

изменников находились у немцев на административных должностях – так называемые старосты и полицейские. Это обстоятельство является прямым отражением создаваемого немецкими оккупантами порядка в оккупированных советских районах» [3, л. 2].

Примечательно, что в отношении ряда пособников из числа кулаков советское правосудие применяло меры наказания вплоть до расстрела. В связи с этим приведем в качестве примера участь предателя И.И. Дуракова. Было установлено, что он «после раскулачивания и отбытия наказания по приговору народного суда / был судим за саботаж хлебопоставок / проживал постоянно в г. Ворошиловграде. В с. Белолуцк Дураков прибыл вслед за немцами и был назначен старостой села. Как немецкий ставленник он развил активную деятельность в помощь немцам, предал более 10 человек коммунистов. Особо активную деятельность проявил в направлении восстановления в правах бывших кулаков, создав и возглавив так называемую тройку по оказанию помощи кулацким хозяйствам, возвращая им дома и имущество, находившиеся в пользовании колхоза и колхозников» [3, л. 7]. Как закономерный итог предательской деятельности, 1.04.1943 г. Военный трибунал войск НКВД Ворошиловградской области признал Дуракова виновным по статье 54–1 п. «а» Уголовного кодекса УССР и приговорил его к расстрелу [3, л. 7].

Однако при расследовании злодеяний оккупантов и их пособников в упомянутом выше Белолуцком районе, а также на территории Ново-Псковского и Белокуракинского районов, особое внимание следственных органов привлекла личность некоего Петра Чумака, этнического украинца, уроженца с. Пески Ново-Псковского района Ворошиловградской области. В его уголовном деле сказано, что «органами государственной безопасности с 14 июля 1943 года» [1, л. 1] было установлено, что в июле 1942 г. он «изменил Родине, добровольно поступил на службу к немцам начальником Ново-Псковской окружной полиции, которая проводила карательную деятельность на территории Белолуцкого, Ново-Псковского и Белокуракинского районов... и в этой должности служил по январь 1943 года» [Там же]. Следователи выяснили, что «будучи начальником окружной полиции ...Чумак П.Д. проводил активную антисоветскую деятельность против партизан и коммунистов, организовывал и непосредственно участвовал в расстрелах и истязаниях советских граждан» [1, л. 2].

Удалось установить, что уже в первые дни оккупации Донбасса врагом, «в конце июля 1942 года по указанию оккупантов Чумак П.Д. при помощи подчиненных ему полицейских арестовал руководящих работников партийных, советских и хозяйственных органов Ново-Псковского

Начальная страница из дела на изменника Родины Чумака Петра Денисовича

района: секретаря райкома партии Литвинова Иосифа Егоровича, помощника начальника политотдела Осиновской МТС Колпакова Ивана Моисеевича, инструктора райкома партии Цымбал Петра Акимовича, председателей Ново-Псковского и Роговского сельсоветов Ковалева Федота Михайловича и Терещенко Герасима Ефимовича, Должкова Александра Захаровича, председателя колхоза Воловик Гаврила Гавриловича и других, около 40 человек» [1, л.2].

Показания свидетелей позволили установить, что по приказу немецких оккупационных властей, 4 августа 1942 г. П.Чумак совместно с подчиненными ему полицейскими «Сокирко В.С., Каруна И.И. и другими, вышеперечисленных коммунистов и других арестованных, в том числе двух военнопленных Советской Армии, из них одну женщину – военфельдшера

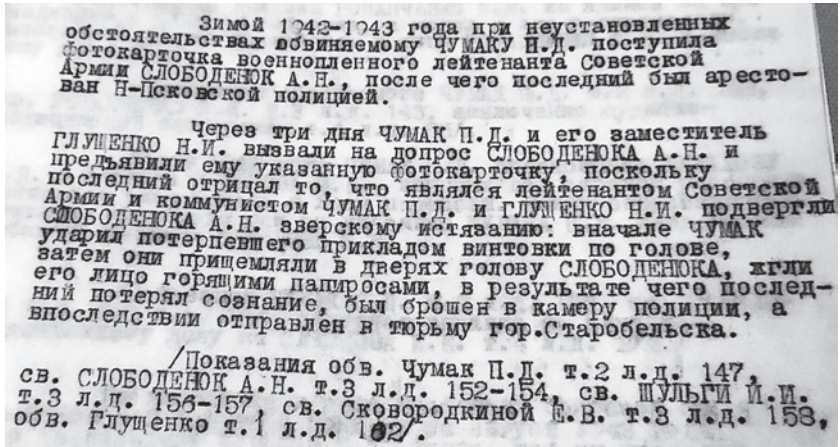
Падалка М.Ф., всего 22 арестованных, отконвоировал на расстрел на берег реки Айдар, в район нефтебазы с. Ново-Псков, где все они были расстреляны оккупантами. В целях скрытия следов преступления Чумак П.Д. дал указание полицейским зарыть в траншею трупы расстрелянных» [1, л.2].

В желании выслужиться перед оккупантами, Чумак и его подручные-полицейские применяли жестокие пытки в отношении местных партизан. В частности, «когда в ночь на 5 октября 1942 года сельские полицейские начали аресты участников партизанской группы под командованием красноармейца Н.Игнатенко, утром туда прибыл Чумак с оккупантами и на автомашине доставил арестованных в Ново-Псковскую полицию... Путем жестоких истязаний всех участников группы Чумаку П.Д. удалось установить место хранения оружия, которое было изъято полицией, характер деятельности и состав группы» [1, л.3]. В частности, свидетели Лунев Д.В. и Пшеничная С.А. на следствии показали, что допрашиваемых избивали по голове и туловищу, используя различные металлические предметы, плеть и рукоприкладство. Неудивительно, что после таких допросов многие обвиняемые теряли сознание, приходя в себя только в камере. В этих зверствах принимал личное участие П.Чумаком связан и лично «доставлен на санях в итальянскую военную комендатуру с. Белокуракино, где ...был расстрелян подчинявшимися Чумаку П.Д. полицейскими и итальянцами» [1, л.4].

Следует заметить, что оккупанты возлагали на местных коллаборационистов-полицейских множество функций, среди которых борьба с советским подпольем и партизанами занимала важнейшее место. В частности, в декабре 1942 года полицейскими Белолуцкой райполиции во главе с П.Чумаком «были арестованы в с. Белолуцк участники подпольной партизанской организации» в количестве 14 человек» [102, л.4]. По указанию П.Чумака арестованных отконвоировали в Ново-Псковскую окружную полицию. Свидетельскими показаниями установлено, что на допросах подпольщики «подвергались истязаниям, а затем по указанию оккупантов Чумак П.Д. на автомашине вывез их на берег реки Айдар, в район нефтебазы с. Ново-Псков, где советские патриоты Скамин-Графов И.С., Чернышева М.Ф., Дуракова М.Д., Ярошенко В.М., Ульченко А.С., Ткаченко Т.И., Шевцов И.И. и Платонова Е. были расстреляны по команде Чумака П.Д. подчиненными ему полицейскими Чижовым М.В. и Бельским А.А.» [1, л.5].

Чудовищные зверства полицаяв продолжились зимой 1942–43 гг., когда «при невыясненных обстоятельствах Чумаку П.Д. поступила фотокарточка военнопленного лейтенанта Советской Армии Слободенюк А.Н., после чего последний был арестован Ново-Псковской по-

лицией» [1, л. 6]. На допросах пленный советский офицер подвергался систематическим истязаниям. Так, П. Чумака вместе с подручными избивали его «прикладом винтовки по голове, затем прищемляли в дверях голову А. Слободенюка, жгли его лицо горящими папиросами, в результате чего последний потерял сознание, был брошен в камеру полиции, а впоследствии отправлен в тюрьму гор. Старобельск» [1, л. 6].

Фрагмент из дела П.Чумака, описывающий факты его зверств по отношению к советским военнопленным

Кроме того, в материалах уголовного дела на П. Чумака имеется достаточно обличающих его преступную деятельность документов не только касательно его зверств и истязаний по отношению к подпольщикам-партизанам, работникам партийных, советских и хозяйственных органов и мирным советским гражданам. Не избежала издевательств даже жена П. Чумака – Мыщик Р.А. В частности, «осенью 1942 года в своей квартире он стрелял из пистолета в свою жену, Мыщик Р.А., имевшую ребенка месячного возраста, и этим выстрелом он ранил в ногу свидетеля Калиниченко А.Ф.» [1, л. 7]. На следствии эти факты также были подтверждены показаниями свидетелей Мыщик Р.А. и Калиниченко А.Ф.

О неотвратимости и некоторых особенностях наказания коллаборационистов

Преступный путь коллаборациониста, начальника Ново-Псковской окружной полиции П. Чумака продолжился и после изгнания нацистов

с территории Ворошиловградской области. Вместе с отступившими оккупантами он бежал в немецкий тыл, «боясь ответственности за участие в злодеяниях» [1, л.8]. Примечательно, что этот преступник в 1944 году оказался на территории Австрии, по его собственным показаниям, «чтобы приспособиться к немцам и поставить себя в более привилегированное положение в отношении других советских граждан, он сообщил при регистрации, что его родители были немцы, в связи с чем его зачислили к категории лиц, которых гитлеровцы называли фольксдойч» [1, л.8]. Лишь в 1946 году он вернулся в Советский Союз в рамках репатриации.

Сотрудники государственной безопасности выяснили, что репатрированный П.Чумак «в целях затруднения его розыска, стал проживать по документам на имя Чумак Петра Павловича, уроженца гор. Большой Токмак Запорожской области, где он проживал до дня ареста. Проживая после этого в г. Большой Токмак, Чумак П.Д. не стал на путь честной трудовой жизни. Работая в системе потребительской кооперации, пьянствовал, занимался присвоением общественного имущества, за что был судим по ст. 4 Указа от 4.06.1947 г. "Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества" 28 апреля 1952 года к 20 годам и 28 мая 1952 года к 8 годам заключения в ИТЛ, откуда возвратился в 1957 году по амнистии и зачетом рабочих дней» [1, л.8–9]. Очевидно, следственные органы на момент осуждения П.Чумака за экономические преступления не располагали достоверными сведениями о его коллаборационистской деятельности, зверствах и убийствах в годы Великой Отечественной войны.

Некоторое время Чумак продолжал вести жизнь по фальшивым документам на своего однофамильца. После освобождения из ИТЛ по амнистии он в июле 1959 года устроился на работу «заготовителем рабкооп совхоза "Запорожский", проживал в Запорожской области в гор. Большой Токмак, ул. Володарского №255» [1, л.9]. Тем временем органы государственной безопасности проводили активные оперативно-розыскные мероприятия по установлению местонахождения нацистских преступников и коллаборационистских элементов, совершавших на Донбассе убийства и злодеяния против советских граждан. В итоге, П.Чумак был изобличен, его личность и местонахождение установлены. Известно, что «22 октября 1959 года Управлением КГБ при Совете Министров УССР по Луганской области последний был арестован в гор. Большой Токмак, где он проживал по документам на имя Чумак Петра Павловича», [1, л.1] и был этапирован на Донбасс, где был помещен в следственный изолятор УКГБ по Луганской области.

Весьма оперативно, за 2 месяца, луганские следователи выяснили большинство обстоятельств преступной деятельности коллаборациониста П.Чумака. 21 декабря 1959 года, ведший это дело старший следователь следственного отдела УКГБ старший лейтенант Абашенко, с санкции начальника следственного отдела УКГБ полковника Тертышника решили «в порядке ст. 204 УПК УССР уголовное дело №7 по обвинению Чумака Петра Денисовича передать прокурору Луганской области для направления по подсудности» [1, л. 11]. Для участия в суде над П.Чумаком был составлен список свидетелей, состоявший из 49 человек [1, л. 12–15].

К сожалению, в архивных учреждениях не обнаружены материалы судебного процесса над коллаборационистом П.Чумаком. Известно лишь, что он обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 («Измена Родине») Закона СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и ст. 68-а ч. 2 УК УССР («Подделка и сбыт, использование фальшивых или чужих паспортов либо временных удостоверений»). Измена Родине в то время наказывалась лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или смертной казнью с конфискацией имущества [13]. Учитывая тяжесть предъявленных обвинений и доказанных следственными материалами фактов преступлений, а также полное признание вины самим П.Чумаком, можно с большой долей вероятности предположить, что по отношению к предателю и коллаборационисту П.Чумаку была заслуженно применена мера наказания в виде смертной казни.

Кроме этого, интересен также процесс, состоявшийся в мае – июне 1943 г. на севере Ворошиловградской области над членами лжепартизанского отряда из числа советских партийных и хозяйственных активистов, оставленных на оккупированной территории для ведения подпольной работы. Приговором Военного трибунала войск НКВД Украинского военного округа, заседавшего с 26 мая по 2 июня 1943 г., 12 человек из числа лжепартизанского отряда были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны за измену Родине [2, л. 118–128]. Однако в мае 1959 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР на основании пересмотра дела Военной прокуратурой частично пересмотрела решение Военного трибунала, изменив либо отменив по ряду осужденных приговоры (в том числе и высшую меру наказания), переквалифицировав преступления со ст. 54 УК УССР («Измена Родине») на ст. 98 («Превышение власти») и отправив ряд дел на дополнительное расследование в связи с вновь открывшимися обстоятельствами [2, л. 129–134].

Следует заметить, что сегодня не до конца выясненными остаются некоторые юридические процедуры в отношении этих осужденных. Что конкретно вменялось в вину осужденным и насколько достоверными следует считать показания свидетелей по делу? Кроме того, весьма трудно согласиться с доводами Военной прокуратуры и считать объективным наличие оснований для пересмотра приговора в 1959 г. по указанному выше делу. Следственные материалы 1943 года, на наш взгляд, вполне убедительны, а приговор Военного Трибунала войск НКВД Украинского военного округа, заседавшего с 26 мая по 2 июня 1943 г. видится нам справедливым. Напрашивается вопрос: нет ли здесь связи с внутриполитическими процессами «десталинизации», развернувшимися в стране в 1950-х гг.? Вызывает также вопрос обоснованность применения к осужденным норм ст. 6 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1.11.1957 г. «Об амнистии». Доступные ученым документальные источники лишь частично дают ответы на эти и другие вопросы.

Важно также вернуться к делу другого коллаборациониста – ранее упомянутого редактора Ворошиловградской коллаборационистской газеты «Нове життя» М.Бернацкого. Как и П.Чумак, М.Бернацкий вместе с бежавшими с Донбасса оккупантами выехал вместе с некоторыми сотрудниками редакции газеты в немецкий тыл. Однако 8 августа 1944 г. Бернацкий был арестован в Одесской области советскими органами госбезопасности и этапирован в Ворошиловград в областной следственный изолятор УКГБ. Закрытое заседание Военного Трибунала войск НКВД Ворошиловградской области состоялось там же 2 марта 1945 г. Он был признан виновным по пунктам 1-а статьи 54 УК УССР в том, что он был убежденным украинским националистом, принадлежал к контрреволюционному националистическому обществу «Просвита» и в период немецко-фашистской оккупации г. Ворошиловграда, изменив Родине, перешел на сторону врага. Он добровольно поступил на службу к оккупантам в должности редактора фашистской газеты «Новая жизнь», в которой пропагандировал идеи фашизма и украинского национализма [5, л.281].

В итоге, он был приговорен к расстрелу и конфискации всего имущества и ценностей. В своем вердикте Военный Трибунал заявил, что Бернацкий «был завербован подпольной ОУН, вербовал для нее членов, клеветал на советское правительство, восхвалял фашизм и украинский национализм» [5, л.244]. 30 апреля 1945 года он был казнен в г. Ворошиловград [26, р. 308].

В 1991 году Луганская областная прокуратура в рамках работы по исполнению закона УССР от 17 апреля 1991 г. «О реабилитации жертв по-

На основании изложенного ВТ признал предъявленное БЕРНАЦКОМУ обвинение по ст.ст. 54-1"а" и 54-11 УК УССР доказанным, а ОСАДЧЕМУ по ст.ст. 54-1"а" и 54-11 УК УССР—не доказанным.

Руководствуясь ст.ст. 296, 297, 302 ч. 1 УПК УССР и 34 УК УССР

ПРИГОВОРИЛ:

БЕРНАЦКОГО Максима Ивановича по совокупности совершенных им преступлений, на основании ст. 54-1"а" УК УССР подвергнуть высшей мере наказания—расстрелу с конфискацией всего имущества и ценностей, изъятых при обыске.

ОСАДЧЕГО Сергея Макаровича в предъявленном обвинении по ст. 54-1"а" и 54-11 УК УССР считать по суду оправданным.

Однако, имея в виду, что Осадчий находился в среде контрреволюционеров-изменников Родины—он является общественно-опасным, поэтому на основании ст. 33 УК УССР подвергнуть высылке за пределы УССР сроком 10 /десять/ лет, исчисляя ему срок со дня приведения приговора в исполнение.

Меру пресечения ОСАДЧЕМУ—содержание под стражей отменить.

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит.

Печатка Подлинно за надлежащими подписями.

ВЕРНО: и.о. председателя ВТ войск НКВД Ворошиловградской области Майор юстиции Кабанов.

*Архів Управління СБУ по Луганській обл.—Спр. 5204,
арк. 240–244. Оригінал, підписи—автограф.*

Приговор редактору коллаборационистской газеты «Нове життя» М.Бернацкому

литических репрессий в Украине» изучила уголовное дело в отношении М.Бернацкого. Проанализировав приговор, прокуратура пришла к выводу, что «материалами уголовного дела вина Бернацкого М.И. в измене Родине доказана, поэтому он осужден обоснованно и реабилитации не подлежит». Заключение по уголовному делу М.Бернацкого подписано Прокурором Луганской области, государственным советником юстиции 3 класса Д.С.Беседой [5, л.282]. В декабре 1991 г. Президиум Луганского областного суда согласился с заключением Луганской прокуратуры и также признал М.Бернацкого «обоснованно осужденным и неподлежащим реабилитации» [5, л.283].

В завершение следует обратить внимание на некоторые недостатки, выявленные военной прокуратурой в части надзора за спецделами по преданию суду нацистских ставленников и пособников, действовавших в Ворошиловградской области. Военный прокурор войск НКВД Ворошиловградской области майор юстиции Отришко указывал, что «некоторые работники Военного трибунала, рассматривавшие часть дел на изменников, действовавших в северных районах области, при рассмотрении дел допускали ошибку, результатом которой являлись приговоры, в описательной части составленные из двух–трех фраз и не содержащие в себе

подробного описания обстоятельств дела в соответствии с требованиями ст. 108 УПК УССР. Во многих случаях в приговоре не мотивировалось применение к тому или иному осужденному меры наказания ниже предусмотренной законом» [3, л. 52]. Кроме того, прокурор указал на слабую практику рассмотрения дел по «изменникам с выездом в те населенные пункты, где протекала преступная деятельность обвиняемых» [3, л. 52].

Заключение

Деятельность советских правоохранительных органов на Донбассе в годы Великой Отечественной войны протекала в сложных условиях военного

времени. Тем не менее в кратчайшие сроки удалось установить, что оккупанты привлекали к работе в коллаборационистских структурах активных врагов советской власти, изъявляющих желание служить немцам. Немецко-фашистское руководство в своей вербовочной и пропагандистской работе останавливалось на кулаках, выходцах из кулацких семей, белогвардейцах, судимых и др. лиц, репрессированных советской властью. Многие из них брали в руки оружие, участвуя в убийствах и истязаниях советских граждан. В ряде случаев украинский коллаборационизм носил не столько территориальный, сколько этнический характер, а немецкая пропаганда активно муссировала среди украинцев идеи русофобии и антисемитизма.

Отметим, что сложнейшая задача по преданию суду нацистских ставленников и пособников на освобожденных от врага территориях Донбасса в целом была выполнена в кратчайшие сроки. Советские правоохранительные органы внесли свой значительный вклад в дело преследования нацистских пособников и военных преступников за их злодеяния, совершенные на оккупированной территории советских республик. Развернув эту деятельность уже в начале 1943 года, они не только приближали Победу, но и укрепляли веру в неотвратимость и справедливость наказания нацистских преступников и коллаборационистов за совершенные ими преступления.

Сегодня в Украине и странах Прибалтики мы наблюдаем героизацию националистических коллаборационистских формирований, вокруг них формируются политические мифы и плодятся псевдо-исторические спекуляции при одновременном замалчивании преступлений и зверств этих структур в годы Великой Отечественной войны. Антисемитские и русофобские идеологи украинского национализма, различные коллаборационистские структуры и формирования на официальном уровне чувствуются украинскими властями. Нынешние украинские националисты открыто выражают свои симпатии к нацистской идеологии, демон-

стрируя также свое родство с националистами времен Второй мировой войны. Сегодня они, как и восемьдесят лет назад, совершают на Донбасе и на Украине чудовищные зверства и преступления. В связи с этим сохранение памяти о Великой Отечественной войне, о людях, которые смогли сломать хребет нацизму, борьба с антисемитизмом и прославлением коллаборантов и убийц славян, евреев, цыган и лиц др. национальностей, представляется исключительно важным государственным делом.

Библиографический список

1. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики (далее – ГА ЛНР). Ф.П-1790. Оп.1. Д. 103.
2. ГА ЛНР. Ф.П-1790. Оп.1. Д. 154.
3. ГА ЛНР. Ф.П-1790. Оп.1. Д. 262-а. Л. 1–52.
4. ГА ЛНР. Ф.П-1790. Оп.1. Д. 265.
5. Государственный отраслевой архив СБУ в Луганской области. Д. 5204.
6. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1440. Оп.3. Д. 964.
7. Грабовський С.І. Колабораціонізм / Енциклопедія Сучасної України. Електронний ресурс. Режим доступу: https://esu.com.ua/search_articles.php?id=4446 (дата обращения: 12.06.2022).
8. Дзьобак В. Порівняльна характеристика колаборації населення Росії й України в роки радянсько-німецької війни // Сторінки воєнної історії України: 36. наук. ст. 2008. Вип.11. С.252–276.
9. Дробязко С.И. Восточные формирования в составе Вермахта, 1941–1945 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. М.: РГГУ, 1997. 208 с.
10. Дробязко С.И. Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил, 1941–1945. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Музей-мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2020. 573 с.
11. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2005. 296 с.
12. Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР: (Ист. – правовой аспект). Волгоград: Волгоградский юридический ин-т, 1997. 214 с.
13. Закон СССР от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» / Ведомости Верховного Совета СССР, 1959 г., №1, с.8.
14. Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.

15. Македонская В.А., Швец Т.Д. Структура и эволюция компетенции органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. №4 (108). С.334–338.
16. Монастирський С. Шоа в Ворошиловграді – невідома сторінка історії Голокосту в Україні // Проблеми історії Голокосту. 2013. Вип.6. С.90–101.
17. Морин А.Е. Уголовное преследование нацистских преступников. Работа советских правоохранительных органов по установлению и расследованию военных преступлений, преступлений против мира и против человечности // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны / Сост. В.Селеменов, Ю.Зверев, К. – Д.Мюллер, А.Харитонов. Дрезден; Минск, 2004. С.488–527.
18. Окоороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. М.: Военный ун-т, 2001. 479 с.
19. Панченко С. Кто сжег Хатынь. История преступления 118 карательного батальона, сформированного из украинских националистов // «Российская газета». Федеральный выпуск. 4 марта 2014. №6322 (50).
20. Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени: 1942–1943. Л.: Лениздат, 1944. 252 с.
21. Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
22. Словарь иностранных слов современного русского языка / Сост. Т.В.Егорова. М.: Аделант, 2014. 800 с.
23. Татаринов И.Е. К вопросу о коллаборационизме украинских националистов в годы Второй Мировой войны / Фронт, тыл, наука: вклад регионов в Победу: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 18 мая 2015 года. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2015. С.124–134; Его же: Уроки истории: прошлое и настоящее украинского национализма / Память и время: влияние войн и вооруженных конфликтов XX в. на российское общество: сборник статей международной научной конференции, Новороссийск, 12–15 сентября 2016 года. Новороссийск: Пензенский государственный университет, 2016. С.78–85.
24. Татаринов И.Е. Считать «обоснованно осужденным и неподлежащим реабилитации»: к вопросу об уголовном преследовании редактора коллаборационистской газеты «Нове життя» М.Бернацкого в 1944 году / «Совершенствование национального законодательства в контексте мировых стандартов в области защиты прав и свобод человека»: материалы научно-практической конференции, Луганск, 14 декабря 2021 года. Луганск: ГУ ЛНР «Луганская академия внутренних дел имени Э.А.Дидоренко», 2022. 404 с. С.50–54.
25. Stanley Hoffmann. Collaborationism in France during World War II. The Journal of Modern History, Vol.40, No.3 (Sep., 1968). P.375–395.
26. Volodymyr Semystyaha. New Documentary Information about Maksym Bernatskyi, A Leader of the Ukrainian Underground in Eastern Ukraine during World War II // Harvard Ukrainian Studies, 1994. Vol.XVIII, No.3–4 (December). P.303–326.

Наши авторы

Сафарян Левон Араикович

независимый исследователь, МГИМО (У) МИД России

Сушилова Екатерина Андреевна

независимый публицист, ИСАА МГУ

Журавлев Валерий Васильевич

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ

Савельев Петр Юрьевич

доктор исторических наук, главный специалист РГАСПИ

Хмуркин Георгий Георгиевич

старший преподаватель Московского авиационного института, соискатель ИРИ РАН, г. Москва

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Московского государственного областного университета

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН и Архива РАН, доцент Саратовского государственного технического университета имени Ю.А.Гагарина, приглашенный профессор Высшей экономической школы в Праге

Татарinov Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г.Луганск, Луганская Народная Республика

Our authors

Safarian Levon Araikovich

Independent researcher, MGIMO University

Sushilova Ekaterina Andreevna

Independent publicist, Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov State University

Zhuravlev Valeriy Vasilievich

D.Sci., historian, Professor, the Head of Chair for the Modern
Russian History, Moscow State Regional University,
head specialist of the "Centre Documentary Publications",
the Russian State Archive of Socio-Political History

Savel'ev Petr Yur'evich

D.Sci., historian, Head Specialist of RGASPI

Khmurkin Georgiy Georgievich

Senior Lecturer at the Moscow Aviation Institute (Moscow),
Competitor of the IRH RAS (Moscow)

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Researcher
of the Moscow State Regional University

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D., historian, Associate Professor, Senior Researcher in the Insti-
tute of World History of the Russian Academy of Sciences and the
Archive of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor in the
Yu.A.Gagarin Saratov State Technical University, Visiting Professor in the
Higher School of Economics in The University of Economics, Prague

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Associate Professor, Ph.D., historian, Associate Professor
of the Department of State Policy, Vladimir Dahl Lugansk
State University, Lugansk, Lugansk People's Republic

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2022.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 5.09.2022. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,5 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 182976**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

4. 2022 july-august

Geopolitics and International Policy Issues

*Levon Safarian,
Ekaterina Sushilova*

“From Love to Hatred”:
To the History of Relations Between the USA
and the Muslim Brotherhood _____ 6

Pages of History

*Valeriy Zhuravlev,
Petr Savel'ev*

Russian Social Democracy and the Historical
Choice of Russia. II. From Socialism to Communism _____ 28

Georgiy Khmurkin

On the Question of the Statistics of Victims
Among the Orthodox Clergy of the Southern
Russian Regions in 1918–1919 _____ 62

Oleg Volobuev

Alupka. A History Teacher.
1954–1960 (continuation) _____ 88

Russia in the World

Mikhail Kovalev

“The audience at the Sorbonne was Packed to Capacity”: Parisian Lectures of Academician M.N.Tikhomirov in 1957 _____ 130

Topical Archive

Igor' Tatarinov

The Story of a Betrayal. To the Question of the Nature of Ukrainian Collaborationism During the Great Patriotic War _____ 160

РОССИЯ XXI